

М
О
С
К
О
В
С
К
И
Й

BAZAR

№ 3 (5) 2012

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossallit.ru

*Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.*

*Все жанры хороши,
кроме скучного.*

Журнал выходит в
рамках проекта
«МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный
редактор
Ольга Грушевская

Редакционный Совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

Города, которые нас выбирают (навечно воспоминаниями о летних отпусках)

Когда-то я считала, что это мы выбираем города, которые стоит посетить. Открываем карту и смотрим, куда бы отправиться? Может быть, сюда? Или сюда? Раньше это были города СССР: Ленинград, Калинин, Ростов Великий, Рига, Каунас,

Вильнюс... Потом открылись границы, и мир вокруг меня значительно расширился. Я посмотрела Каир и Сингапур, Порт-Саид и Вифлеем (тогда он принадлежал Израилю), Париж и Брюссель, Мюнхен и Люксембург, надолго задержалась в Вене. Их было много, этих чужих городов, вписанных в карту моей жизни. Помню, в Трире рано утром я бродила по пустым улицам, наблюдая, как мелкие лавочники открывают свои магазинчики, как раскладывают на витринах только что испеченные булочки. Какой запах струился из-за еще закрытых дверей! В Марселе удивлялась мусору, плавающему среди великолепных яхт, в Амстердаме заглядывала в огромные окна, казалось, специально оставленные не занавешенными для меня. Я всегда считала, что это мой выбор. И, покидая город, возможно, навсегда, как единственное доказательство моего здесь пребывания увозила с собой сувениры. Пока однажды не побывала в Барселоне.

Так получилось, что вечером я вышла из отеля и отправилась на прогулку. Думала побродить пару часов и вернуться назад. Не буду описывать достопримечательности этого великолепного города – на то есть путеводители, а лучше – собственные ноги. Не знаю, как получилось, но я заблудилась и забрела невесть куда. У меня не было карты, я не знала испанского, плохо говорила по-английски. В общем, осталась одна среди ночи в чужом и незнакомом городе. Поначалу это было весело: Барселона – город ночной, и жизнь кипит до утра. Но, видно, бродила не там где надо. Я шла по пустым остывающим улицам, которые то и дело круто убегали вверх или резко спускались вниз, а то и вовсе заканчивались тупиком, и мне приходилось возвращаться. На протянутых от дома к дому веревках прямо над головой висело белье, кое-где сквозь закрытые ставни сочился свет. Иногда из-за глухих стен слышались голоса. Вскоре мне стало просто страшно. Я вдруг ощутила свое одиночество в этом городе, определенно не принимавшем меня. И город... Я почувствовала город, его горячую утробу, в которую по воле судьбы провалилась. Он был живым, этот город, и он владел мною, высасывая мои мысли, страхи, ощущения. Он питался мною, как лев пойманной дичью. Из-за закрытых дверей я ощущала его взгляд, темный и глубокий, наполненный тысячелетними видениями. В этом взгляде была одержимость мавров и несбывшиеся надежды Колумба, преступления конкистадоров и мысли великого Гауди, обида изгнанных евреев и власть генерала Франко. Он был вечен, этот взгляд. А я – песчинка. Маленькая и ничтожная. Но уже тоже часть этого взгляда.

Как алчный таксист, город таскал меня по одним и тем же улицам, тихим и пустым, где не было ни одного человека, ни одного кафе, ни одного горящего окна. И я впала в отчаяние. Глотая слезы, я, как цирковая лошадь, бежала по манежу мрачных глухих переулков, то и дело наталкиваясь на уже виденные строения, утыкаясь в те же тупики. И вдруг передо мной появился собор Саграда Фамилия. Он возник словно из небытия, упираясь башнями в темное

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

ночное небо, и я, опешив, не сводила с него глаз. Собор не был почему-то подсвечен и напоминал скелет громадного существа, вымершего много тысячелетий назад. Впечатливший меня днем, ночью неожиданно он показался мне уродцем. Он был словно мертворожденное дитя, в которое Господь забыл вдохнуть жизнь. И тут, как по мановению волшебной палочки, город наполнился звуками. Вокруг меня опять забурлила жизнь: бродили люди, веселые от выпитой за день сангрии, из многочисленных кафе неслась музыка, визжали тормозами машины. Измученная и опустошенная, я села прямо на асфальт, еще теплый. И тогда я подумала, что вовсе не мы выбираем города, это города выбирают нас. Они бродят по темным закоулкам наших душ в вечных поисках смысла, оставляя неизгладимые следы. А затем, в качестве сувенира, выгрызают из нее кусочки, втискивая в освободившуюся нишу частицу своей бессмертной истории. И в этот момент я становлюсь немного Триром, Амстердамом, Парижем, Веной, а Вена становится чуточку мной. Начинается наше сосуществование, и я точно знаю – город уже никогда меня не забудет. Как и я его.

Ваша Светлана Сударикова

***Собор La Sagrada Familia (Собор Святого Семейства).
Архитектор Антонио Гауди***

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ПУБЛИЦИСТИКА

ИРИНА ЧИЖОВА (МОССАЛИТ, Санкт-Петербург)

- *К 200-летию со дня победы в Отечественной войне 1812 года*

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Королев)

- *СМОЛЕНСК ПЫЛАЛ (поэзия)*

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

- *Из истории литературного андеграунда. СМОГ – САМОЕ МОЛОДОЕ ОБЩЕСТВО ГЕНИЕВ!
Материал подготовлен Ольгой Грушевской*

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ПОЧТАЛЬОН! ЗВОНИТЕ ГРОМЧЕ И ДОЛЬШЕ (из записок об А. Басиловой, октябрь 2012)*

ПОЭЗИЯ

АЛЁНА БАСИЛОВА (Москва)

АЛЕКСАНДР БАЛТИН (Москва)

ВИКТОРИЯ МУРАВЬЕВА (Королев)

ОЛЬГА МОИСЕЕВА (МОССАЛИТ, Москва)

НАДЕЖДА СТРЕЛКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Литературно-музыкальный проект «ЖИВОЕ АВТОРСКОЕ СЛОВО»: знакомьтесь – Надежда Стрелкова, поэтесса, руководитель проекта

- *ИНТЕРВЬЮ: «ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ»*

ПРОЗА

МИКАЕЛ АБАДЖЯНЦ (МОССАЛИТ, Москва)

- *КАРТИНА*

АННА ВЕПРИНЦЕВА (Анна Вэп) (Москва)

- *КОГДА МЫ МОГЛИ ЧТО-ТО ИЗМЕНИТЬ*

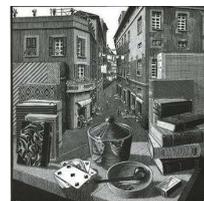
НАТАЛЬЯ ШАУБЕРТ (Германия)

- *ВЕРОЧКА*

- *БОЛЬШОЙ ВЛАДИМИР*

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- *РАВЕЛА АКВАРЕЛИСТ (роман-миниатюра)*

6

8

10

20

28

37

42

44

49

52

55

57

62

66

69

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ИРИНА ЧИЖОВА (МОССАЛИТ, Санкт-Петербург)

- *ХОЛОДИЛЬНИК СО СКИДКОЙ, ИЛИ КОЕ-ЧТО О НЕВЫПОЛНЕНИИ ОБЕЩАНИЙ*

81

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

Наш гость – Ольга Карлова

- *«НАВЕРНОЕ, ТАК БЫВАЕТ, КОГДА РАБОТА СТАНОВИТСЯ ЛЮБИМОЙ».* Фотоработы

84

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Королев) – очерк

- *130 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА ЖИТКОВА*

АЛИНА ХАВРЮКОВА (Москва) – поэзия

93

96

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- *СНОВА В ШКОЛУ, ИЛИ ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ДЕТСТВО*

98

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (фото автора)

- *РЫЦАРСКИЕ ЗАМКИ АВСТРИИ*

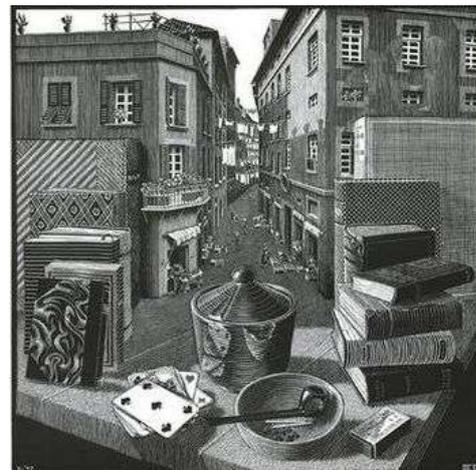
101

*В оформлении журнала использованы
Репродукции картин М. К. Эшера, О. Целкова, И. Бурдонова,
фотографии и рисунки из личного архива А. Башиловой,
фотография И. Гневашева,
рисунок А. Народицкой,
фотографии из архивов авторов.
На обложке репродукция картины
«Сражение при Бородине 26 августа 1812 г.»,
неизв. автор, Москва, 1891 г., бумага, хромолитография,
сайт: «Музей-панорама «Бородинская битва».*

ПУБЛИЦИСТИКА

*К 200-летию со дня победы в
Отечественной войне 1812 года*

*Ирина Чижова
(МОССАЛИТ, Санкт-Петербург)*

В этом году исполнилось 200 лет со дня победы в Отечественной войне 1812 года. В честь знаменательной даты по всей России проходили торжества, обновлялись выставки и музейные экспозиции, была произведена реконструкция Бородинского сражения.

Конечно, столь значимое событие в истории России не могло остаться в стороне от деятелей искусства, в частности литературы. Со школьной скамьи мы помним «Бородино» Лермонтова, о знаменательном сражении писали А. Пушкин, И. Крылов, П. Вяземский, конечно же, поэт-партизан Денис Давыдов... Безусловно, нельзя не упомянуть Льва Толстого. Многие мои знакомые, несмотря на то, что роман «Война и мир» входит в школьную программу, так его и не прочли, а если и читали, то обычно пропускали батальные сцены. Каюсь, я тоже так поступила когда-то, отметив только, что Бородинская битва случилась точно в день моего рождения. Но с гордостью могу сказать, что позже, лет в тридцать, перечитала произведение полностью. Теперь и моя старшая тридцатипятилетняя дочь взялась за него. Наверное, это не случайно, и такое повторение истории несказанно радует. Стоит отметить, что Лев Николаевич очень серьезно относился к историческим деталям, и, как отметил один из исследователей его творчества, «если в полдень у Льва Толстого тени падали именно так, то можно с уверенностью сказать, что в день Бородинского сражения они лежали точно так же».

*Раненого Багратиона увозят с поля боя.
Художник И. Евстигнеев. 1962 г. Эскиз*

сражение!» Он больше не верит в военную науку, но точно знает, что исход сражения зависит от того чувства, которое живет во всех участниках битвы.

Двадцать глав третьего тома эпопеи посвящены описанию Бородинской битвы. И это не удивительно – 26 августа 1812 года решалась судьба России и русских людей. Сражение под Бородином у Л. Н. Толстого – это момент наивысшего напряжения, момент концентрации народной ненависти к захватчикам. Бородинское сражение мы видим глазами Пьера Безухова и Андрея Болконского, которые, являясь непосредственными свидетелями и участниками сражения, отмечают, что сила народа была велика, как никогда, именно народ – основная сила русской армии в Бородинской битве. При встрече с Пьером Андрей Болконский говорит: «Завтра, что бы там ни было, мы обязательно выиграем

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

И это чувство – народный патриотизм, необъятный подъем которого в день Бородине убеждает его в том, что русские непременно победят. Крайнее напряжение нравственной силы сопротивления русской армии и народа, необыкновенно мужество солдат и ополченцев, которые и не думают скрывать чувство страха, отчего их мужество кажется еще более удивительным, поражают и удивляют и самого Толстого и нас, читателей, смотрящих на это событие через призму столетий. Чем более грозной становится опасность, тем ярче разгорается огонь патриотизма, тем более крепнет сила народного сопротивления. И подлинным полководцем этой народной войны стал М. И. Кутузов как выразитель народного духа. “У него не будет ничего своего. Он ничего не придумает, ничего не предпримет, но он все выслушает, все запомнит, все поставит на свое место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит. Он понимает, что есть что-то значительнее его воли... А главное, почему веришь ему – это то, что он русский...” – пишет о Кутузове Толстой.

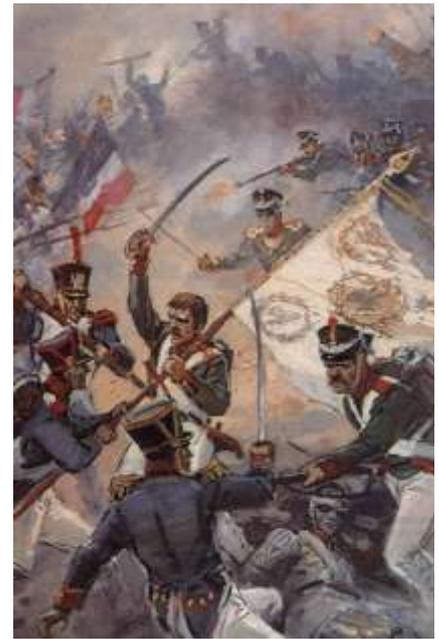

Иллюстрация к поэме
М. Ю. Лермонтова «Бородино»

Обладавшая инерцией наступления и значительным численным превосходством французская армия была остановлена при Бородине. Образовались сотни партизанских отрядов, больших и маленьких, мужицких и помещичьих. Старостиха Василиса, Денис Давыдов и те, чьих имен мы не знаем, – герои партизанской войны. Пришел логический конец наполеоновским победам, и это нанесло решающий нравственный удар наступательному духу завоевателей. Весь ход войны в России неуклонно подтачивал славу Наполеона. Рассчитывал на блистательный поединок шпаг, а в ответ «...дубина народной войны поднялась со всей своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Бородинское сражение стало поворотным моментом войны, определившим дальнейшую скорую гибель французской армии. При Бородине сказалось именно нравственное превосходство русской освободительной армии над французской – грабительской. Это была победа моральной силы народа России над Наполеоном и его армией.

Бородинское сражение.

Худ. А. И. Дмитриев-Мамонов. 1812 г.

Всероссийский музей А.С. Пушкина.

Надпись под изображением в центре: «26 Августа - 1812. Рисовано во время самого сражения.»

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

К 200-летию со дня победы в Отечественной войне 1812 года

Зинаида Кокорина

(МОССАЛИТ, Королев)

СМОЛЕНСК ПЫЛАЛ... (1812 год)

(Для детей среднего и старшего школьного возраста)¹

П. Гесс «Бегство населения из Смоленска в день сражения 5 августа 1812 года»

Всегда великая Россия
кусочком лакомым была.
Пытались брать её и силой,
И хитростью, и жгли дотла...
Тому история свидетель
и артефакты недр земли,
Чтоб подрастающие дети
Святыню предков берегли.

* * *

Два века в памяти страны
Война двенадцатого года.
Не навязал бы враг войны,
знай дух российского народа.

Не мог простить Наполеон
отказа дважды в сделках брачных:
на соглашениях удачных
Россией завладел бы он.
Военный заключив союз
тогда с империей австрийской,
сулил надел земли российской
союзникам своим француз.
Страна мешала обрести
Господство Франции в Европе...

¹ Стихотворение было написано для конкурса по картине П. Гесс «Бегство населения из Смоленска в день сражения 5 августа 1812 года» и выставлено в альманахе «Москва поэтическая» - 12, став победителем в номинации «Гражданская лирика».

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

...И варварски направил стопы
Наполеон к Москве. Смести
с земли готов Россию он...
Планировал легко, без риска
дойти от Пруссии до Минска -
был жаждой власти окрылён.
Стремительный был взят разбег.
Занять Смоленск без промедленья,
с победой к своему рождению
мечтал воинственный стратег.

Был прост расчёт Наполеона:
предусмотрел в военном плане
не допустить слиянье армий
Баркляя и Багратиона.
Продумал всё француз... Да вот
Не ожидал никак, что вскоре,
в сражениях с Барклай-де-Толли
урон значимый понесёт.

Чтоб силы войска сохранить,
Барклаем принято решенье:
не увлекаться наступленьем,
на срок короткий отступить...

Шёл август. Пятое число.
Отход двух армий обеспечен:
бой арьергардный лег на плечи
солдат-героев... Их пекло
не только солнце... Бонапарт
здесь намечал войну закончить.
Кровавый бой длился до ночи
и - залпов орудийных град...
По стенам крепости вели
сплошной огонь сотни орудий...
Сады горели, церкви... Люди
здесь оставаться не могли.

С великим горем, *на изгой*
спешили, покидая город.
В леса, к страданиям, на голод...
Спаси господь! Верни домой!

В Смоленск вошёл Наполеон...
но был угаром дымным встречен.
Всё огненным объято смерчем:
мост, госпиталь и каждый дом...
Не больше тысячи людей,
больных да немощных и старых,
метались в городских пожарах,
кляня непрошенных гостей.

Такой ли славы он хотел:
пустой, кровавой и бесплодной?
Сражаясь с армией народной,
в потере войска преуспел.
В Европе признанный стратег,
штурмуя подступы к Смоленску,
оставил пред отпором дерзким
здесь двадцать тысяч человек.

* * *

С тех пор минуло двести лет.
Смоляне чтут героев подвиг.
Сынов отечества здесь помнят:
воздвигнут в парке монумент...
В былинах, одах и стихах
воспеты подвиги в сраженьях,
чтоб донести до поколенья
Историю страны - в веках!
Огонь у крепостной стены –
Виват защитники России!
По духу храбрости и силе
они для славы рождены!

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В этом номере мы начинаем публиковать цикл материалов, посвященных неофициальной поэзии 60-х - поэзии андеграунда, которая была знаковым литературным процессом и о которой нельзя умолчать, говоря о развитии свободы поэтической мысли в России.

Из истории литературного андеграунда. СМОГ – Самое молодое общество гениев!

Материал подготовлен Ольгой Грушевской (МОССАЛИТ, Москва)

Общий обзор истории литературного андеграунда

В качестве вступительной статьи мне бы хотелось обратиться к материалам ленинградского поэта, философа, основателя самиздатского журнала «37» **Виктора Кривулина**², который подробно исследует историю литературного андеграунда и самиздата в России. Материал будет дан в кратком изложении и поможет нам получить общую картину андеграундного движения в стране.

В качестве отправной точки Виктор Кривулин обращается к тридцатым-сороковым годам: литература и в частности поэзия андеграунда уходят корнями в годы, когда вокруг чудаковатых, оттесненных на обочину советского праздника жизни, а потому подозрительных личностей возникала особая среда, продуцировался напряженный воздух культурного подполья, андеграунда. В этой среде и циркулировали неподцензурные тексты. Литературный андеграунд — в зародыше — существовал еще в 30-е годы. Так, по законам культурного подполья, строил свою жизнь и творчество Алик Ривин, ленинградский «проклятый поэт», чьи стихи дошли до нас лишь в обрывках, в зачастую неточной устной передаче. Но легенда, окружавшая его при жизни и после смерти, обладала огромной притягательной силой даже для таких вполне благополучных советских поэтов, как Давид Самойлов. Пророческие строки Ривина, написанные до начала войны:

Вот придет война большая,

Заберемся мы в подвал.

Тишину с душой мешая,

Ляжем на пол, наповал,

- вспоминали и цитировали многие поэты военного поколения.

² Виктор Кривулин - видный деятель неофициальной культуры Ленинграда. Первый лауреат премии Андрея Белого за 1978 год. В 1970-е годы один из крупнейших деятелей ленинградского литературного и культурологического самиздата (журналы «37», «Северная почта» и др.). (Прим. О. Грушевской). Полный текст статьи В. Кривулина можно найти здесь: <http://www.rvb.ru/np/publication/00.htm>

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Среди ярких фигур теневой литературной жизни В. Кривулин называет Даниила Андреева (30-40-е годы), сына известного писателя, чья визионерская «Роза мира» была самиздатским бестселлером в течение полустолетия; Александра Андреева, чей отец — Александр Прокофьев — был в 50–60-е годы воплощением советского поэтического истеблишмента — первым лауреатом Ленинской премии, председателем Ленинградского отделения Союза писателей, делегатом партсъездов, членом бюро обкома и чье имя упоминалось в контексте процесса над Бродским.

Говоря о литературном андеграунде, необходимо параллельно сказать о связанном с ним напрямую процессом самиздата. Самиздат изначально был «другой» литературой, предполагавшей наличие тесного кружка единомышленников, которые говорят на своем, непонятном другим языке и противостоят общепризнанной системе ценностей. После смерти Сталина можно было наблюдать, как пишет В. Кривулин, что даже среда официально признанных советских писателей «распоясывается», становится источником распространения самиздатских текстов. Начало этому процессу было положено широким хождением стихов из романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго».

В 50-60-е годы самиздат был настолько популярен и имел такой вес в литературных кругах, что даже ходил анекдот: интеллигентные родители пожаловались кому-то на то, что их сын не хочет читать «Войну и мир» Льва Толстого. Им посоветовали перепечатать текст романа на машинке под копирку и подsunуть сыну как самиздат — лучше копию побледней. Проходит месяц. И как, прочел «Войну и мир»? Не то слово — за сутки проглотил, захлеб — теперь ночами сидит, собственноручно перепечатывает для приятелей.

С начала 50-х годов на смену бунтарям-одиночкам приходят частные художественные кружки творческой молодежи. Они становятся центрами и источниками самиздата. Таких центров было несколько - например, дом ленинградского философа Я. С. Друскина, друга Александра Введенского и Даниила Хармса; квартира античника А. Н. Егунова, связанного в молодости с обэриутами, и т.д. В начале 60-х годов в Москве молодые поэты собираются в доме Алексея Кручёных, посещают дачу Бориса Пастернака в Переделкине, в Лианозове, где живет Евгений Кропивницкий, поэт и художник постфутуристического направления, основатель так называемой барачной поэзии. Опираясь на опыт поздних московских футуристов, Генрих Сапгир, Игорь Холин и Всеволод Некрасов, а также Айги на рубеже 50–60-х годов становятся революционерами поэтического языка, включив в него нерасчлененный поток живой речи, активизировав игровую стихию, расшатав жесткий синтаксический строй и, главное, расширив арсенал поэтических выразительных средств элементами визуального ряда. С начала 60-х до середины 70-х поэты и переводчики «новой волны» (царскосельский кружок) объединяются вокруг Татьяны Гнедич. Авторитетами для молодых поэтов становятся медиевист Леонид Пинский и Надежда Мандельштам, вдова поэта, оказавшая решающее нравственно-эстетическое влияние на группу поэтов, ориентированных на постакмеистическую поэзию. В Ленинграде центром притяжения литературной молодежи является Анна Ахматова, к которой в 60-е годы наиболее близки были так называемые «ахматовские сироты», к ним примыкал и Иосиф Бродский, а в ее комаровской «будке» постоянно находился кто-нибудь из молодых поэтов — из Ленинграда, Москвы или глубинки.

Начинается и процесс смещения центра литературной жизни с «казенных» площадок в частные квартиры, что было признаком начавшегося самоопределения, сознательного отсоединения целого поколения литераторов от государства с его идеологией и эстетикой. Так складывался литературный андеграунд, который в течение четверти века был основным источником и потребителем художественного самиздата.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Виктор Кривулин выделяет четыре направления, по которым развивался литературный андеграунд. Они соответствовали четырем основным позициям цензурных запретов:

1. социально-политическая критика советского режима;
2. эротика и порнография;
3. религиозная пропаганда;
4. «формалистическая» эстетика.

Понятие «формалистической» эстетики переживалось литераторами особенно болезненно, так как подобная эстетика не просто стесняла свободу творческого поиска, но фактически в принудительном порядке кодифицировала допустимые приемы художественного письма. Освобождение культуры в рамках андеграунда от государственного диктата осуществлялось по двум направлениям (по определению В. Кривулина):

1. необходимо было вернуться к той исторической точке, где тоталитарное государство впервые вмешалось в естественный процесс эволюции стилей и художественных форм (это произошло в 20-е годы), и оттуда заново начать движение;
2. следовало восстановить прерванные контакты с планетарным культурным процессом, найти общий язык с современной западной культурой.

Если первая задача могла быть решена лишь общими усилиями уцелевших участников литпроцесса 10-20-х годов и нового поколения поэтов, то вторая часть предполагала отрыв от предшествующего русского авангарда. Именно поэтому литературный самиздат начинает постепенно отпочковываться от старой культурной традиции. По мере вычленения нового андеграунда особое значение приобретают приватные группки и кружки — уже «без взрослых», как выражается Виктор Кривулин.

Среди таких образований в середине 50-х можно выделить «мансардовцев» (студенты московского Института иностранных языков). Здесь читали и обсуждали не только стихи собственного сочинения, но и западные литературные новинки, практически неизвестные советскому читателю. Выше других стоял авторитет Красовицкого, чья поэзия — одно из самых значительных явлений в русской культуре XX века. Анна Ахматова называла его «бесспорно гениальным», но еще в начале 60-х годов Красовицкий отказался от своих стихов и уничтожил все написанное. Можно также упомянуть «Группу Черткова», поэзию Роальда Мандельштама, в чьих стихах возрождается «декадентская», неосимволистская эстетика, впоследствии подхваченные и усиленные в поэзии ленинградского неофициального журнала «37».

Для русского андеграунда 50–80-х годов характерно стремление к синкретизму, к размыванию жанровых и видовых различий: художники ориентируются на слово, литературу, писатели же используют опыт изобразительных искусств — традиция, коренящаяся в русском модернизме и вновь воскресшая в искусстве советского постмодерна.

Виктор Кривулин дает подробный и интересный анализ различных андеграундских течений и кружков, раскрывая истоки философии их участников, ознакомиться с этим анализом можно по указанной ссылке (см. сноску выше). Я же остановлюсь на том периоде, когда в Москве появилось так называемое объединение СМОГистов.

СМОГ - Самое Молодое Общество Гениев !

Аббревиатура СМОГ расшифровывалась как «Самое Молодое Общество Гениев», лозунгом которого было: «Смелость, Мысль, Образ, Глубина», а творческий девиз — «Сжатый Миг Отражённый Гиперболой».

Общество было создано в январе 1965 года поэтом Леонидом Губановым и стало самым известным из творческих объединений, отказавшимся подчиняться контролю партийных инстанций. Среди организаторов СМОГа были поэты Леонид Губанов, Юрий Кублановский, Алёна Басилова, Владимир Алейников, Аркадий Пахомов. Через некоторое время в СМОГ также вошли Саша Соколов, Сергей Морозов, Вадим Делоне, Борис Дубин, Владимир Сергиенко, Татьяна Реброва, Александр Величанский, Владимир Бережков, Юлия Вишневская, художник Николай Недбайло. Почётным членом СМОГа был философ Арсений Чанышев (доцент факультета МГУ).

Первое собрание участников СМОГа состоялось 12 февраля 1965 года в библиотеке им. Фурманова и состояло из 15 человек. Хотя и есть мнение, что самое первое собрание было проведено ранее на Садово-Каретной в квартире Алёны Басиловой. Поэты, входившие в СМОГ, приняли участие в подготовке «митинга гласности» и часто стихийно устраивали чтения на площади Маяковского. Они выпустили несколько самиздатских сборников («Здравствуйте, мы гении», «Авангард», «Чу!», «Рикошет» и др.) и издавали журнал «Сфинкс».

Власти преследовали смогистов — исключали из института, высылали из Москвы, насильственно помещали в психиатрические больницы и т. д. Под давлением властей объединение просуществовало недолго. 14 апреля 1966 года состоялось последнее совместное чтение стихов.

Если судить по официальной прессе того времени, первые шаги СМОГа особых восторгов ни у кого не вызвали. Даже те, кто благоволил к ним, высказывались настороженно... Но история литературы о них не забыла.

Как пишет Виктор Кривулин, поэты-смогисты были подчеркнута брутальны, они настаивали на эмоциональной открытости, практиковали напоминающую имажинизм повышенную метафорику. Они активно и открыто вербовали сторонников. Их обличала официальная пресса, их преследовали. Не просуществовав и полутора лет, группа распалась, но стихи Губанова, Алейникова, Величанского, Кублановского, Басиловой, по словам того же Кривулина, уже нашли или, несомненно, найдут своего преданного читателя.

Чтобы картина истории Самого Молодого Общества Гениев была более полной, привожу ниже статью **Виктории Шохиной «СМОГ на площади: «Мы будем быть»** (с небольшими сокращениями) из «Частного корреспондента», посвященную 14 апреля 1965 года, когда у памятника Маяковскому прошла первая демонстрация смогистов.

Фотография из архива НИПЦ «Мемориал»

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

С плакатами по Садовому³

По воспоминаниям Владимира Батшева⁴ (это он выступал с программой), было их в тот день человек двенадцать. Да ещё 40-50 «малых шефов» — сочувствующих; это люди, которые устраивали вечера смогистов, держали салоны, помогали. Леонида Губанова не было — его, спасая, не пустил на площадь Владимир Алейников.

Смогисты двинулись по Садовому кольцу. Они несли смешные плакаты: «Мы будем быть»; «Оторвём от сталинского мундира медные пуговицы идей и тем»; «Будем ходить босыми и горячими». Самый лихой плакат «Лишим соцреализм девственности» Марк Янкелевич придерживал для конечной точки — для ЦДЛ. За недолгий путь от Маяковки до Герцена (ныне Большая Никитская) демонстрантов изрядно потрепали крепкие, спортивные, коротко стриженные ребята. Кого-то оттеснили в сторону, плакаты порвали.

Розовощёкий мальчик объявил программу СМОГа, закончив призывом идти к Дому литераторов. Они хотели, чтобы СМОГ признали самостоятельной творческой организацией, дали помещение для выступлений и т.д. А ещё они требовали свободы творческого слова и освобождения Михаила Нарницы, Владимира Буковского, Владимира Осипова, Иосифа Бродского...

Особую ярость гэбистов вызвал почему-то плакат Саши Васюткова: «Русь! Ты вся поцелуй на морозе!» (Потом Васютков напишет поэму о площади Маяковского, и её долго не будут печатать).

До Дома литераторов добрались немногие. Батшеву удалось пройти внутрь и вручить петицию смогистов первому встреченному там поэту — им оказался Виктор Урин. На том красочно-торжественная часть и закончилась.

*В апреле? в мае? Кончатся
сонеты и сонаты
и площадь Маяковского
станет нам Сенатской.*

Владимир Батшев

Потом были ментовки⁵, Лефортово, психушки, допросы в КГБ, высылки за тунеядство и прочие милые штучки, с помощью которых государство тогда воспитывало своих детей. Впрочем, то, что это были дети, никого не смущало. Не смущало, разумеется, и то, что дети

³ В. Шохина «СМОГ на площади: «Мы будем быть», «ЧАСТНЫЙ корреспондент», 14 апреля 2012 г.

http://www.chaskor.ru/article/smog_na_ploshchadi_my_budem_byt_23018

⁴ Владимир Батшев (род. в 1947 г.), поэт, писатель, один из организаторов и руководителей литературной группы СМОГ, за участие в СМОГе в апреле 1966 года был отправлен в ссылку в село Большой Улуй Красноярского края, где работал на лесоповале. В наст. время живет в Германии, издает журналы «Литературный европеец», «Мосты» (прим. О. Грушевской).

⁵ Андрея Синявского взяли 8 сентября, Юлия Даниэля — 12 сентября. По статье 70 «Антисоветская пропаганда и агитация» УК РСФСР 1960 года Синявский получил семь лет, Даниэль — пять лет заключения в ИТК строгого режима. Им было тогда по 40 лет. Даниэль был инвалидом войны — у него были прострелены обе руки.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

были талантливы. Напротив, это возбуждало государственную похоть. И хуже того — ревность печатающихся поэтов.

СМОГ: Юрий Кублановский, Владимир Алейников, Леонид Губанов, Аркадий Пахомов. 1965 г. Фото: Леонид Курило

Энергетическое поле СМОГа было очень сильным. Так, накануне их выхода на площадь в деканат философского факультета МГУ вызвали доцента кафедры зарубежной философии, автора множества фундаментальных исследований Арсения Николаевича Чанышева. Ему как партгруппоргу объяснили, что объявление о митинге СМОГа, которое висит на факультете, нужно нейтрализовать. То есть провести соответствующую работу — чтобы никто туда не ходил.

Однако работу Чанышев проводить не стал и сам потихоньку направился на Маяк. Он давно уже писал стихи: «Стоит ромашка в поле недвижима. / Нет для неё ни воли, ни режима». И ему нужны были единомышленники⁶. Иногда он вставлял стихи в свои научные труды, приписывая их то Гераклиту, то Эмпедоклу:

*Ворона серотелая
летает не спеша.
Твоя осиротелая
в ней каркает душа.*

Попал в энергетическое поле СМОГа и Саша Соколов: «Я увидел у памятника группу ребят. И они читали стихи. Стихи! Я тоже подошёл и прочитал, и тут же отошёл в сторону. Но тут меня кто-то догоняет, трогает за рукав и произносит: его зовут Володя Батшев, создана поэтическая организация, общество, будут писать манифест, придут художники, писатели, не хочу ли я участвовать? Я понял, что начался большой праздник. Карнавал! Я сказал: ну, конечно! я приду! обязательно!.. На следующий день я пришёл в квартиру к Губанову. Там кишело... Стоял крик. Ликование. Я вообще такого никогда не видел. Была атмосфера большой жизненной удачи — люди почувствовали свободу».

...

В большинстве своём смогисты были гораздо меньше политизированы, чем их предшественники — Буковский, Осипов, Галансков. Советская власть как предмет в принципе не занимала их. Она была лишь грубой материальной силой, которую приходилось учитывать, — советская власть не давала им жить. Однако всё было слишком связано, переплетено и

⁶ Увидев и услышав смогистов, Чанышев понял, что они близки ему, несмотря на существенную разницу в возрасте. Он стал почётным членом СМОГа с членским билетом за номером 52. Стихи его печатались в самиздате под псевдонимом «Арсений Прохожий».

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

некуда деться. И они выходили протестовать против реабилитации Сталина и против суда над Даниэлем и Синявским (чьи расхождения с властью тоже были стилистическими).

Всё было связано. Вместе с Галансковым и Александром Гинзбургом (составившим «Белую книгу» по процессу Даниэля — Синявского) пошла в тюрьму Вера Лашкова⁷, верный друг смогистов, — её комнатка на Пречистенке служила им пристанищем. Свидетелем защиты Гинзбурга выступала Прекрасная Дама СМОГА Алёна Басилова. Самую юную смогистку, девятиклассницу Юлю Вишневскую, увозили на допросы прямо из школы, с уроков. Секретарь СМОГа Батшев и художник Николай Недбайло были отправлены в ссылку — за «тунеядство». Губанова мотали по психушкам. Всё было слишком связано.

....Смогисты были талантливы и знали многое. Отрочество их счастливо совпало с той порой, когда поэзия витала в воздухе. Когда от руки переписывались стихи Мандельштама, Гумилёва, Пастернака, Цветаевой... Когда свои своих узнавали по цитатам. Когда сквозь внезапно образовавшиеся проёмы в стене дули иные ветра.

Они были книжниками, литературным поколением. Манифест СМОГа гласил: «Рублёв и Баян, Радищев и Достоевский, Цветаева и Пастернак, Бердяев и Тарсис⁸ влились в наши жилы, как свежая кровь. И мы не посрадим наших учителей».

СМОГ в общежитии Строгановского училища.
Фото: Леонид Курило, 1965 г.

Пожалуй, самая ёмкая расшифровка аббревиатуры СМОГ — это Сжатый Миг Отражённый Гиперболой. Вопреки апокрифам, изображающим смогистов и Губанова как беспечный, вечно пьяный богемный молодец, к поэзии они относились очень серьёзно — как к предназначению и как к работе. Они, судя по всему, не доверяли лёгкости, с которой рождаются — случаются! — стихи в юном возрасте у одарённых людей. Но и пили, конечно, пили...

В феврале 1965-го в библиотеке им. Фурманова проходил первый вечер смогистов. Владимир Батшев вспоминает: «Все оделись в свитера, лишь Юля Вишневская в платье, на шее у Губанова — петля, у меня — зажигалка на цепочке. Аркадий Пахомов не нашёл свитера и пришёл в телогрейке защитного цвета. Народ повалил быстро и дружно, через десять минут зал был набит, а люди шли — двери не закрывали, всё было слышно в коридоре».

Юля Вишневская читала своё «Письмо к Андре Жиду»:

*Ты нажимаешь на педаль,
твой «Форд», как гений гнойных трасс.*

⁷ Вера Лашкова, активная участница СМОГа, в 1966 г. перепечатывала сборники «Феникс-66», составленные Ю. Галансковым, и «Белую книгу», составленную А. Гинзбургом, одна из обвиняемых по так называемому «делу Галанскова-Гинзбурга» в 1968 г. (прим. О. Грушевской).

⁸ Валерий Тарсис (1906—1983), поэт, один из первых открыто инакомыслящих советских писателей, почётный член СМОГа, выслан в 1966 году из страны, помогал смогистам печататься на Западе.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

*Ты не философ.
Не педант.
Обыкновенный
пидераст.
Твои глаза глядят печальней
и всё смыкаются, плотней,
чем две сургучные печати
на тёмно-сером полотне.*

Публика вздрагивала от словечек «пидераст», «продажные спортсмены», «гомосексуализм» и т. п. И рукоплескала. Вечер закончился приездом милиции, но взять никого не успели — смогисты ушли через чёрный ход.

Других тогда не впускали

Нет смысла говорить сейчас о том, насколько стихи смогистов отличались от тех, что тогда публиковали даже самые смелые («левые») поэты. Потому и не печатали, что отличались — мироощущением, строем, музыкой.

*Мы живём в глухом миру.
И в сиянье синих строчек
Это мы меняем почерк,
Мы огню вверяем дым.
Мы живём в бухом миру.
Словно краски на ветру.
Да не станет вам в обиду долготие воды...*

— писала Вишневская в триптихе «Фронда», посвящённом герцогу Ларошфуко. И чистый, светлый, очень лёгкий и, в лёгкости своей, смелый её голос пробивается сквозь годы — так стремителен взлёт ласточки.

*Есть конец любым шагам.
А пока летит дорога,
Да послужит вам подмогой
Бесконечная игра.
Есть конец любым кругам
И любым крутым врагам.
Пусть вам будет утешеньем
скудоумье топора.*

Как это ни печально, но единственным утешением для поэтов СМОГа и стало «скудоумье топора»...

Существует ещё один апокриф, довольно забавный. Будто бы смогисты готовили для высадки десант — чтобы заменить Вознесенского, Евтушенко, Рождественского и Ахмадулину. Их места должны были занять соответственно Губанов, Алейников, Батшев и Алёна Басилова. Возможно, нечто подобное и высказывалось — смогисты любили пересмешничать.

.....

Апокрифы апокрифами, а жизнь жизнью. Официальные поэты относились к смогистам в общем неплохо. По крайней мере, с любопытством и заинтересованно. В той мере, в которой могли понять, ценили их стихи Слуцкий, Самойлов, Межиров. Их любили Кирсанов и Чуковский, Евтушенко и Вознесенский. Особенно всех интересовал Губанов — Андрей Битов даже посвятил ему одну из глав романа-пунктира «Улетающий Монахов» (1965—1972) (и

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

таким образом первым в отечестве напечатал его стихи). «А вдруг Лёничка — великий поэт? Смешно. Быть **не** может... А вдруг? Тогда кто я? Дантес? Мартынов? Бред какой-то... Странные люди»; «Самое привлекательное было в этом парне, что он ещё и улыбался на бегу, будто радовался, что всё-таки успел, и не сомневался, что его впустят».

Но не впустили. Смогисты и Губанов были всем интересны, но по-настоящему помочь им всё не получалось. Как сказал Евтушенко, сами едва успели протиснуться в закрывающуюся дверь...

И вот в Союз писателей РСФСР поступило письмо от председателя КГБ Семичастного. Он просил, чтобы «взрослые» поэты послушали смогистов и дали, так сказать, заключение. Если что-то представляют в литературном отношении, пусть живут. Если нет — ими займётся контора. Нравы были патриархальными: главный кагэбэшник честно всё объяснил и ждал добросовестной литературной экспертизы.

22 января 1966 года в ЦДЛ пришли со стихами Басилова, Губанов, Сергей Морозов (1946—1985), Батшев, Татьяна Реброва, Борис Дубин... В углу тихо и скромно сидел сам товарищ Семичастный. Началось обсуждение. Георгий Марков, тогда член правления СП СССР, сказал: «Я ничего не понял. Но мне нравится...» Пришёл в восторг поклонник новых форм Семён Кирсанов — ничего подобного он не слышал с 20-х годов. Благоклонно отнёсся к чтению смогистов Давид Самойлов. Предложил опубликовать их стихи и даже издать какой-нибудь журнал СМОГа Борис Слуцкий.

И тут, на беду, появилась Юнна Мориц. Слова Бориса Абрамовича чем-то сильно её заделали, поэтесса начала кричать: кто они такие? зачем их публиковать? сколько хороших поэтов не издано... Остановить её было невозможно, вечер вошёл в другое русло. И уже никто не слушал Александра Алшутова и Льва Аннинского, которые пытались защитить смогистов. Это был всего лишь один из эпизодов литературной жизни, но очень характерный. «А были мы хорошие ребята! / И нас поубивала не война» (Александр Васютков).

Смогисты верили: «Мы будем быть». И отчасти это сбылось. Может, не в той великолепной форме, которая грезилась им, юным, но всё-таки сбылось. Так что не напрасно они выходили на площадь. Они остались в литературной памяти как Самое Молодое Общество Гениев, у которых была Смелость, Мысль, Образ, Глубина, а также Сила Мыслей, Оргия Гипербол. Не так уж мало.

**Мы публикуем художественный цикл
«Русский андеграунд: поэты-СМОГисты» и начнем этот цикл
с Прекрасной Дамы СМОГа Алёны Басиловой.**

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Русский андеграунд: поэты-СМОГисты

Прекрасная Дама СМОГа Алёна Басилова

«...большой русский поэт, пишущий в ритмах, ранее поэтами не использованных...» - и эти, и другие столь же высокие слова говорили о поэзии Алёны Басиловой К. Чуковский, А. Вознесенский, А. Квятковский...»

Из предисловия к поэме «Комедия греха», 1992 г.

Поэтесса, переводчик, правозащитник, член Союза писателей России.

Жена Леонида Губанова (1946-1983), поэта андеграунда, одного из основателей неформального литературного объединения «СМОГ».

Выступала в качестве свидетеля защиты на процессах А. Гинзбурга, В. Буковского, Ю. Галанскова. Живет в Москве.

Литература:

А. Сенкевич. Показания свидетелей защиты (Русский поэтический авангард 60-х годов) // "Поэзия", № 55 (1990), с.156-165. Статья построена как беседа с А. Басиловой и Ю. Сорокиным.

Публикации:

Стихи из поэмы "Комедия греха". - М.: Рекламная библиотечка поэзии, 1992. Буклет.

Из шутовской поэмы "Комедия греха" // "Дружба народов", № 10, 1991.

"Поэзия", № 55, с.165-168. САМ, с.483-484.

Русский андеграунд: поэты-СМОГисты

Ольга Грушевская
(МОССАЛИТ, Москва)

ПОЧТАЛЬОН! ЗВОНИТЕ ГРОМЧЕ И ДОЛЬШЕ!

Отрывки из записей Ольги Грушевской о Елене Басиловой, октябрь 2012 г.

... «Почтальон! Звоните громче и дольше!» - читаю я на листке бумаги, припиленном на двери своей соседки, и жму изо всех сил на кнопку звонка. Может, у меня получится громче?

И чем она только там занята в полночь, что надо прилагать такие усилия?

Полночь... тишина... время, когда наша «ночь» сменяется на ее «день». Может быть, она пишет? Может, разбирает архивы? Расставляет книги? Или пьет жасминовый чай, слагая мозаику звуков, рождающих поэтические строки? А может, ворожит в своей переполненной артефактами квартире - ковчеге, затерянном в современном мегаполисе?

За дверью - движение, вход в Страну чудес приоткрывается, я захожу...

...Мое знакомство с Алёной происходило постепенно, не быстро. О таинственной Алёне, талантливой поэтессе и заступнице интересов писателей, я слышала еще в юности - от своей бабушки **Зинаиды**⁹, но большого значения тому не придавала: мало ли кем бабушка восторгалась – вокруг нее всегда были «гении», да и что мне, восемнадцатилетней, было за дело до чудаковатой поэтессы!

Но сегодня, оглядываясь назад и вспоминая бабушкины реплики и комментарии, обрывки событий, отчетливо понимаю, что Зинаида Алёну любила, искренне ценила ее талант и всячески поддерживала в официальных Союзах. Но сама я лично никогда с Алёной не встречалась, пока... пока та после смерти своей знаменитой матери Аллы Рустайкис, проживавшей в кооперативе «Драматург» на Аэропорте, не переехала в ее квартиру и не стала нашей соседкой. Хотя и потом... я долго не догадывалась, что та, Зинаидина, Алёна и задумчивая женщина с копной заколотых волос, с которой я так часто пересекалась в подъезде и рядом с домом, - одно и то же лицо.

На самом деле Алёна Басилова, знаменитая Бася, как ее называли современники, была дочерью Аллы Рустайкис - актрисы, поэта, автора стихов к знаменитой песне «Снегопад», и Николая Басилова, композитора и театрального режиссера, который закончил мастерские Мейерхольда по актерскому и режиссерскому мастерству. Басилов был учеником и ассистентом Мейерхольда, и великий режиссер ему очень доверял.

«Папа был блистательным композитором-стилистом, - рассказывает мне Алёна, – который восстановил в России оперы-буфф. Он был коллекционером и собрал огромный «мешок»

⁹ **Зинаида Семеновна Маркина** (1906–1993) - актриса, первая женщина-кинодраматург (первый выпуск ВГИКа), член Союза писателей и Союза кинематографистов СССР.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Оффенбаха,¹⁰ в мешке хранились оригинальные рукописи и ноты композитора. Он научил и мою маму сочинять оперы-буфф. Я родилась под эту музыку – как раз тогда мама писала оперу и «была беременной» не только мной, но и музыкальной работой!»

Ида Яковлевна Хвасс, 1922 г.

Бабушка же Алёны талантливая пианистка Ида Хвасс (мать Аллы Рустайкис) доводилась кузиной сестрам Коган, известным как Лиля Брик и Эльза Триоле. Именно в доме Иды Яковлевны Владимир Маяковский познакомился с юной Эльзой, будущей писательницей, которая и привела его к своей сестре Лиле, бывшей уже тогда по мужу Брик.

Квартира Алёниной семьи в доме на Садовой-Каретной была поистине особенной. Кто-то квартиру эту называл модным салоном, а кто-то - артистическим ковчегом, но Алёне не нравятся эти сравнения. «Что за глупости! - восклицает она. - Это была обыкновенная московская квартира! Но она была единственным в Москве местом, где можно было читать стихи и свободно себя выражать».

На Садовой-Каретной побывало множество творческих личностей: поэтов, прозаиков, художников, артистов, уже в то время маститых, а также тех, к кому известность пришла позже. Частыми гостями здесь были поэты Леонид Губанов (впоследствии муж Алёны), Инна Лиснянская, Иосиф Бродский, Булат Окуджава, ленинградские поэты Виктор **Кривулин**¹¹, Глеб **Горбовский**¹² и многие другие. «У меня перебивал весь Питер!» говорит Алёна.

Вот что пишет **Генрих Сапгир**¹³ об этих встречах: «Без Алёны Басиловой Москва 60-70-х была бы, боюсь, неполна. Дом ее стоял прямо посередине Садового кольца, примерно напротив Эрмитажа, рядом был зеленый сквер. Теперь ни этого дома, ни сквера давно нет... А когда-то с раннего утра или посредине ночи мы кричали с улицы (она жила на третьем этаже¹⁴): - Алена!!! - и соседи, как понимаете, были в восторге.

В ее просторной старомосковской квартире кто только не перебивал, стихи там читали постоянно. Помню кресло в стиле Александра Третьего, вырезанное из дерева, как бы очень русское: вместо ручек топоры, на сиденье - деревянная рукавица. Здесь зачинался и придумывался СМОГ в пору, когда Алена

¹⁰ (фр. Jacques Offenbach; 1819, Кёльн —1880, Париж) — французский композитор и музыкант, один из одарёнейших композиторов XIX века, яркий представитель французской оперы-буффа (веселый музыкальный гротеск, для которого характерны подвижность действия, пародия, яркая, живая жанровая мелодика, небольшие размеры пьесы).

¹¹ **Виктор Кривулин** (1944-2001) - российский поэт, прозаик, эссеист. Видный деятель неофициальной культуры Ленинграда. Первый лауреат премии Андрея Белого за 1978 год. В 1970-е гг. один из крупнейших деятелей ленинградского литературного и культурологического самиздата (журналы «37», «Северная почта» и др.).

¹² (1931) — русский поэт, прозаик. Член Русского ПЕН-центра (1996). Академик Академии российской словесности (1996). Стихи писать начал в шестнадцать лет, в армии писал песни, одна из самых известных — «Сижу на нарах, как король на именинах».

¹³ **Генрих Сапгир** «Самиздат века», изд. «Полифакт», 1997 г. «Итоги века».

¹⁴ Уточнение: на втором этаже – прим. О. Грушевской.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

была женой Лени Губанова. Здесь пили чай и Андрей Битов, и Елизавета Мнацаканова - такие разные личности в искусстве».

Безусловно, выросшая в таком окружении, Алёна впитала в себя дух времени и особое бунтарское начало. Это была личность неординарная, эпатажная, чувственная, и, как говорят сегодня, сверхпродвинутая. Мечтательная и жизнеутверждающая одновременно. Возможно ли, чтобы все эти качества соединились в одном человеке?! Оказалось, возможно. И не только соединились, но и на долгие годы сохранились в ней чистота и острота восприятия мира.

Интересны воспоминания **Заны Плавинской**¹⁵, которая пишет: «В короткой юбке, с летящими волосами, на бешеных скоростях мотоциклетки, Бася гоняла по Москве, и шлейф первых рокеров сопровождал ее всюду. Ей было 15 лет, когда бродильный элемент Евтерпы ударил в гены, Муза явилась, и мир изменился. В голове, в ритме гонки, засвистели анапесты и хореи, на лету охватываясь рифмой, рождая диковинные метафоры. Она стала кумиром и романтическим символом СМОГа. В своём салоне на Садовой-Каретной Алёна была раффлезия - цветок богемы, похищающий сердца. От жены Губанова сходило с ума пол-Москвы». И далее там же: «Но даже стихотворчество не смогло вобрать в себя всю природную энергию. Живая сметливость, твердая рука и точный глаз обернулись многолетней забавой.

Королева зеленого поля владела кием, шаром и лузой с блистательным мастерством. Она производила фурор в бильярдном павильоне сада Баумана, где когда-то прогуливался Чаадаев, «всегда мудрец, но иногда мечтатель»...».

Эдуард Лимонов в «Книге Мертвых» вторит ей: «Алена была, что называется, модная девочка. В стиле 60-х годов, в мини-юбках, длинноногая, длинноволосая, в высоких сапогах, с черным пуделем. В России такие девочки были тогда жуткая редкость. Зато они встречались в западных журналах, где обычно стояли рядом со знаменитыми людьми. Гений андеграунда, признанный таковым чуть ли не в семнадцать лет, Губанов, очевидно, посчитал, что имеет право на такую девочку. ... Я бывал у Алены в ее (она шла в ногу со временем, жила если не по Гринвичу, то по Сан-Франциско) комнате, где стены были окрашены в черный и чернильный цвета, пахло жжеными палочками, на низких матрасах лежали домашние - крашенные - покрывала в хиппи-стиле и такие же подушки. Кто-то ее наставлял и привозил тряпки. В общем, вполне Сан-Франциско, Ашбери-Хайтс того же времени».

...И вновь я смотрю на Алёну сегодняшнюю – мы то сидим на кухне, то уходим в комнаты. В пространстве своих владений она перемещается легко, словно незаметно приподнимается в воздухе и парит над всякого рода препятствиями, в большом количестве расставленными для

¹⁵ **Зана Плавинская** «Отражение», альманах «Лебедь», 336, 2003 г.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

чужого спотыкания: над антикварной мебелью, над огромным столом с резными ящиками - в центре комнаты, над бесконечными стопками разновеликих книг, этажерками. Всюду многочисленные картины, рукописи, фотоальбомы, журналы. Я поспешно двигаюсь за хозяйкой, пытаюсь не уступить ей в ловкости, но делаю шаг и... опрокидываю букет с хризантемами, стоящий в высокой изящной вазе. Цветы обреченно летят на пол, разбиваются на бело-зеленые осколки лепестков, паркетный пол зловеще темнеет под медленно расползающейся лужей-медузой...

Я взмахиваю руками, сучусь, но Алёна занята другим делом – она поглощена поиском нужных нам фотографий и записей. Лишь рукой машет: «Брось, потом, потом, вот, смотри лучше...» - и извлекает на свет рисунок – женский портрет, резкий, уверенный. «Это **Зверев**¹⁶, - поясняет она, и я вижу: год 1976 и подпись художника. - Ты отойди подальше и взглядишь! Видишь? Толя отлично умел создавать оптические эффекты». Я отошла, но ничего не увидела – с портрета на меня по-прежнему смотрела печальная девочка с огромными глазами. «Дальше, дальше!» - настаивала Алёна, и я отступила из комнаты в холл. Еще, еще и... увидела. Девочка с огромными глазами смотрела на меня и плакала! Я отчетливо увидела ее слезы. «Да, она плачет», - почти восторженно кивнула головой Алёна, быстро отвернулась и водрузила портрет на место.

Я оглядываюсь по сторонам, знакомлюсь с жителями Басинового ковчега. Здесь множество фотографий. Вот Алёнина бабушка - пианистка Ида Хвасс, горячая поклонница художников «Бубнового валета», яркая и неповторимая, ее имя выведено серебром на стене почета Московской консерватории. Вот волшебной красоты молодой Александр Рустайкис – муж Иды и Алёнин дед, талантливый актер и режиссер, партнер великого Станиславского в «Моцарте и Сальери». Вот фотографии мамы Алёны – необыкновенной Аллы Рустайкис: с маленькой Алёной, в «Принцессе цирка», в «Летучей мыши»... Вот фото Лени Губанова – красивое трагическое лицо, совсем еще юное.

Алёна Баилова.
Рис. А. Зверева, 1976 г.

¹⁶ **Анатолий Зверев** (1931—1986), известный русский художник-авангардист. Является ярким представителем периода «Второго русского авангарда», а также выдающимся художником неофициального (нонконформистского) искусства того времени. Крупнейший коллекционер русского авангарда Георгий Костаки считал его первым русским экспрессионистом.

Александр Александрович Рустайкис

Сестры Ида и Алиса Хвасс, 1901 г.

Со стен на нас смотрят скетчи и картины – еще один зверевский портрет Баси, еще масло, еще акварели, и, конечно же, знаменитая «Ида и Алиса Хвасс»¹⁷ – две сестры, девочки в капорах, об этой картине у Аллы Рустайкис есть строки:

*Две девочки в нарядных капорах,
Тех, что в преданья отошли...
Как горько ваши слезы капали,
Когда вы в женщины пошли!*

В этих стенах квартиры Аллы Рустайкис, где сегодня живет Алёна, хранится не только память. Здесь хранятся ключи к бесценному культурному наследию. Здесь дышит история, оживают краски и слышатся голоса тех, о ком мы знаем понаслышке и с кем теперь есть чудесная возможность пообщаться.

И вот мы опять курим, говорим – бесконечно, обо всем, а я рассматриваю свою собеседницу, сидящую напротив в кресле с высокой спинкой, облаченную в длинное темно-зеленое платье, на пальцах – тяжелые кольца, и поражаюсь мистическому магнетизму, который она излучает, и который привязывает к ней все крепче и крепче. И я невольно, со щемящей тоской, вспоминаю свою бабушку Зинаиду.

Уж не знаю, что в них, в этих женщинах, особенного, женщинах той «чутьраньшей» эпохи – то ли взгляд, то ли внутренняя творческая наполненность, то ли особое универсальное знание, передающееся собеседнику при взаимном созвучии душ, то ли жажда жизни – страсть, с которой они отдавались и отдаются жизни. Но то, что я видела в Зинаиде, я мгновенно распознала и в Алёне, когда наше общение из простого соседского превратилось в дружбу. Та же улыбка – легкая, едва заметная, слегка ироничная. Тот же взгляд внимательных глаз – весь в тебе, весь твой безраздельно, пронизывающий до последней клеточки. Эта волшебная мистика обаяния и искренности. Эта бесконечная любовь к человеку.

Эти женщины, будучи и сами прекрасными рассказчицами (уж им-то есть что рассказать!), умеют молча слушать – всецело и безраздельно отдаваясь собеседнику, проникаясь его чаяниями, сострадая и проживая вместе с ним его историю, никогда не осуждая и безошибочно определяя вектор общения. Этакое многословное немногословие. Не удивительно, что Алёна всегда была чьей-то музой, и это было наряду с поэзией ее самым главным, на мой взгляд, предназначением! Она может вдохновлять, подпитывать энергией, неудержимо радоваться в случае победы и подставлять руки при падении. Она не боится жить. Не зря же Генрих Сапгир сказал о ней: «Очень сама по себе и совершенно московская Алена Басилова».

¹⁷ Речь идет о картине «Сестры Ида и Алиса Хвасс», 1901 г.

...С Алёной хочется разговаривать, хочется делиться, хочется слышать ее короткие, хлесткие вопросы, всегда к месту - и как только она так быстро все просекает? Хочется слушать ее завораживающий грудной смех, хочется смотреть, как она курит, как вспоминает... И поражаешься тому, насколько она современна и бесконечно «актуальна», не стараясь таковой быть; она всегда к месту, не напрашиваясь; она всегда «в теме», ни за чем особо не следя... Она гибкая и не категоричная, поэтому от нее веет молодостью. Я чувствую нас одновозрастно молодыми... «Обращайся ко мне на «ты», - говорит Алёна, и мы катаемся с ней в машине по летней ночной Москве и говорим на чисто женские темы...

Но при всей покладистости у Алёны есть и свое индивидуальное видение происходящего. Она по-прежнему свободолюбива, не приемлет стереотипов, ханжества и лицедейства. На каком-то детско-интуитивном уровне она безошибочно распознает ложь и искренность, по своему внутреннему личному камертону в огромной толпе выделяет «меченых искрой Божьей».

«Ее гражданская позиция не изменилась, - пишет З. Плавинская, - она и сегодня нонконформист. От советской власти её спас Морфей, она ее проспала, поменяв ночь на день, как ночная красавица Евдокия Голицына - возлюбленная Пушкина.

И сегодня – ни одного поклона в сторону издательств, никаких соглашений с общим течением купленной культуры. Результат? Сенсорный вакуум... «иных уж нет, а те далече»... Зато она умеет смеяться в страшное лицо реализма... “Я орел, я летаю одна...”».

...Сказано об Алёне много - и не сказано ничего... Но есть еще одно качество, без которого Бася просто не была бы самой собой: она необыкновенно артистична, а поэзия ее - особенно в собственном исполнении – тема, достойная отдельного исследования.

В статье «СМОГ на площади: «Мы будем быть» Виктория Шохина¹⁸ пишет: «...Прекрасная Дама СМОГа Алёна Басилова — первая и главная любовь Губанова: ей он посвящал свои стихи на протяжении всей жизни, как бы она ни складывалась. Она не уступила бы Ахмадулиной — ни красотой, ни талантом. Автор «Поэтического словаря» Квятковский находил в её стихах очень редкий размер — шестидольник третий¹⁹. Её причудливые стихи — ворожба и волшба:

*Детство моё дальнее
(только не...)
Бегство моё тайное, тонкое...
Волюшка невинная - шалая...
(Вон я побежала за мамой...)*

¹⁸ В. Шохина «СМОГ на площади: «Мы будем быть», «Частный корреспондент», апрель 2012.

¹⁹ А. Басилова: «Так, он [составитель поэтического словаря А. П. Квятковский] ни у кого перед этим не мог найти пример на шестидольник третий и вынужден был сам его написать. А у меня шестидольника третьего было сколько угодно». [ЛГ.9026.6]

*Ро ро ро ро: Розовые, светлые!
 Зо зо зо зо: (Надо же!) Зо зо зо зо зо!
 Вы вы вы вы не были на свете бы,
 Если бы, ну если бы,
 нуеслибынуеслибы... Ну..²⁰ »*

Авторское исполнение Алёны всегда бередило чувства и души тех, кто ее слышал. «Ее стихи, кипящие темпераментом и артистизмом, покоряли даже упрямых консерваторов, - пишет в воспоминаниях Зана Плавинская. - А мэтры 1920-х – 1950-х годов: Крученых, Чуковский, Шкловский и Квятковский (открывший в ее стихах редчайший размер), а также и 1970-х: Светлов, Самойлов, Окуджава – покорились яркой новизне стиха – рукоплескали и пророчили... С эренбургской трубкой, в вольтеровском кресле могучим гулом чеканила она свои ритмические стихи. Такой я увидела ее в случайных гостях в 1960 году. Ей было 17 лет. Мальчики лежали у ее ног, как венок сонетов... Читает ли она стихи, говорит ли прозой, рождаются лексические панорамы, полные ослепительного огня страстей».

Мне тоже посчастливилось побывать на творческом вечере Алёны²¹. Проглядываю свои записи, нахожу вот это: «...Сначала выступала некая поэтесса и долго переключала кучку путаных листочков со стихами, потом подробно комментировала те или иные строчки, чем утомила меня лично до невозможности, так и хотелось крикнуть: «Ну, дочитайте уж стихи свои!»...

А потом вышла Басилова. Села, не торопясь, за столик, оглядела поверх очков публику и... без остановки, мерным, поставленным голосом, от которого мурашки по коже, отстукивая ногой ритм, начала чеканить свои гулкие строки, приправленные интонационными акцентами и выплескивающейся через край природной завораживающей энергией. Я ощутила с ужасом (вдруг кто заметит!), как к горлу подкатил ком, а глаза мои сами собой наполнились влагой... Но моего всплеска эмоций никто не заметил - залу было, слава Богу, не до меня: Басилова заполнила все пространство собой и своими внеземными звуками:

*...Особливо про-зы-ва... про-зы-ва-ли
 Полюбила я шута ро-зо-ва-во!
 Полюбила Истинно Сахарно-го!
 Аж румянец выступил Аховый! — О!*

и все вокруг засверкало фейерверком смысловых знаковых словосочетаний.

*Все твои враги — благообразные...
 Все твои друзья — О! Улыбаются...
 Самые коварные согласные
 С гласными прекрасно уживаются...*

Когда Алёна закончила, когда прозвучала последняя строка и в зале стало вдруг тихо, я наконец шевельнулась, осознавая, что едва могу разжать свои сомкнутые в замок пальцы. Вот

²⁰ **А. Басилова**, стихотворение «Розовый шут», посвященное творчеству художника О. Целкова.

²¹ Речь идет о творческом вечере А. Басиловой «Три голоса» в Музее Марины Цветаевой в мае 2012 г.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

ты какая, легендарная Бася... вот как ты умеешь разить наповал своего слушателя. Тебя надо слушать, тебя надо слышать!..»

...Уже поздно, половина третьего ночи, надо идти спать, а то будут бурчать домохозяева: «Где ты ходишь?». Как мне объяснить им, что по ночам я улываю с Алёной на ее ковчеге по волнам истории? Но я с трудом все-таки покидаю эту колдовскую квартиру, на ходу еще что-то договаривая... в полусне пытаюсь что-то запомнить... на полуслове захлопываются двери лифта, и я, хоть и знаю, что смогу вернуться сюда в любое время, чувствую себя бесконечно осиротевшей.

На улице – глубокая ночь, темно. Но я знаю, что в Алёниной квартире до утра будет гореть окно, и она будет ворожить, ворожить, ворожить...

Почтальон! Звони громче и дольше!

* * *

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор «Поэтического словаря»²² А. Квятковский находил в стихах Алёны Басиловой очень редкий размер — шестидольник третий.

ШЕСТИДОЛЬНИК — самая сложная из четырех элементных групп, участвующих в формировании правильных ритмических процессов русского стиха. Будучи двухакцентной мерой, Ш. состоит из сочетания четырехдольника с двудольником; главный метрический акцент приходится на первую долю четырехдольной части, а побочный акцент — на первую долю двудольной части: | ~ ~. Как элементная ритмическая группа Ш. имеет шесть видовых форм, зависящих от положения в стихе *анакрузы* и *эпикрузы*:

В качестве примера шестидольника третьего он дает следующие строки::

Если б	сумерками
Звезды	выбежали
Пере	мигиваться
У пруд	а, Л Л Л
Мы фо	нариками
Элек	трическими
Им под	свечивали
бы тог	да. Л Л Л

(А. Квятковский)

Отсутствие в поэтической практике стихотворений в форме шестидольника третьего объясняется, видимо, сравнительно небольшим количеством в русском языке слов с четырехсложными окончаниями; поэтому так редко встречаются вообще стихи с четырехсложной рифмой или четырехсложной клаузулой. Между тем мелодика ритма шестидольника третьего очень приятна; в музыке она широко популярна, например начало второй части первого концерта для фортепьяно П. И. Чайковского, который использовал здесь мелодию и ритм украинской песни.

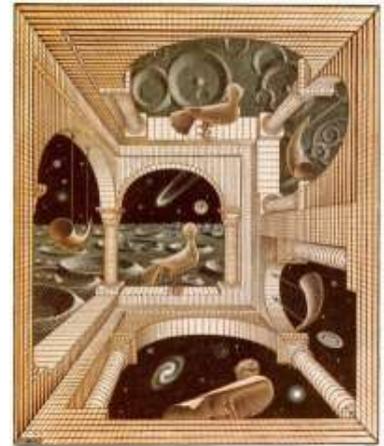
²² Поэтический словарь. — М.: Советская Энциклопедия Квятковский А. П., науч. ред. И. Роднянская 1966.

ПОЭЗИЯ

Алёна Басилова (Москва)

Мне нравилось смотреть, как Алёна читает свои стихи: она их буквально выплясывала, оттого у стихов ее такой плясовой ритм.

Генрих Сапгир

СТИХИ ИЗ ПОЭМЫ «КОМЕДИЯ ГРЕХА»

(в личной авторской редакции 2012 г.)

Соловьи-разбойники

*И тогда надмевается дух его
И он ходит и буйствует:
Сила его, бог его.
Ветхий завет.
Книга пророка Аввакума*

Зря карманы нарочито, этот тон
У жаргона (Стоит голову стеречь)
- Проклинаю твой зачитанный подол
И кандовую, затасканную речь.
Снова я (куда бы выйти покурить,
Чтобы шопотом лица не выдавать)
- Те же яды ждут наёмные цари,
Ополченные в казарменную рать.
Та же бляха азиатского шатра
- В белу грудь нижегородскую впились.
И взорвался на семи ее ветрах
Воспаленный Волжско-Окский перепляс.
- Та дорога стала трауром морщин,
Рукоятью гротескового ножа,
Стала гробом за ограбленный почин
Соловья на босу ногу содержа..!

* * *

Со подвечера — ваша,
Со полуночи — тоже,
Ходит девка постарше,
Ходит девка построже,
Ходит море испугом,

Ходит мир перекатом,
Ходит севером, югом,
Ни врагом и не братом,
Ейный дом позаброшен
где-то в самом начале...
— Ходит девка по рожам
За своими плечами.
Простолюдина речка
Точно зеркало старит —
Эта девка осечки
Никогда не оставит!
Ейный муж, оправдавшись,
Проживает богато,
А минутою дальше
Худоба у заката,
А минутою позже
Жернова и отчаянье —
Ходит девка по рожам
За своими плечами...
Узкогрудые чайки,
Недобитые птицы,
На ходу не встречайтесь,
На лету не сходитесь,
Эй, трамваи и храмы,
Пошляки и поэты,
Не ходите на траур
Пышнокаменный этот!
Сотню раз переждавши

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

На земле перегнувшей
Вы идите подальше!
Вы идите пониже!
Ваши головы в титрах,
Ваши мысли на приисках —
Вы полегче ходите,
Вы на пушечный выстрел
— Страх!

Ходит девка по краю,
Ходит девка по крою,
Ходит тень, не мигая,
Точно глаз у конвоя,
Ходит девка по хмури,
Ходит четко и гладко —
К ночи тело прибывает
Точно мертвая хватка!
Эта девка не шутит,
Эта девка не щадит,
Эта девка до жути
Босиком обучает!

По земле перестывшей,
По дороге уставшей
Ходит тело, забывшись,
Или в душу запавши
Исполиновым звоном
Иль улыбкою светской
По булыжному дому
И по голому месту.
Никого не неволят —
Все мы вольные птицы!
Если волки не воют,
Значит лес не родится...
После левых и леших
После крепкого чая
Ходит девка опешив
За своими плечами.
Академия сброшенных
Чистой кровью заплатит...
Эта девка — попроще.
Натерпелась — и хватит!

Комедия греха

У истоков всех услад,
В самом центре всех творений,
Где земли моей талант
Рабски рухнул на колени,
Посреди небытия,
Где твоей коснулась боли
Оскорбленная земля
Посреди могильной вони,
Где уснул последний воин...
Представляешь?

— Это я!

Пей до дна, мой дерзкий край,
Нам с тобой еще поставят!
Только ты отныне знай,
Как меня да не хватает,
Как молчит сыра земля,
Как ловчит поганый ворон,
Под кустом, крестом, затвором,
Представляешь?

— Это я!

Средь намеков и острот
Мой колпак смакует ветер!
Здесь стоит немой острог

Толстозадых ваших сплетен
Посреди разбитых ртов,
Средь пророчущих шутов,
Сброда, чудищ огородных,
И юродивых...

И кто?

Представляешь?

— Вспыхнут уши у Сократа.
— Пискнут души виновато...
— Покраснеет каждый атом...
— Вздогнет старая земля.
— Представляешь?

- Это я!

Если утро хуже яда,
Если муторно, что рядом
Чей-то кашель и возня...
Рядом с ванной под кайфом,
Где стихи ползут на кафель,
За упрямым старым шкафом...

Что же смотришь ты казня,

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Эту плаху знаю я лишь.
Неужели ты меня
Без себя не представляешь?
(Мне ли смерть не отразить,
Где-то здесь она скакала,
Стала кровь мою просить —
Налила ее в стакан, и...)
— Представляешь?

Разве зеркало стареет
Кто же там в учителях...
Эта кровь тебя не греет...
Этот мир тебе не верит...
— Ты сюда, сюда скорее...
— Представляешь?
- Это я.

(С полотенцем и венцом,
С присоленным бубенцом,
Со свинцовой примочкой.
С поцелуем и Лицом).
На меня, на этот свет
Тычут звезды нагло
Ты послушай-ка совет
Из Аркадии горбатой...
Колесницу с животом
В честь поруганного грека
(— Приведи Господь, потом
Вспомнить Имя человека),

Представляешь —
В честь представленного дня
В честь греха — (Чего дороже!)
— Только позже у меня
Будет камень вместо рожки
(- Представляешь?)

В мире брошена жестоко
Чья-то истина-стена...
Так давно, такого срока
Не слыхала тишина...
Не пуста стоит она —
В ней всевидящее око...
Заколочена от рока,
От греха и от порока
(Наша щедрость — это крохи)
— Ты еще пустой Акрополь,
Представляешь старина.

— Горе нищим бунтарям,
И царям — богатырям,
Если слушать неподдамши
Загремит затылок дальше...

Неизбежность — это Я.
Со времен царя Гороха
Здесь «Комедия» моя
Запятою пыльной грохнет.

Царица доказательств (Монолог Екатерины Второй)

*...Как из облак божество:
Лежа царством управляла,
Их журия за шаловство.*

Державин

Мною правит мой недуг
Алчный, алчный, алчный, алчный
Схоронить в одном ряду
Вещий мир с землею брачной.

Над Россией мой кулак
Мрачный, мрачный шут колпачный
И прижат законом прах,
И придушен крик барачный.

Мы играем невсерьез
Суд бумажный — шут продажный,
Но игра у нас до слез!
До сердечной боли даже.

Два полка в моей судьбе
Три струны у балалайки,
Плюс вольтеровские байки
И уверенность в себе.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

В просвещении — (Упрек!)
Ходит месяц одноглазый!
Порет ересь, принцип — врет.
И в бинокль гонит разум...

Бог рядит — земля гудит.
Вечность дышит, точно леший.
На моей живой груди
Крест испивший крови грешной!

* * *

Что ж в любовь или в лото?!
Выдался свободный вечер...
Я — ничья и ты — никто
(Надо ж, так со мною вечно)

Я б дарила вам рога
Ордена и всяки знаки.
- Только стала я строга,
Тошны мне такие браки!

Вышла в памяти дыра
Ковырять ее не смейте
- Чем была моя игра
Вам расскажут (после смерти).

Надорвался, милый - ? — Плачь!
Где бы нам с тобой усесться...
- Ты и жерва и палач —
Вон топор торчит из сердца!

У меня в карманах медь...
Мелочь слов... Остатки слова...
Так позвякивает смерть,
(Завтра же рожусь по новой!)

Не хандри не ставь мне свеч,
Не целуйся впопыхах.
-Ты себя очеловечь,
Я вернусь к тебе (в стихах!)

Или нет — Давай спеча
Рубану! — не много ль чести...
- Черви Господу кричат:
Мы на самом нужном месте!

Господи! Какой неволей
Ты несешь в страну пигалей
Скорбный зов больного звона
Тех, кого не поминали!

Господи, прости, помилуй,
Осени ковчег не Ноев.
Только стон стоит над миром
Невиновен... НЕ-ВИ-НО-ВЕН...

* * *

Внезапный гость...
Не жди сюжета!
- Но лукоморие мое...
- Но легкомыслие поэта...
Не дай-то Бог поверят в это.
Я волгодавом и атлетом
Загорожу свое жилье...
Я поползу на всех удавах —
Удавах ног, удавах рук,
Собью коктейль, одним ударом
Из вязких докторских наук,
Добавлю льда из первых рук
И угощу Вас, милый друг,
(Кривясь улыбкою недетской).
Пока Бердслеевский паук
Задумался по-декадентски...
И память — старая карга —
Вдруг встрепенется уличенная
И отстучит из Саши Черного
Замысловатые слова...
- Вам суждено качать права,
- Нам — на болоте лунном греться...
- А рядом рухнет на диван
Оскар Уайльд, с разбитым сердцем!

* * *

Боже Боже Боже Боже!
Я держу себя в руках,
Рожи рожи рожи рожи
На меня нагнали страх!

Громче громче громче громче
Приговоры тут и там,
Гончей гончей гончей гончей
Рыщет злоба по губам...

Возжи возжи возжи возжи
И упряжка из камней!
Вот же, вот же, вот же, вот же
Руки тянутся ко мне...

Брось! Какая я невеста –
Не жена я и не мать!
Там где я – пустое место
Что ты хочешь оседлать?

Благодетели! В восторге
Дорог им их нищий жест!
Запад давится Востоком,
Юга, Севера – не ест!

Вон любовь трусливо стонет,
Лицемерие в крови.
-Нет, пожалуй, я не стою
Мне подброшенной любви!

По себе меня не мерьте,
Точно гроб, ведь заодно
Вас качнет, подобно смерти
И потянет лечь на дно!

(Столько раз смертельной раной
Истекала, не дыша...)
Но жила, жила, как в храме,
В шрамах вся моя душа.

Прожит прожит прожит прожит
Ужас! Сзади два крыла!
Тот же, тот же, тот же, тот же
Путь... (Удар из-за угла!)

- Та же, та же, та же, та же
Боль, придавленная мглой.
- Так же, так же, так же, так же
Небо предано землей!

Боже Боже Боже Боже!
Я держу себя в руках,
Рожи рожи рожи рожи
На меня нагнали страх...

Отступление к Фаусту

Моя душа растерянно глядит
ТУДА, в партер,
На ваш поселок ночи...
То был спектакль,
Отпущенный в кредит,
На век вперед...
И все устали очень.

Опять ко мне цепляется лицо,
Опять трагедии, опять кусты сиреневы,
Опять звезда моя в недоумении
Мерцает над оборванным крыльцом...

Гони назад, неверная душа,
Скорей назад, в постель к больному
бреду!
Но только я вослед тебе не еду,
Чтоб страшный грех тебя не искушал...

Я остаюсь. Часы мои стихают.
На полдесятого указывает сердце.
Я снова жду, я снова задыхаюсь,
А там, в партере, ночь молчит и
сердится

Но что это? Ужель явился сам?!
Он славный малый, признакомый
профиль...
Бывает же! Но как восторжен храм,
Когда в преддверьи вырос
Мефистофель.

Вам надо душу?
— Душу. И лицо.
— Лицо в долгу, и срок упрямо
просит...
— Ну а душа!?
— С тревожным чернецом...
И звуки вашей лиры не выносит

Розовый шут ²³

О. Целкову

Репродукция картины худ. Олега Целкова

— Он ли моложавый — высокенький...
— Он ли уважаемый — махонький...
— Он ль воображаемый все-таки, и...
— Он ли обожаемый? Ахоньки!

— Розовые очи по ночам рычат,
— Розовые очень по ночам рычат,
— Розовые очень, да не грозные,
— Просто очень, очень даже розовые!

Уж его я милого, пятого,
В розовые очечки поприпрятала,
Розового — Стало мне весело —
Розовые сны поразвесила!

- Ох, не лиловатое — синее!
- Не сиреневатое — красное!
- Красное не красное — сильное!
- В розовое больше, чем в разное...

Особливо про-зы-ва... про-зы-ва-ли
Полюбила я шута ро-зо-ва-во!
Полюбила Истинно Сахарно-го!
Аж румянец выступил Аховый! — О!

С добрым молодцем гуляли Молодцы...
С добрым молодцем гуляли Девицы...
Встали. Поустали. Но за молодцем
Слава моментальная стелется:

— Ох, не лиловатое — синее!
— Не сиреневатое — красное!
— Красное не красное — Сильное!
— В розовое больше, чем в разное!

Репродукция картины худ. Олега Целкова

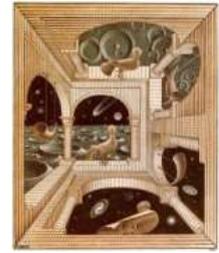
²³ Стихотворение посвящено творчеству художника Олега Целкова, которого Иосиф Бродский назвал «самым выдающимся русским художником всего послевоенного периода».

ПОЭЗИЯ

Александр Балтин (Москва)

Член Союза писателей Москвы, автор 55 книг (включая Собрание сочинений в 5 томах), свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Якутии, Эстонии, США, лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

Памяти СМОГа

Ветвисто над советской бездной
 Мерцает многопёстрый СМОГ.
 Свободы нет. Откуда бедной
 Возникнуть? Измышляет мозг.
 Свобода иллюзорна вовсе.
 В библиотеках и домах
 Звучат стихи, и много водки,
 И образы цветут в умах.
 И кажется – вот-вот и неба
 Коснёшься, можно улететь.
 Власть примитивная, как репа,
 И вездесущая, как смерть –
 Существовать позволит малым –
 Играть в кубики словес.
 А им – весёлым, небывалым –
 Открыт небесный тайный лес.

Ветер века

Клочки газет взметнёт холодный ветер,
 В них закорючки букв – событий нет,
 Верней – их незначительность на свете
 Способна заглушить высокий свет.

Так ветер века объясняет малым
 Уход их от дороги стержневой.
 Коль не услышим – ветер станет
 шквалом,
 Всё размывает – мощный, шаровой.

* * *

Кто чем в действительности дышит –
 У каждого свой личный сад:
 Поэты истинные едят,
 А бездари руководят.

* * *

Безвестность и бесславье – между ними
 Чернеет пропасть – в славу ли провал?
 Бывало – стали волосы седыми,
 А... с первой книгой некто выступал.

Кому известны лютики иль кашка,
 Цветущие для всех и... для небес?
 А есть неутрачивающая чаша
 Алчбы – я не могу вне славы, без...

Безвестность – это тихое стремленье
 Приблизиться к познанию небес,
 Такое написать стихотворенье,
 Какое оценил бы синий лес.

* * *

Деревья чёрные и белый -
 Такой по-детски белый снег.
 Глядит на снежность очумелый
 От силы счастья человек.

Глядит, забывши на мгновенье
 Про сорок лет, про жизнь-печаль.
 И новое стихотворенье
 Отдать молчанию не жаль.

* * *

Расходясь с похорон, говорят
О таких пустяках, что нелепым
Предстаёт погребальный обряд,
Разорвавший житейские скрепы.

Или прячут тоску и испуг?
За спиною кресты остаются.
А учитель, товарищ и друг
Не вернётся, как все не вернуться.

Приглушённо звучат голоса,
За оградой мелькают машины.
А сознание страшат небеса
И пугают большие глубины.

Потому говорят о семье,
О делах, о грибах, о соседях.
Потому позволяют себе
Раствориться в случайной беседе.

Ибо мучает плотский итог –
Красный ящик и чёрная яма.
И ложится осенний листок
На ступеньку высокого храма.

Алхимия

Алхимия жизни
Чрезмерно сложна.
Терпения жилы,
Смиренья луна.

Мечтаний довольно
Корявы края:
Конечно, невольню
Обрезался я.

И капелька крови –
Горячий рубин
Из области нови
Далёких глубин.

Смешаешь в реторте
Былое... а с чем?
Кровь ходит в аорте,
Чужая совсем.

Алхимия жизни
Хотя и сильна,
Иллюзии лживы
Во все времена.

Продавец воздушных шаров

Шары из радуги над лысой
Башкой напрасно рвутся вдаль.
Ему расстаться с долей львиной
Шаров роскошных просто жаль.
Он маг в душе и обыватель,
Когда по внешнему судить.
Смешной... довольно бедный, кстати,
Не знающий, как надо жить.
Шары из радуги – цветные
Легко качаются над ним.
Кругом палатки расписные,
И шум, и сигаретный дым.
Идут родители и дети
И покупают те шары –
Их теребит тихонько ветер
В пределе ласковой игры.
Вот синих больше не осталось,
И скоро белые – тю-тю.
В душе уже остатком – жалость.
- Мам, сарик зёлтый я хотю!
И покупают, покупают.
И к сумеркам подходит день.
А люди счастливы бывают
Лишь в отдалении от дел.
И он глядит на тех и этих,
Теряя больше, чем хотел,
И сам как будто не заметил,
Насколько за день постарел.

Обсерватория

Ночь – обсерватория для многих
Нежных и мечтательных двуногих.

Тема ночи радостна поэтам,
Чьё бессонье вспыхнет новым светом

Строчек, совершенных и певучих.
(Ибо ночь – хранилище созвучий.)

Ковш легко качается над бездной –
бесконечной, чёрной и помпезной.

Фонари тихонько отвечают
Ангелу, который ковш качает.

Самолёт летит, простор меняя,
Огоньками пёстрыми мигая.

Хвост павлиний – цветовой орнамент.
Запредельность ночи сердце манит.

(Библию сравнил с хвостом павлиньим
некогда Эриугена мудрый.)

Небеса отсвечивают синим,
рядом видишь отблеск изумрудный.

Ночь! Её круги и полукруги,
Лёгкие, пронзительные дуги!

Скрипки и прозрачные овалы!
И опалы звёзд, созвездий скалы.

Сложные мистические знаки
Точно начертали Зодиаки.

Стекловидна звёздная водица –
Кто такой сумеет насладиться?

Ну а что небесный знак питает,
Тот, что в наши души прорастает?

Вечер сыпал горсти звёздной пыли.
Рыбками огни проспектов плыли.

Месяц золотит сейчас пространство,
Щедро раздаёт садам богатство.

По церквям старинным свет струится.
Улицы листаёт, как страницы.

Свет медовый нежно тронет скверы
И кварталов небольшие шхеры.

Вон пруды – одной цепочки звенья.
Музыки – всем парком исполненье.

Серебром сквозит оркестрик струнный.
Вот блеснул пассаж особо трудный.

Как обсерватория богата!
Не спеша картины постигай ты,

Чтоб душа очистилась и пела,
Чтобы счастьем бытия взрослела.

Кое-что о конце света

Лето было или всё же нет?
Образы порой диктует бред.

Лезет на кафедру лобастый
Пустозвон и педант –
На кафедру докторскую променявший талант,
Лезет с мерзкой гримасой.

И кричит: – Я рассчитал всё!
 В садах расчётов произрастает истина!

Я утверждаю – скоро свет затмится траурной полосой!
 И лоснится лысина.

Другие – доктора и профессора –
 Зашумели: – Как? Не верим! Быть этакого не может!
 А оратор с кафедры возопил: – Ура!
 Светопреставление чувствую кожей.

СМИ, до сенсаций жадные,
 Завыли, запричитали. И настали денёчки жаркие.

А поэт лежал на диване под бетоном депрессии
 Дома.
 Чётко знал – не нуждается мир окрестный в поэзии,
 Вспоминал, что не набрать стихов для следующего тома.

По улицам тем временем шагали рядами стройными
 Попы в облачениях, миллионеры с корзинами денег,
 Интеллигенты – их участь всегда и всем быть недовольными,
 Домохозяйки – эти от нечего делать.
 Инженеры, давно забывшие, что такое зарплата,
 Партийные лидеры – горлопанистые ребята,
 Редакторы, оперные певицы, шоумены,
 На машинах ехали бизнесмены,
 Собиравшиеся скупить сокровища Ойкумены.

Все протестовали против открытия
 Лобастого мудреца.
 Не хотели, чтоб свет исчезал, кричали.
 Звучали разные голоса.

Композиторы музыку сочиняли,
 Бравурность которой опровергала возможность траурной полосы.
 На башнях, на кирхах, на многих запястьях сверкали
 Как-то по-новому, весьма зловеще часы.
 Но по утрам на сосудах травы выступали
 Капельки зрелой росы.

А днём транспаранты люди несли, плакаты и флаги.
 Не работали церкви, рестораны, магазины, конторы, банки.
 Торговля побоку, не купишь элементарного: мыла, чернил, бумаги.
 Ни помолиться, ни поменять валюту, ни скушать супа из жирной
 наваги.

Площади и проспекты патрулировали важные танки.
 А поэт всё лежал на диване,
 Видел строчки – они мерцали в тумане
 Метафизическом,
 Пока город заходил в экстазе мистическом,
 До какого не было дела поэту,
 Убеждённому, что никогда не исчезнет солнечный свет,
 И не желающему мириться с тем, что лета более нет.

Лунный пряник

Сад яблочный. Зима. ВДНХ.
 Мичурин чёрный смотрит на дороги,
 Их параллели утомляют ноги.
 В мозгу ветвится дерево стиха.

Часовню возле сада вижу – вот
 Мистически-церковное мерцанье.
 А дальше павильоны – эти зданья
 Массивны, и любое отдаёт

Помпезным Вавилоном... Повернёшь –
 Деревьев будет чёрно-белый остров,
 Вороний грай сечёт могучий остов
 Реальности, покуда воздух пьёшь.

Зима, считаешь, связана с луной.
 Ночной порой медовый лунный пряник
 Воздействует, мне кажется, на маятник,
 Что замирает, пестуя покой.

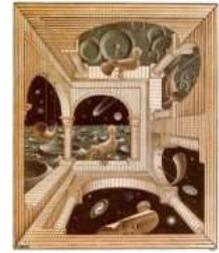
Февраль в конце. И по ВДНХ
 Привычно ты гуляешь по субботам.
 И веришь над тобой текущим сводам
 Небесным, что возникли без греха.

А сумеречный час едва ли ждёшь.
 Ночной? Конечно! Ибо пряник лунный –
 Чуть золотист, мучнист – пожалуй, лучший
 Из всех гостинцев. Ты его жуёшь.

Жуёшь своей фантазией опять,
 Ему совсем не нанося ущерба.
 Действительность, дарованную щедро,
 Пристрастно продолжаешь изучать.

ПОЭЗИЯ

Виктория Муравьева (Королёв)

Берёзка

Пахнет прелой листвой прошлогодней,
Юным терпким зелёным листом.
Как прекрасна берёзка сегодня
В одеянии новом своём!

Белоствольна, стройна, величава,
Обрядилась в серёжки с утра.
Ей победные ленточки славы
В косы нежно вплетают ветра.

Словно в память о наших погибших,
Клонит тонкие ветви к земле.
И в толпе невернувшихся ищет,
Заметая войны давний след.

Виновата осень

Виновата осень,
Что опали клёны.
Низко неба просинь,
Потемнели плёсы.

Нежеланной гостьей
Осень появилась,
А тепло уносит
Снова птичьей силой.

Виновата осень,
Пожелтели травы.
Росный луг не скошен,
Пали травы рано.

Тронув желтизною
Парк зелёный, осень,
Ворох листьев снова
Под ногами бросит.

Виновата осень...

Вербное воскресенье

Время пробужденья,
Рвётся лист на волю.
Вербу в воскресенье
Дарит день престольный.

Светом осиянный,
Светел лик землицы.
С благовестом ранним,
С дождевой водицей.

Распушились свечи
Под небесной сенью,
Чтоб светиться вечно
Вербным воскресеньем.

Покров

Покров спустился незаметно,
И с придыханием зимы
Глубокой осени приметы
Последний дождь нещадно смыл.

Шёл вперемешку он со снегом,
Всевышний приготовил в дар
Полёт тяжёлых капель с неба
И травы спрятал в панцирь льда.

Сменилось быстро время года
Под тихий мерный ход часов,
И обновлённая природа
Ждёт бело-кипенных снегов.

* * *

Были мы когда-то несмышлёными,
Только всё исправили года.
Димками, Наташками, Алёнками
Мы смотрели в голубую даль.

Непременно станем капитанами!
Где ты, наш далёкий пароход?
В дружбу верили, делились тайнами –
Детства босоногого народ.

А теперь почти всегда угрюмые,
Давит неизбежный груз забот.
И, наверно, зря, что слишком умные,
Ведь над нами тот же небосвод!

Пусть на смену внуки несмышлёные
Нам идут, а ну-ка, жизнь, держись!
С Димками, Наташками, Алёнками
Улетим мы в солнечную высь.

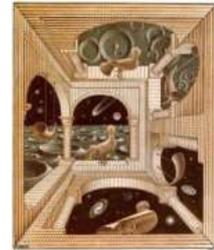
Где ты, лета васильковый кров?

Загрустили голые берёзки
И стыдливо опустили взгляд.
С первым незначительным морозцем
Облетает трепетный наряд.
И лежит под стройными ногами
Ворох стекленеющей листвы.
Выстилая плотно облаками
Некогда блистающую высь,
Ветер – дебошир, смутьян, гуляка,
Клонит, одичалый, деревья.
Через эту пасмурность и слякоть
Долго не поднимется трава.
Вряд ли отыскать приют он сможет
В облетевшем пологе лесов.
"Рвёт гужи" и "лезет вон из кожи",
Где ты, лета васильковый кров?

ПОЭЗИЯ

Ольга Моисеева

(МОССАЛИТ, Москва)

* * *

Когда открыл ты дверь, щеколду сдвинув,
Упало сердце вниз замерзшей птицей,
И как из шара, проткнутого спицей,
Ушел весь воздух, легкие покинув.

А кровь бежала из открытых ран.
Так быстро тело и душа слабели,
Когда я видела в проеме двери,
Как закрывал твой силуэт туман.

Пролился тонким маревом рассвет.
Я, будто бриллиантами играя,
Сидела, не спеша перебирая
Воспоминания, которых больше нет.

* * *

Не развязать проклятого узла,
Стянувшего мне кисти мертвой хваткой,
Так и погибну в страшном море зла,
Пойду ко дну, упав из лодки шаткой.

А если удержусь, то кожу разъедят
Разящие смертельным ядом путы.
Ни слезы, ни мольбы уже не убедят
Мучителей, что на расправу круты,

Невидимы другим, живут во мне самой.
Избавиться от их деяний можно -
Есть способ упоительно простой:
Вы сердце мое выньте осторожно.

Золото

Золото, золото.
Миром отторгнута
Плачет душа, согреша.
Полное голода
Зелено-молодо
Не проживет без гроша.

Золото, золото.
К небу приколота
Смотрит в окошко луна.
Вспорота, вспорота
Жадности молотом
Жизни тугая струна.

Золото, золото.
Бьет в твою голову
Гордость, монетой звеня.
Очень мне холодно.
Как же на золото
Смог променять ты меня?

* * *

Так тянет ночью выйти на крыльцо!
Охватывает трепет каждый раз.
Смотрю на звезды - миллионы глаз,
И гладит лунный ветер мне лицо.

Мне хочется, дыханье затая,
Увидеть через звездную метель,
Где прячет вечный космос колыбель,
С которой разорвалась связь моя.

Чудак

Я в жизни делал все не так.
 Меня не понимали люди:
 "Смотрите, вон идет чудак -
 В реке купался при простуде!"

Не той, не так цветы дарил,
 Смеялись надо мной соседи,
 Когда однажды говорил
 С вороной, как со светской леди.

И где другие с топором
 Путь пролагали на вершину,
 Я с кистью, красками, пером
 Спешил запечатлеть картину.

Когда тебя поймал мой взгляд,
 Я понял - вот пришла удача!
 Кричали вслед тебе: "Чудачка,
 Не тот надела ты наряд!"

В судьбой распахнутую дверь
 Влетел навстречу я невесте.
 Ура! Я не один теперь,
 Не так все будем делать вместе!

Букет

Из георгинов простенький букет
 В грязи колесами раздавлен,
 Постигших разочарований след
 В размытой колее оставлен.

Страданием измяты лепестки,
 Три серединки смотрят слепо.
 Стал олицетворением тоски
 Веселья вестник. - Как нелепо!..

Без тебя

Зачем-то я веду счет терпеливый
 Всех без тебя прошедших дней -
 Намного больше их, чем тех,
 счастливых,
 Из мира призрачных теней.

И, на закате выйдя на прогулку, -
 Заполнить шагом вечера,
 Я словно открываю вновь шкатулку,
 В которой то же, что вчера:

Упало Солнце, красное от боли -
 Захлопнулся ночной капкан.
 В открытых ранах белизною соли
 Мне кажется в полях туман.

* * *

Пусть птицей в сети усложнений
 Я бьюсь, победа не видна.
 Во власти странных упражнений,
 Замысловатых построений
 Порой совсем лишаюсь сна -
 Другой не стану.

Пускай сомнения отроги
 Преодолеть так трудно мне,
 В трясине мыслей вязнут ноги,
 Хватают за руки тревоги,
 И голова горит в огне -
 Я не устану.

Когда душа с тропы тернистой
 Свернет, забудет о войне,
 А поле брани станет чистым,
 И ролью тихого статиста
 Довольна буду я вполне -
 Жить перестану.

Звезда

Ночной печали неба повинуюсь,
Скатилась вниз слезою одинокой
Звезда. Найдя ее в траве высокой,
Кристалльной чистотой люблюсь.

С небес спустившись, знает она много,
Но спрашивать не буду суетливо
О будущем. Удел нетерпеливых -
Знать, как пойдет судьбы дорога.

Молчу, загадок аромат вдыхая,
Звезда исчезнет быстро на рассвете,
Пока есть время, пусть, купаясь в свете,
Она спокойно отдыхает.

Летний дождь

Явившийся невесть откуда
Закапал редкий летний дождь,
И побежала рябь по пруду,
И травы охватила дрожь.

Необъяснимою печалью
Висков коснулся капель стук,
И словно тонкою вуалью
Накрыл тревогой этот звук.

Дождь припустил, грозой пугая,
И грянул гром чуть в стороне,
И льется грусть, тоской играя,
Что ж, есть о чем поплакать мне.

Ночью у пруда

Ночью я безмолвно, неподвижно
У пруда внимала соловью.
Тихо подошел ты. И неслышно
Опустился рядом на скамью.

Пледом ты укрыл мои колени,
И сидели долго мы вдвоем.
Молча одиночеств наших тени
На себя смотрели в водоем.

* * *

Безумец тот, кто жизни удивился,
И у реальности в мучительном плену
Пытается постичь прямого кривизну,
Свести все линии дорог в одну,
Понять, зачем и для чего родился.

Он, как слепой, в палитре красок
разных
Найти старается необходимый цвет,
Но разницы на ощупь между ними нет,
А главное мерило цвета – свет –
Ему не ведом в поисках напрасных.

Пусть, одинок и для людей безумен,
Упорно ищет он свой истины родник -
Ему, быть может, улыбнется Бог на миг,
Дверь приоткроет, чтобы свет проник
В тот самый мир, где будет он разумен.

Муха

Меня убили. И сейчас
Я вспоминаю, лежа в яме,
Что видела в предсмертный час,
Как муха ползает по раме.

Стояла, глядя на окно,
Чужих шагов не замечая,
Блестело на стекле пятно,
И муха села, докучая.

На лес бы мне взглянуть тогда!
На небо сквозь ветвей прожилки,
С которых вешняя вода
Сбегая копится в развилке...

Да... Муха! В миг последний свой
Увлечена была тобой.

Моему городу

Тебя скрывает толстый грим рекламы,
Но, стоя у твоей стены,
Мой древний город, пленник новизны,
Я чувствую - ты тот же самый.

Тоннели - как запавших глаз провалы,
И улицы - как вены старика,
Изъезжены, истерты за века,
Питают кое-как кварталы...

Тебя и украшаем, и калечим,
Мы - сущность твоего лица,
Мы - кровавые красные тельца,
Пока в тебе живем, ты вечен.

* * *

Я знаю, что порой бывает штиль на море,
Ну почему же не сейчас, когда
Одна я в лодке? Я с волнами спорю,
Ломает борт холодная вода.

Ты в полосе прибоя и помочь не волен,
Ты мне кричишь - я напрягаю слух
И так гребу, что лопнули мозоли
И струйкой кровь сбегает по веслу.

И если не удастся выгрести на берег,
То кровь мою вберет волны бугор,
Пусть разобьет на атомы, - я верю,
Что хоть один твоих коснется пор.

* * *

Когда закончится мой срок,
Понять, возможно, не сумею
Я суть начертанных дорог...
Пускай! - Надеяться я смею,

Что где-то вздрогнет существо,
Когда к нему придут ответы,
Как хлебных злаков торжество
В земле освоенной планеты.

Бессонница

Давно окончен поздний вечер,
Но медлит сон.
Сойти покоем мне на плечи
Не хочет он.

Вся суета, что днем томила,
Отсечена.
И смотрит Ночь с пьянящей силой
В квадрат окна.

Пора неясных очертаний
И глубины,
Пора кошмаров и мечтаний...
И власть Луны.

И темнотой проглочен жадно
Пустой бульвар,
А где-то каблучки надсадно
Бьют тротуар...

И горько воет в переулке
Лишенный слез,
Покинут, брошен на прогулке
Продрогший пес...

Сундук

На чердаке сквозь щели проникает свет
В открытый кованный сундук с замком
старинным,
Хранит он призраки прошедших лет
И платье свадебное с пышным
кринолином.

Когда-то белый шелк, муслин и кисея
Кружились, падая загадочной волною,
И праздник в зеркале улыбкою сиял
И в волосах играл цветочною весною...

Теперь другие ткани, обновлен обряд,
Все, повторяясь, выглядит иначе,
И робкой тенью лег прабабушкин наряд
В чужое время, тлением охвачен.

Ситцевый мотив

Дразнит Солнце тем же цветом
Поля золотой лоскут,
В нем осколки неба летом
Ярко-синие цветут.

Ржи тревожа безмятежность,
Я срываю васильки,
И видна моя небрежность,
Где поникли стебельки.

В полдень снова дышит ровно
Колосковая семья,
Все ряды прямые, словно
Их не мяла утром я.

И во ржи опять лучится
Неба васильковый взор,
По шафрановому ситцу
Синей крапинки узор.

* * *

Я выхожу из нашей арки,
И под ногами - лужи плеск,
На мостовой предельно яркий
Горит весенний острый блеск.

Нет больше мгlistой оболочки,
И люди берегут зрачки
И, чтоб не сузились до точки,
Их прячут в темные очки.

Мне нравится слепящий глянец,
Как первый признак новизны;
Самозабвенный птичий танец,
Безудержный, как стиль Весны.

Лист

Стаял весь снег, и асфальт черно-чист.
С мертвенно-серого старого тополя
С хрустом сорвался коричневый лист,
Тихо шурша, приземлился у цоколя.

Как сохранился на ветке - бог весть...
Ветер трепал кудри Осени рыжие,
Сколько дождинок кололо - не счесть,
Чудом держался, надеясь, что выживет.

Землю покрыла Зима сединой,
Стерлась окраска его золотистая,
Било по жилкам крупной ледяной,
Шрамы остались, но все же он выстоял.

Если б весной к новым листьям примкнуть!
Вдруг да возможно? - Никем не проверено!
-
Вновь стать зеленым и смерть обмануть,..
Или здесь все уже кем-то отмерено?

Колодец

Колодца домик виден из окна,
Заметен на тропинке камень каждый,
Мой сон украла полная Луна,
Страдать заставив первобытной жаждой...

И цепь блеснет змеиною спиной
За ускользящим ведром в погоне,
С добычей, звенья вытянув струной,
Слегка покачиваясь, тихо стонет.

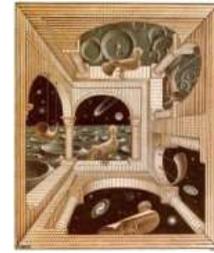
Ведро, тяжелое от полноты,
Скрипит натужно, на руки плескаясь,
И блики среди водной темноты
В нем мечутся, испуганно толкаясь.

И я их пью, их вкус доступен мне...
От холода все тело обмирает,
И что-то изменяет в глубине
Внутри меня ночной кусочек Рая.

ПОЭЗИЯ

Надежда Стрелкова

(МОССАЛИТ, Москва)

Стихи

Я сегодня впервые на даче ночью одна.
 Ночи в июне светлые, сумеркам подобные.
 А сумерки - это трещина между мирами.
 Да...
 Вот бы мне заглянуть в эту трещину попробовать,
 Ощутить себя внутри гениальнейшего стиха,
 Врасти, чтобы чувствовать его до самой тонкости...
 Размечталась...
 Чтоб такое увидеть хотя бы в снах,
 Мне точно не хватит ни святости, ни греховности.
 Что это? Вспышка за вспышкой и где-то далёкий гром.
 Сильнее панический шум деревьев.
 Закапало.
 Всё ближе гроза.
 Ого! Уже содрогается дом!
 Небо не дождём, своими словами заплакало.
 Слова лились, звенели, журчали, стучали в окно,
 Отскакивали, проникали в землю, что жаждала,
 Надеюсь, очень ждала этих слов давным-давно,
 Впитывая их, становилась живою, влажною.
 Удлинялись, вцепившись в неё, пальчики трав,
 цветов,
 Шевелились росточки в каждом набухшем семени.
 Эти слова были самыми лучшими из стихов
 От начала всех времён и до нашего времени...

Золотая осень

Скоро холод на землю бросит
 Дождь из облачных серых плит,
 А пока золотая осень
 Бабым летом в Москве гостит.

Сыплет золото нам под ноги,
 Обрывая мониста с крон,
 Ярким факелом у дороги
 Нарядила кудрявый клён.

Дымкой солнцу припудрив носик,
 В небе, вымытом как стекло,
 Не скупясь, золотая осень
 До конца отдаёт тепло.

Греют краски её наряда
 И улыбка, и лёгкий шаг...
 Так идёт две недели кряду,
 Пышной юбкою чуть шурша.

Голых веток пока нет вовсе -
 Солнце красит листву в свой цвет.
 Показалось, златая осень -
 Это женщина моих лет...

Выступление в Вологде

Я не забуду тебя, город Вологда,
 И сохраню в себе то, что мне дорого -
 Храмы кремлёвские в белом обличье,
 Домики, в каждом - особый наличник,
 В тонкой резьбе все окошки, балкончики,
 И в галерее с картин - колокольчики
 Да васильков синеокою грусть,
 Всё, что зовётся так коротко - Русь.
 Русскую Вологду с русскими лицами
 Солнце пронзило блестящими спицами.

Город в осколках сверкающих радуг,
 А за цветным и резным палисадом
 Въётся тропинка к реке юрким ужином,
 Тень на снегу - вологодское кружево.
 Музыка.
 Слово.
 Наполненный зал...
 Я,
 А напротив - России глаза...

Жду тебя за столиком в маленьком кафе

Жду тебя за столиком в маленьком кафе.
Представляю, спешишь сквозь лабиринт улиц...
Здесь тепло и уютно, но странный эффект –
Холодеют кончики пальцев, волнуюсь?

Я слушаю гитару, пока тебя нет.
Она общается с седым гитаристом,
Который говорит на её языке.
Она отвечает глубоко и чисто.

Они не замечают никого вокруг,
Он трогает струны, она ему верит,
Он - её дивный голос и больше, чем друг.
Она для него - крылья, по меньшей мере.

Они занимаются музыкой и всё
Наполняется смыслом простым и тайным.
Он свободен с гитарой, хоть узник её,
И сейчас где-то так высоко летает.

Откуда, наверное, видна наша жизнь
Что было, что есть и даже то, что будет.
Он делает виртуозные виражи,
Затихли и замерли, слушая, люди...

Он закончил играть. Мне принесли суфле
Ванильное с кусочками ананасов.
Жду тебя за столиком в маленьком кафе.

А вот и ты. Наконец-то! Здравствуй!
-Здравствуй!

Ночное купание

(Эгейское море, 13 сентября)

Накинула Ночь покрывало покоя
На берег прозрачного, тихого моря.
А краски дневные, что были так сочны,
Погашены ласковой, тёплой Ночью.
Луна засияла и звёздочек крошки,

А море украсилось лунной дорожкой.
Крылатые кони несут экипаж,
В нём Ночь опустилась на землю, на пляж
И к пенистой кромке подходит поближе.
А море ей ножки красивые лижет,
Зовёт, обещая прохладу и свежесть,
Как будто бы море – ожившая нежность,
Которой ни в чём нет конца или края.
И Ночь поплыла, словно рыбка играя.
Я видела всё, не во сне, наяву,
Не веря ещё, что с ней рядом плыву...

Давай поговорим

Постой, не исчезай, успеем хлопнуть
дверью
И сжечь свои мосты, разрушить третий
Рим...
И я, и ты словам давно уже не верим,
Поэтому давай без слов поговорим.

Давай поговорим с тобою в этот вечер,
Неполная луна, как золотой овал...
И может, скажем мы тогда друг другу нечто,
Что не вмещают все известные слова.

Пусть на меня мои пожалуются руки,
А на тебя – твои, ответствуя моим,
За строгий приговор – отныне жить в
разлуке...
Давай дадим им шанс, давай поговорим.

Путь губы говорят с губами, с тёплой кожей,
А ты закрой глаза, чтоб сердцу не мешать...
Мы смысл освободим от всяческих одежек
И будем говорить собою, как дышать.

А в небе звёзды слов засветятся над нами,
Понятные луне и только нам двоим.
Наполнит нас она волшебными словами.
Их и возьмишь с собой, дверь тихо
притворив...

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Комната

*«Эта комната бочонок о два дна
И сюда приходит женщина одна».
Татьяна Кузовлева «Истина»*

И Она любила комнату, и Он.
Распускался пышно в ней любви бутон.
Открывал двоим божественный цветок
Вход в таинственный, невидимый поток,
Где нет Времени, Начала и Конца
И так сильно раскрываются сердца,
Что способны целый мир в себя вместить...
Тот поток нельзя понять и объяснить.

Его музыку не различает слух,
Но они душой ловили каждый «звук»,
Возносились с ним, земных не зная пут,
В высь такую, где лишь ангелы живут,
Низвергались, ощутив, как вечность, миг,
Когда «звуки» открывали бездны лик,
И, познав блаженства истинный покой,
Возвращались по дорожке золотой.

Отдыхали, шевельнуться не могли.
Привыкая к притяжению земли,
А потом желали снова знать предел
Единения сплетённых душ и тел...
Друг без друга ни один бы взять не смог
То, что только для двоих придумал Бог.
В этой комнате звучал и смех, и стон...
И Она любила комнату, и Он...

Осенний лес, октябрь

Осенний лес – грусть и отрада...
Как надышаться, наглядеться?
А запах – песня листопада
На частоте души и сердца.

Как будто в музыке печальной
Всё о любви, а не о лете,

Высокой нотой прощальной
В ней чувств былое разноцветье.

Вот, золотистое на алом,
Про то, как крылья обретали
И были друг для друга главным,
На землю листиком слетает.

И холодеет лес осенний,
Боясь, зима поставит точку,
Но обещает воскресенье
Многоголосье новых почек...

Под парусом в сильный ветер

В прогнозе ветер – двадцать узлов,
В порывах – до сорока,
Но он попутный, нам повезло.
Мы выйдем наверняка.

Мы вышли в море. Зарифлен грот,
А стаксель – альбомный лист,
Но режет волны кромкою борт
И в вантах - и вой, и свист.

Так ветер снасти бешено рвёт,
Как пойманный дикий зверь.
Вся содрогаясь, яхта идёт.
Мы боремся вместе с ней.

На гребень – вниз, так за разом раз.
Брызги – солёным дождём...
Но есть уверенность серых глаз,
Они говорят – дойдём.

Я верю серым родным глазам,
Пусть вспенен морской простор.
И эта вера любви азам
Страх превращает в восторг!

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

В рубрике «Частная территория» мы говорим об авторских проектах, которые считаем интересными и достойными того, чтобы рассказать о них широкой аудитории.

**МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЕКТ
«ЖИВОЕ АВТОРСКОЕ СЛОВО»:**

**ЗНАКОМЬТЕСЬ - НАДЕЖДА СТРЕЛКОВА, ПОЭТЕССА,
РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА**

«ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ»

Материал подготовлен Светланой Судариковой

Надежда Стрелкова: *Наша повседневная жизнь наполнена работой и суетой так плотно, что ощущение радости, радости подлинной, целительной, чистой и светлой, встречается не так уж часто. Однажды испытав её, обязательно захочется испытать ещё, а потом ещё и ещё... Для творческих людей, а по сути все люди таковы, просто не у всех была возможность реализовать свои способности, нет большей радости, чем отдавать своё творчество людям, которые хотят его принять.*

«Все начиналось с хороших людей», - так ответила Надежда на мой вопрос, а с чего же все-таки все началось. Наверное, это так. Но все-таки началось все немного раньше. В 2005 году в издательстве «Поверенный» вышел сборник стихов Надежды Стрелковой «Любовь в каждой строчке». Магазины, продававшие сборник, по различным причинам отказались от сотрудничества, и невостребованные экземпляры пылились в шкафу. Как-то Надежда с горечью сказала об этом Алене Чубаровой, художественному руководителю театра «Комедиантъ». Алена немеленно предложила сделать вечер поэзии, на котором выступит Надежда, и где будут предложены непроданные экземпляры. И вечер состоялся. 10 июля 2008 года в музее Михаила Булгакова прошел творческий вечер «Летние рифмы», в котором также приняли участие Алена Чубарова, Ирина Егорова, Инна Мень и актеры театра «Комедиантъ». Зрителей было не так много, чуть более пятнадцати человек, сидевших в небольшой комнате музея. Возможно, поэтому атмосфера была творческой, но чуточку домашней.

Надежда Стрелкова: *Волнение моё было безумным, ведь я впервые выступала со своими стихами перед зрителями. Тогда я впервые испытала подлинное творческое счастье, огромную радость от общения со слушателем. Моим слушателем. Да и запас книг в шкафу слегка подтаял.*

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Осенью 2009 года в музее Маяковского в зале театра поэтов прошел вечер «Осенние рифмы», в котором приняли участие те же авторы. Зал мог вместить больше слушателей, и их собралось около 60 человек, а прием оставался таким же теплым.

Надежда Стрелкова: *Волнение и радость вновь переполняли меня, а зрители очень тепло принимали нас. Наверное, именно поэтому и захотелось дать возможность зрителям познакомиться с творчеством других интересных авторов, а авторам найти новых почитателей своего таланта. Я поняла, что, даже не выступая сама, смогу находиться в этой удивительной атмосфере творчества, добра и радости. Сказано – сделано.*

Так появился проект «Живое авторское слово».

Что такое «Живое авторское слово»? Прежде всего это общение творческих людей, возможность для автора встретиться со своим слушателем, поделиться творческими новинками. И просто пообщаться.

Надежда Стрелкова: *Проект «Живое авторское слово» задуман как раз для того, чтобы дать возможность встретиться тем, кто отдаёт, и тем, кто готов принять. Иными словами, проект задуман для радости всех участников, включая зрителей.*

19 марта 2010 года в 19:00 в музее Маяковского состоялся первый концерт «Слова поэтов - меж людьми мосты» в рамках проекта «Живое авторское слово». Концерт вела Надежда Стрелкова, среди участников были Игорь Лукшт, Ирина Полонина, Алексей Казарновский, Галина Лапаева и Вадим Цокурено, а так же прекрасный саксофонист Дмитрий Трифонов и художница по стеклу Елена Кочкина, которая подарила всем участникам свои работы. В книжном киоске продавались книги выступавших авторов и программка вечера с фотографиями авторов. А затем зрителям было предложено заполнить билеты с вопросами о вечере. Всю информацию из тех билетов Надежда занесла в компьютер, чтобы учесть пожелания зрителей. Позднее был смонтирован фильм и состоялся совместный просмотр ко всеобщему удовольствию.

Надежда Стрелкова: *После первого концерта было столько хороших отзывов, что я стала делать вечера в том же формате, но с разными авторами. Всего состоялось семь концертов. Один прошёл в этом году в Вологде 19 февраля, его организовала Галина Кузнецова, ведущим был Алексей Казарновский, а я выступила как автор.*

Сейчас концерты в рамках проекта «Живое авторское слово» проходят регулярно, их участниками были Ирина Полонина, Галина Лапаева, Игорь Лукшт, Алексей Казарновский, Марина Носова, Александр Сухих, Алёна Чубарова, Андрей Парошин, Инна Мень, Ольга Грушевская, Андрей Баранов, Микаел Абаджянц, Сергей Ворошилов, Игорь Царёв, Ирина Егорова, Юлия Мартынцева, а так же музыканты Дмитрий Трифонов (саксофон), композитор и исполнитель Антон Родионов (гитара), Галина Кузнецова (исполнитель авторской песни), Геворг Мнацаканян (скрипка), дуэт "Ностальжи" - Светлана Попова и Дмитрий Напалков. Зрители – это, как правило, друзья и знакомые выступающих авторов, что делает атмосферу вечеров доверительной и дружелюбной, позволяющей авторам чувствовать себя свободно и раскрепощенно. Присутствие новых людей расширяет аудиторию и дает авторам возможность найти новых поклонников своего творчества.

С.С.: Надежда, в наше коммерческое время, когда каждый шаг стоит денег, хочется спросить, кто помогал в осуществлении проекта?

Надежда Стрелкова: *Проект не коммерческий, задуман с любовью, поэтому мне кажется, что помощь была с самого, самого верха, от Него. Слава Богу, никто не мешал. Апостол Павел сказал: «Если Бог с вами, то кто против?». Никого и не было против. Однако, как в любом деле, бывали у нас и очень трудные ситуации. 17 июня 2010 года,*

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

когда должен был состояться второй концерт «Не оживает слово без любви», в 12 часов дня у меня умер папа. Концерт был на грани срыва, но, как всегда, выручили хорошие люди. Моя подруга Елена Кочкина и Алёна Чубарова мне очень помогли, и вечер состоялся. В тот раз концерт вместо меня вела Алёна Чубарова...

С.С.: Надежда, хочу спросить, как человек, окончивший Московский Государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, вдруг стал поэтом, и кто все же доминирует в этом вечном споре физиков и лириков, поэт или инженер? Да и есть ли он, этот спор?

Надежда Стрелкова: Интересный вопрос. Конечно, я слышала о таком споре, но никогда не задумывалась над ним. Считаю, что спор существует, но не имеет смысла, потому что для гармонии в человеке важны и душа и тело, и физика и лирика. Но сказано: «В начале было слово», поэтому лирик всё же чуть-чуть впереди. Мы видим, как быстро набирает скорость процесс взаимопроникновения не только внутри отдельных отраслей науки, но и науки и искусства. Примером могут служить современные инсталляции, активно использующие достижения науки для получения необычного художественного эффекта. А настоящий учёный тот, кто может заглянуть за грань известного на сегодня, а значит, он сродни философу и поэту.

С.С.: Конечно, не могу не спросить, когда состоится следующий концерт, кто будет принимать в нём участие?

Надежда Стрелкова: 22 ноября мы планируем провести вечер, посвящённый творчеству Вадима Цокуренко. Я приглашаю всех, кто любит творчество Вадима, принять в нём участие в любом качестве.

С.С.: Надежда, большое спасибо за беседу. От имени редакции журнала «Московский BAZAR» я желаю вам дальнейшего развития проекта, творческих успехов и новых поэтических сборников.

Надежда Стрелкова: Спасибо большое, Светлана, за искренний интерес к проекту «Живое авторское слово».

Живое авторское слово.

Афиша концерта, запланированного
на 22 ноября 2012 г.

ПРОЗА

Микаел Абаджянц
(МОССАЛИТ, Москва)

Прозаик, переводчик. Член Союза писателей Армении, Международного ПЕН-клуба. Имеет два авторских сборника рассказов «Белая башня» (2002г.), «Портрет» (2010 г.), изданных по государственному заказу Министерства культуры Республики Армения. Издается в России, США, Франции, Армении, Ливане.

КАРТИНА²⁴

Милый друг, высылаю Вам сию картину, зная Вашу безграничную преданность изобразительному искусству. Предвидя Ваш восторг, спешу предупредить, что благодарностей не приму, ибо сей предмет явился результатом событий не совсем заурядных. Расскажи я о причинах, побудивших меня отказаться от сего великолепного образчика живописи, кому-нибудь другому, я был бы поднят на смех. Но Вы человек глубокой мысли, и мой прежний опыт общения с Вами подсказывает мне, что Вы обладаете достаточной проницательностью, чтобы отнестись к описанным ниже событиям с долей серьезности. В общем-то, и событий никаких не было... Итак, все по порядку. Три дня назад, в воскресенье, я вознамерился посетить салон художественных искусств, что на Московской, прослышав, что открывается распродажа картин художников «маститых». Облачившись в выходной костюм, но решив оставить на вешалке плащ и зонтик, ибо день был погожий, я вышел на улицу и погрузился сразу же в едкую летнюю пыль. Крикнув извозчика, я без особых приключений добрался до вышеупомянутого заведения и, уплатив швейцару, погрузился в мир богемы. Не нужно было быть искусствоведом, чтобы воспринять, что за товар здесь предлагали, и приходилось лишь удивляться, что он пользовался спросом.

Скучая и позевывая, я проходил мимо закатов, рассветов, натюрмортов с раками и тухлой рыбой и собрался было уходить, как вдруг был остановлен этой самой картиной. Этот чудесный мирок широким прямоугольником вторгся в мою душу, рассеяв тоску своим неизъяснимым очарованием. Черная вода неторопливой лесной речушки просвечивалась до дна мягким солнечным светом, с трудом пробивавшимся сквозь кроны вековых деревьев. Шаткий бревенчатый мостик над водой, уносившей палые листья, весь зарос нежнейшим, точно зеленый бархат, мхом.

Этот дивный пейзаж так соответствовал моему настроению и был так чудно выписан, что я сразу возгорелся его купить, но было обстоятельство, заставившее меня сдержаться. На

²⁴ Рассказ вошел в сборник «Мозаика современной армянской прозы» на французском языке, (пер. Элизабет Мурадян и Пьера Тер-Саркисяна, редактор Серж Вентурини). Презентация сборника состоялась в марте 2012 г. на 32-ой международной книжной выставке в Париже.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

мостике стояла девушка. Ее грациозная стройная фигурка в белом платье, вся в солнечных бликах, непринужденно облокотилась на ветхие перила. Видимо, она глубоко задумалась. Еще раз повторюсь: картина была выписана чудесно. Но эта женская фигурка вызвала во мне глубокое недоумение. Я вообще не переношу человека на лоне природы. По моему разумению, пейзаж оказывается бесповоротно испорченным, стоит появиться на его фоне человеку. Любое очарование пропадает, любая, даже самая дикая природа теряет свою девственную чистоту, если ее вдруг заслонит силуэт «царя природы». Эта фигурка на мостике раздражала меня нелепостью своего появления, и я всей душой желал ее исчезновения.

Художником оказался высокий молодой человек в костюме не лучшего покроя. Он назвал мне свою фамилию, но я не запомнил ее. В разговоре я выяснил, что это его первое серьезное произведение. Цена оказалась вполне приемлемой, и я заявил, что приобрел бы эту картину и даже заплатил бы несколько больше, если бы он не почел за труд убрать с нее так раздражавшую меня фигурку. Я видел, как юноша побледнел, как опустились его нескладные руки с длинными худыми кистями. Встретившись с его черными погрузневшими глазами, я предложил ему не спешить и подумать. Но, видимо, он слишком нуждался в деньгах и после недолгого, но мучительного раздумья согласился. Мы договорились, что я назавтра, в полдень, приду к нему в мастерскую.

Всю дорогу домой и остаток дня мною владело смутное беспокойство. Меня мучила и терзала эта притулившаяся на мосту белая фигурка, молча и задумчиво выслушавшая мой приговор. Чувство вины поселилось в моей душе перед немой безропотностью печальных черных глаз художника. Напрасно убеждал я себя, что это всего лишь картина, что женская фигурка – лишь масляная краска на холсте. Тщетно.

Ровно в полдень я стоял в мастерской. Ею оказалась маленькая пропыленная комнатка, заваленная эскизами и пропахшая конопляным маслом. Молодой художник подвел меня к завешенной картине. Я раскаивался. Я молил Бога, чтобы нежная, точно лебединое перышко, фигурка оставалась на месте. Резким движением юноша обнажил картину. Девушки не было. Лишь мутный солнечный блик покачивался на том месте, где она стояла. И тут мне внезапно показалось, что в черной воде со зловещей медлительностью проплыло белое платье. Я видел, как скользнула дьявольская улыбка по худому бледному лицу художника. Он сделал меня участником преступления. Видимо, волнение отразилось на моем лице, и я почувствовал, как эти черные глаза впились в меня. Они не были грустными, эти глаза. Это был безжалостный взгляд убийцы. Я пролепетал что-то и вышел с картиной.

Теперь Вы знаете, мой друг, почему картина эта не может украсить мою коллекцию. Думаю, Вы – человек, лишенный предрассудков, и с удовольствием примете сей дар. Как поступить с ним, решайте сами.

Искренне Ваш Н.

ПРОЗА

Анна Вепринцева (Анна Вэп)

(Москва)

КОГДА МЫ МОГЛИ ЧТО-ТО ИЗМЕНИТЬ

Из найденного дневника пропавшей без вести в марте две тысячи шестого года Елены Куровлевой:

* * *

Пригородный автобус, маленький, душный газик, лихо скакал по ухабам выдавшей виды подмосковной дороги.

Небо было затянуто дымчато-серыми тучами, моросил холодный дождик, совсем по-осеннему. Август был на исходе, и вместе с ним уходило весьма жаркое (хотя и не по температуре в градусах Цельсия), по-юному свежее, полное надежд, любви и праздника лето девяносто восьмого года.

Мы ехали на дачу! И это был праздник, наш маленький, банальный и легкий праздник двух молодых парней и девушки, вырвавшихся из-под навязчивой родительской опеки. У нас были деньги, еда, выпивка, сигареты, а главное - свобода и прекрасное настроение. В общем, погода нам не мешала чувствовать себя абсолютно счастливыми.

Когда мы сошли с автобуса, перед нами простерлось поле, через которое нам отдал команду пройти наш проводник, друг и владелец вождеденной дачи - Костя.

Лихо преодолев девственное поле - так было ближе - мы срезали часть пути, прошли немного через лес и вошли в дачный поселок. Домик Костика стоял на окраине, у леса, завершая улицу и опасно свисая над оврагом, по дну которого текла речушка. Костины родители недавно купили этот участок и строительство большого дома только начали. Мы остановились в однокомнатной времянке, правда, с печуркой на летней кухне за стенкой, двумя кроватями в комнате и, о прелесть, с телевизором! В общем, приехав на место, мы приступили к обустройству нашего гнездышка на ближайшие дня три. Ванька с Костей пошли наколоть дров, а я по-быстрому прибралась в доме, потом стали вместе готовить ужин. Никогда не забуду эту картошку с чесночком! Костя ее готовил мастерски! Все сам делал, а мы с Ваней морально ему помогли и салатик нарезали. Костя вообще был не по годам (ему было всего-то пятнадцать) самостоятелен, рассудителен, серьезен и ответственен. Но вся его серьезность была по-юношески чиста и ненавязчива и подкупала своей искренностью. Возможно, прочие его друзья были иного мнения об этом человеке, но я знала его именно таким. Возможно, он держал себя так именно со мной, возможно, ему хотелось быть для меня взрослым мужчиной. Я была старше Кости на четыре года, а Ваньки на два, но мне тогда было с ними уютно, легко и весело.

Ванька с Костиком давно были близкими друзьями, а я в их компании, сама не знаю как, оказалась недавно. Помню, наше знакомство состоялось пару месяцев назад, мы на

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

школьном дворе все собирались. Я не особо там кого-то знала, так, время убивала. Константин прикатил на папиной новенькой «таврии» вишневого цвета! Не важно, что «запорожец» почти, зато сам за рулем! Пошел дождик, и он галантно предложил всем девочкам разместиться у него в салоне, и про меня не забыл. Вот так мы и познакомились...

Наелись мы, что называется от пуза; мальчики открыли бутылку водки, причем интересно, что никто из нас и пить-то не умел, крепче пива, по крайней мере. Долго сидели, говорили. Беседа затянулась за полночь, душевно наполнялась летняя кухня дымком жгучих «Житан». Костя хотел все организовать по высшему разряду, даже папиросы купил непривычные для нас (мы обычно курили «Парламент»). В деревенском магазине был учет в тот день, так что «Житан» были единственным куревом. Свой прокол Костя, конечно, понял, но это было не так уж и важно.

На улице шел сильный дождь, барабана по крыше, а Костя сидел и выпускал красивые кольца сигаретного дыма. Мы с Ваней сидели напротив него и заворожённо смотрели на синий дым, поднимающийся вверх. Не помню, о чем говорили мы в тот вечер, наверно, о любви, ну о чем еще могут говорить два парня и девушка в таком романтическом месте?

- Как ты делаешь эти кольца? – удивилась я их стройному полету.

- Легко! – ответил Костя, страшно довольный собой.

- Научи, Костик! Я тоже так хочу! – упрашивала я его.

- Никто не мог научиться, многие просили, ни у кого не получалось! Даже вон, у Ванька не получилось! – смеялся Костя.

- А ты покажи! Я научусь!

- Ну, смотри! Затагиваешься сигаретой, открываешь рот в форме «О», губы напряжены, но не сильно, язык лодочкой, чуть подальше от нижних зубов. Двигаешь ритмично нижней челюстью, аккуратно и равномерно выталкивая дым из легких, помогая средней частью языка, – демонстрируя свою методику пускания колец из сигаретного дыма, Костя сладко прикрывал глаза, абсолютно уверенный, что у меня это в жизни не получится. Но у меня, как ни странно, получилось, причем с первой затяжки! Восторг и ликование. Ванька со стула чуть не упал.

- Ленка!!! Ништяк!!!

Последняя рюмка водки, она же первая, одиноко стояла на столе между нами, мы все на нее как-то глупо непонимающе посмотрели, как будто она здесь была неуместна, нелепа.

- Ванек, пей давай, и спать пойдём! – возмутился Костик, как будто, это Ванька был виноват.

- Нее, Костян! Ты пей!! – Ваня, отрицательно качая головой, пододвинул рюмочку к Косте.

И так они какое-то время препирались, кто будет пить, двигая рюмку друг к другу. А я, недолго думая, просто схватила эту рюмку и выпила до дна! Неожиданный поворот событий для мальчиков! Мы все разразились смехом. Обнявшись, все вместе накрывшись от дождя старой дачной курткой, мы побежали по двору в дом.

В доме, как я уже сказала, была одна комната и у входа лесенка на чердак. У входной двери слева стояла широкая кровать и у противоположной стенки еще такая же. Между кроватями - стол, на котором возвышался маленький телевизор с комнатной антенной. В доме было тепло, я бы даже сказала, жарко, кухонная печка через стенку неплохо отапливала домик.

Ваня сразу упал на кровать у двери:

- Я сплю здесь, и сплю один!

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Нам с Костей ничего не оставалось, как лечь вместе на кровати у стены. Посмотрели минут десять телевизор, ничего интересного, выключили свет.

Не спалось, Ванька мирно сопел, отвернувшись к стене. В комнате было так темно, что не видно собственных рук. И эта комната казалась такой глубиной, такой темной бездной, от которой кружилась голова и хотелось прижаться друг к другу. Сколько ласки, любви и нежности было в ту ночь. Все осталось в памяти моей сплошными ощущениями, не выраженными словами, недосказанными признаниями, недолюбленными ночами, непроисшедшими встречами. Но это не было сексом, то ли из-за Вани: он чутко спал, все время ворочался, - то ли мы сами были не готовы к этой близости...

Заснули мы, обнявшись нос к носу, не шелохнувшись проспали до самого утра, никогда больше и ни с кем я так крепко и дивно не спала. Мы спали, не нарушая личного пространства, не мешая друг другу видеть сны.

Наутро я проснулась от Ваниного крика! Он меня будил и с испугом на лице кричал, что Костя сошел с ума и кидается топором во дворе! Костя действительно был как будто не в себе, кидал топор в дерево и грязно ругался матом! Беспричинно... Жутко... Все прошло, когда я вышла во двор, Костик взял удочку и пошел на речку.

Кристально чист был воздух. Туман стелился по земле.

Мы с Ванькой курили, молча попивая кофе на пеньках во дворе. Минут через пятнадцать наш друг вернулся успокоенный и умиротворенный и принялся готовить свой фирменный омлет с бананами.

- Кушать подано! Садитесь жрать! – Костя дружелюбно пригласил нас к столу. После завтрака я спросила его:

- Что это было с тобой, Костя? Что за припадки?

- Не знаю, сам не пойму, что-то с головой, необъяснимая агрессия нападает иногда!

- Друзья, пойдёмте на речку, я хочу наловить хотя бы бычков! Ванек! Давай, пошли, порыбачим! – уговаривал Костя нас пойти с ним в лес.

И мы отправились на рыбалку.

Порыбачить нам в тот день не удалось, так как с первого же раза, закинув удочку в реку, Ванечка зацепил крючок за ветки повалившейся березы. Береза протянулась от берега, уходя в глубь воды. Костя в досаде на непутевого друга разразился громом ругательств. Надо сказать, что Константин любил крепкие слова, но ругался он как-то красиво, хоть и отборно! Я ужас как не люблю матерщину, но его ругательства мое интеллигентное ухо не резали. Я даже, наверно, любила, когда он ругался матом, тихо кайфовала от этого! Уж очень это грутально выглядело. По крайней мере, меня он никогда не обижал, и ни одного оскорбительного слова я от него не слышала.

Желая загладить свою вину, Ванечка, раздевшись до плавок, отправился в скользкий путь по березе за злосчастным крючком. А Костя уже вошел в раж и давай его крыть вслед всякими словами, искренне желая свалиться в воду.

Надо сказать, что водичка была та еще! Весьма прохладненько было в то августовское туманное утро, думаю, градусов десять-двенадцать. И, разумеется, Ваня бухнулся в воду, ибо не справился с силой притяжения. Мы все хохотали от души! Крючок так и не был найден. Выбравшись на берег, Ванька начал валить Костю на землю, завязалась борьба, два здоровых кабана боролись хоть и в шутку, но весьма активно. Дружеская борьба переросла в погоню, Ванька непременно хотел окунуть Костю в воду, причем в одежде! Мы все устремились в лес. Пока бежали, Костя на ходу раздевался и кидал мне свои вещи. Погоня прекратилась у берега реки.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Вышло солнце, туман рассеялся, у реки появились грибники, удивленно наблюдая за бешеной погоней двух жеребцов. Этот миг остался в памяти яркой вспышкой, стоп-кадром счастливого и веселого безумия. Помню, как Костя уже в одних плавках бежит на полном ходу к воде, солнце светит ему в лицо, а я стою позади и вижу каждую мышцу на его совсем еще молодом, свежем, но уже окрепшем и оформившемся мужском теле. Его смуглая бархатная кожа мерцает под солнечными лучами. Вижу, как он строен, высок и грациозен в своем беге, ныряет струной в воду с берега, в черную глубину реки. И тишина. Проходит минута тишины, две, три. Вода чиста, темна, спокойна. Ни волн, ни колебаний. Ваня стоит на берегу как вкопанный, какие-то люди в стороне замерли, дико оглядываясь на нас. Мы все окаменели, замерли в ожидании. Шли минуты, улеглись волны, а Кости все не было. Солнечные лучи освещали сквозь листву черную гладь воды. И тишина, давящая на мои виски. Мне до сих пор кажется, что я слышу эту тишину сквозь плеск воды ушедших дней. Красиво Константин в то утро ушел от погони. Минуты через четыре, может больше, вдали от берега, там, куда не были направлены наши взгляды, куда нам даже в голову не пришло посмотреть, в сверкающем дожде брызг он вырвался из воды, жадно глотая воздух, и широкими гребками сильных рук начал приближаться к берегу.

Наверно, излишне описывать дальнейшее происходящее на берегу. Мы были счастливы. Свою дозу адреналина мы получили сполна. Наш любимый друг вновь нас шокировал. С ним было не скучно. Никогда не скучно!!!

Вечером, когда мы собирались лечь спать, Костя залез на чердак и там затих. Я полезла за ним, было не понятно, что происходит. Он меня встретил холодно, лежа на сенном ароматном матрасе не шелохнувшись... Во мне бушевала кровь, он мне непременно был нужен сейчас! Он нужен был мне немедленно, весь, душой и телом. Я требовала его любви. И он откликнулся, растаял, потянулся в ответ на ласки, как теленок, покрывая меня поцелуями. Мгновение - и между нами разыгралась пронзительная сцена страсти на полу чердака метр на метр, а где-то внизу... негодовал наш друг Ванечка.

В ту ночь Костя спал на кровати один, а мы с Ваней, не шелохнувшись, в недоумении, лежали по разным краям другой кровати. И когда Ванька случайно, или не случайно, бог его знает, касался меня рукой или ногой, меня пронизывала дрожь, и гнев, злость, раздражение растекались по каждой моей жилке. Наутро ребята проводили меня на автобус в Москву. Остаться уже не хотелось.

* * *

Шли месяцы, прошла осень, кончалась зима. Тринадцатого марта, в день рождения нашего друга Константина, мы собрались все на квартире его бабушки. Нас было много для однокомнатной квартирки, но нам было весело! Веселье было санкционировано родителями, с ночевкой, все чин по чину.

Начиналось все благородно, как обычно начинаются подобного рода мероприятия. После всех приготовлений сели к столу, подтянулись остальные гости, и начался пир. Костя сидел во главе стола в полном унынии, весь в себе, и корчил мученические рожи, пил одну стопку за другой, а потом вовсе заперся в ванной комнате, оплакивая уходящее детство... Спать легли вместе на полуторной кровати, и с нами еще Ирэн. Долго толкались, в итоге Ирэн ушла на кухню к Ваньке (он билеты учил, готовился к экзамену в институте). И снова между нами вспыхнула страсть. Отчаянная. Неукротимая. В комнате, напичканной молодежью, спящей где придется, мы снова были стеснены какой-то укоряющей тишиной...

* * *

Однажды зачем-то я стала сватать свою засидевшуюся в девках подружку Косте. Притащила ее как-то на вечеринку к нему домой и подталкивала их друг к другу. А сама полгода уже сидела одна, без мужика. Хорошая душа. Женьке он страшно понравился. Она усаживалась рядышком, киношку смотреть, тискала его, а он глаза мне строил за ее спиной, большие, синие-синие как небо и злые, как у черта.

Спать ложились поперек родительской кровати вчетвером, а хозяин отправился в отдельную комнату. Я заглянула к нему посмотреть зачем-то еще раз на его злое выражение лица. А он меня утянул с собой, запер дверь, уронил на кровать.

- Останься! Я прошу тебя! Останься!!!! Останься! Останься!

Это «Останься!» эхом откликается теперь где-то в глубине грудной клетки...

* * *

Мы не были любовниками, мы не были и друзьями. Виделись редко, и эти встречи можно перечесать по пальцам: на моем дне рождения; были встречи в парках; на пляже; во дворах; в клубе на хип-хоп вечеринке; на ВДНХ. И всегда мы стремились друг к другу, но каждый раз не хватало какого-то маленького шага завершить наш бег навстречу. Что это было? И было ли?

* * *

Последний раз мы виделись, когда он пришел из армии. Было лето. Гудел весь район. Все знали: Костя вернулся из армии. Сумасшедший Костян, который сам, добровольно отслужил два года, вопреки всем возможностям его родителей в решении данного вопроса. Никто не понял. Да никого это особо и не волновало.

Он бежал по аллейке, через газон, срезая путь, не смущаясь тем, что я шла со своим мужем. Бежал ко мне навстречу, раскинув, как в прежние времена, свои руки для горячих объятий. Он стал таким мужчиной...

Невозможно приятно. Прошло столько лет. Прошла беззаботная юность. Наступили «взрослые» будни. Но так приятно было снова прикоснуться к его щеке, пусть уже не такой бархатной, колючей, скорее.

Мы всё только собирались встретиться. Сходить всем вместе куда-нибудь. Повеселиться, как раньше. Потом у всех была работа, учеба, дом, семья... Я как-то звонила ему несколько раз в начале весны, в две тысячи пятом, хотелось что-то сказать.... Никто не отвечал... Тишина...

В мае две тысячи пятого года, когда соловьи не давали спать до утра и ветер гнул деревья к земле, приближая жаркие летние дни, пришла ночью одна короткая эсмэска: «Костя умер».

* * *

Вот если бы, когда мы могли что-то изменить...

Сделать шаг вперед, еще один ничтожный, малюсенький шагочек навстречу тому, что так тебя тянет, что так тебя манит, что так тебя ждет...

Набрать телефонный номер, дожидаться ответа. Сказать друг другу чуть больше, хоть на одно слово...

Но теперь, Константин, ты идешь по зеленой траве, всегда спиной ко мне, всегда лицом к солнцу, всегда от меня. А я хочу так много тебе сказать и бегу по этому нескончаемому, осыпанному росой сонному ковру. За тобой...

ПРОЗА

Наталья Шауберт

(Германия)

ВЕРОЧКА

Верочка проснулась, долго лежала, жмурясь от яркого солнца, пробивавшегося через тюлевые шторы, потом сладко потянулась. Тело отозвалось болью где-то в пояснице, и тут же вспомнилось, что вчера она играла с соседским мальчиком Егоркой, они строили плотину, носили воду из ручья, выливая её в огороженное камушками пространство.

«Вода была холодная, наверное, я застудилась», - подумала Верочка. Мама всегда её кутает и запрещает ходить босиком.

Она открыла глаза и осмотрелась. Каждое утро, разглядывая свою комнату, Верочка не узнавала ее. В комнате было много знакомых вещей, но сама комната казалась ей чужой. Чужие стены, побеленные зеленоватой известью, чужой потолок с морщинистыми трещинками. Просыпаясь, она мысленно прослеживала путь от угла, где стояла кровать, к оранжевому абажуру. Тени от абажура, слегка размытые, всегда рождали неожиданные и загадочные образы.

Верочка встала, надела шлепанцы и подошла к столу. На столе стояла чашка с молоком и лежали булочки. «Мама оставила», - подумалось вдруг, но есть не хотелось. Прошла к окну и сквозь тюлевую штору увидела в детской песочнице Егорку.

Вчера они поссорились. Она вынула из плотины белый камушек, камушек был гладким, прохладным, и пах морем, но вода вытекла из искусственного озера, и Верочка услышала обиженный рев Егорки:

- Все испортила, дура! Не хочу с тобой играть, уходи!

И она ушла, унося с собой камушек, обкатанный морской волной. Теперь он лежал у неё на столе, она уже было собралась поиграть с камушком, который пах морем, но медсестра Валя постучала в дверь. Она принесла какие-то таблетки, проследила, чтобы Верочка выпила лекарство, и ушла. Как появилась в доме медсестра, Верочка не помнила, но знала, что зовут ее Валя, и что у нее мягкие, добрые руки и тихий голос.

Ей захотелось на улицу, надо было обязательно помириться с Егоркой, ведь во дворе не с кем было играть. Только старички и старушки. Они пробовали заговаривать с Верочкой, когда она играла в песочнице, но Верочка не понимала их вопросов и просто молча слушала, пропуская тонкой струйкой песок сквозь пальцы. Пальцы у неё были тонкими и слегка дрожали. Она не узнавала своих рук, брезгливо стряхивая песок с подола длинного темного платья в мелкий белый горошек. Платья этого Верочка тоже не помнила. Мама всегда одевает её во все светлое.

«Конечно, - решила она, - мамы нет, иначе она бы не разрешила надеть это некрасивое платье». Но куда пропала мама, Верочка не помнила, когда-то давно смирившись с мыслью, что мамы нет.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Она вышла во двор, подошла к Егорке, но тот, увидев ее, насупился и убежал. Не зная, чем себя занять, пошла узкой тропинкой к реке, потом побежала и бежала, пока не увидела сквозь густую листву солнечные зайчики на воде. Остановилась, с трудом перевела дыхание. Ноги чуть-чуть дрожали. Никогда раньше она не замечала усталости, а сейчас даже запыхалась.

«Наверное, я болею», - подумала и, подобрав подол длинного платья, осторожно спустилась к кромке воды.

Река всегда принимала ее по-разному: то солнечными зайчиками, которые слепили праздничными бликами, то серым одеялом, без движения лежащим от берега до берега. Эта неподвижность реки злила Верочку, и она бросала в воду камни, а потом следила, пока не уставали глаза, как по глади безмолвной реки разбегались круги. А однажды увидела, как плыла, пересекая реку от берега к берегу, ондатра, оставляя за собой длинный расходящийся след. Она долго провожала ее взглядом в надежде увидеть, как маленький зверек выберется на берег, но быстро темнело, и скоро остался только след на воде, а противоположный берег и вовсе пропал из виду. Как ни напрягала глаза, ничего увидеть не смогла. Потом Верочка рассказала эту историю Егорке, и они вместе придумывали счастливую сказку, как мама-ондатра возвращалась домой. Тогда то и решили они построить плотину.

«Помирюсь с Егоркой!» – сказала себе твердо и пошла к беседке, откуда любила смотреть вдаль, туда, где угадывались очертания пристани и крошечные домики на берегу, где река, как зеркало, отражала настроение глубокого неба.

* * *

Темноволосая женщина с серой дорожной сумкой вышла из машины и прошла в приемный покой. Она была невысокой, волосы тяжелой волной падали на узкие плечи, глаза скрывали солнцезащитные очки в легкой белой оправе. Одета она была со вкусом и неброско: белая косынка вокруг шеи, легкая блузка, ремешок из мягкой белой кожи подчеркивал тонкую талию, брюки из тонкого серого шелка буквально струились вдоль стройных ног, обутых в легкие белые туфельки. Когда женщина неторопливо поправляла волосы, на тонких запястьях позвякивали браслеты. Что-то в её нарочитой небрежности говорило, что женщина эта богата и приехала она издалека.

Медсестра Валя, выбежав на крыльцо, приветливо кивнула и провела её в кабинет главного врача.

В кабинете было сумрачно и тихо, уличный свет с трудом пробивался сквозь опущенные жалюзи и расчерчивал кабинет светлыми полосами. Напротив окна в глубоком кресле сидел немолодой мужчина, высокий, с чуть сутулой спиной и бородкой клинышком. Быстро поднявшись навстречу гостье, протянул ей руку и усадил в мягкое кресло.

- Нина Петровна, голубушка, здравствуйте! Как доехали? Чаю с дороги или, может, чего покрепче? Ну, совсем чуть-чуть? – улыбнулся он, куртуазно поправляя галстук.

- Здравствуйте, Борис Михайлович! Нет-нет, спасибо. Лучше после, вечером. Как она, доктор, есть улучшения?

- Что назвать улучшением в ее случае, - вздохнул доктор и продолжил, - ведь она живет в своем мире. А впрочем, радуется, что хорошо и покойно спит, гуляет у реки. Нет-нет, не беспокойтесь, под присмотром. Вчера попросила рассказать о вас, сказала, что где-то видела ваше лицо.

- Боже мой, – всхлипнула женщина, закрывая лицо руками. – Она где-то видела мое лицо...

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

- Не плачьте, дорогая Нина Петровна, - сказал доктор, осторожно погладив дрожащие плечи женщины, - мне больно смотреть, как вы мучаетесь. Поверьте мне, старому опытному спецу, все не так плохо! У нашей Верочки хрупкая психика, но крепкое здоровье и большое желание жить и радоваться жизни так, как умеют радоваться дети!

Нина Петровна успокоилась и на миг прижалась мокрой щекой к ласковой руке доктора. Достав из сумочки тонкий платок и зеркальце, она уверенно вытерла слезы, вздохнула глубоко и, уже почти улыбаясь, спросила:

- Борис Михайлович, я могу ее увидеть сейчас?

- Ну конечно, - ответил доктор, пряча чуть дрогнувшие руки в карманы халата. - Да вы пройдите к реке, она сейчас в беседке на берегу, поговорите с ней. Эти разговоры оказывают на нее хорошее действие. Только спокойно, дорогая Нина Петровна, без надрыва и слез. Берегите ее, берегите себя, наше сознание – вещь хрупкая, ранимая, - сказал доктор, провожая ее к двери.

-Кстати, фотографии вы привезли? Оставьте мне, я найду подходящий момент посмотреть их вместе с ней.

Нина Петровна ушла, унося с собой легкий запах духов и ощущение тревоги и печали. Доктор остался один и взял в руки небольшую картонную коробку, перевязанную старой бархатной ленточкой. Он развязал узелок и высыпал на стол ворох чуть пожелтевших фотографий: хрупкая женщина в белой балетной пачке, она же, но с двумя маленькими детьми в обнимку – мальчик и девочка, девочка чуть постарше, она же в костюме Жизели на фоне театрального занавеса, а вот и совсем маленькая девчушка в белом воздушном платье на берегу моря. Большие улыбающиеся глаза ее смотрят прямо в камеру.

- Верочка...

* * *

Простившись с доктором, Нина Петровна спустилась знакомой тропинкой к реке и вошла в беседку, почти утонувшую в зелени.

Верочка улыбнулась, увидев её. Эта встреча была ей приятна, она почувствовала, что давно ждала эту женщину. Она не знала ее, но глаза, голос, что-то неуловимое, говорили о том, что они были когда-то близки и хорошо знали друг друга.

- А я вас знаю, - сказала тихо и хитро посмотрела в глаза гостьи.

Женщина вздрогнула.

- Кто же я? – спросила она.

Верочка смутилась. На этот вопрос у нее не было ответа. Просто в памяти всплыло лицо маленькой девочки по имени Нина.

Женщина села рядом с ней на скамейку и, взяв в свои руки её дрожащие пальчики, спросила:

- А хочешь, я расскажу тебе сказку? – сказала она, целуя ее тонкие пальцы.

- Хочу, - согласилась Верочка.

- Эта сказка про маленькую девочку, которую звали Нина. Жила эта девочка с мамой и братом в большом городе. Мама была балериной, и Ниночка с братом выросли за кулисами большого музыкального театра.

Женщина достала сигарету и закурила. Верочка поморщилась. Она не любила запах дыма. Заметив ее реакцию, женщина тут же затушила сигарету.

- А что было дальше?

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

- Дети выросли, - вздохнула женщина, - и мама ушла на пенсию. Балерины, Верочка, рано уходят на пенсию, - пояснила она. – Теперь уже она встречала детей из школы, потом из института, потом просто ждала их...

- А девочка?

- Девочка? Ах да, Нина. С Ниной все было хорошо, она выросла, окончила институт, вышла замуж и уехала в другой город, в другую страну. Мама осталась одна с братом Нины. Он хорошо рисовал, и стал студентом художественного училища...

- Я знаю, он всегда рисовал! – обрадовалась Верочка, подвигаясь поближе к женщине. - Дома у окна стоял мольберт, и мама надевала балетную пачку, позируя ему, - продолжила она.

Женщина встревожено посмотрела на Верочку, снова потянулась к сумочке, вытащила пачку сигарет, но увидев сморщенный носик своей собеседницы, передумала.

- Да, Верочка, он рисовал маму, - вздохнула она, - а потом выставлял свои работы на выставках, а когда кончались деньги, продавал картины в сквере у театра. Он постоянно искал способ заработать, чтобы отвезти маму в небольшой городок у моря, где она родилась.

- И они все же уехали туда, – тихо засмеялась Верочка, - я знаю! Продали квартиру, собрали вещи, и уехали в маленький городок. Там было теплое море и нагретые солнцем камушки. А он уходил далеко в горы и приходил поздно, а мама варила ему кофе и жарила лепешки с козьим сыром.

Верочка знала эту сказку, и ей было забавно наблюдать, как взрослая женщина испуганно и ошеломлено разглядывает ее.

- Потом они вместе рассматривали его картины, а после ужина бегали к морю кидать камушки и искать на горизонте дельфинов. Он любил рисовать закаты, ее сын, говорил, что они всегда разные, и каждый новый закат по-новому прекрасен, - Верочка говорила торопливо, боясь, что ей помешают.

- У них в доме бывали гости? - спросила женщина, поглаживая Верочкины плечи под темным ситцем.

Верочка задумалась. Память что-то подсказывала ей, но она не хотела идти дальше. Её почему-то рассердил этот вопрос, и она, отбросив ласковые руки женщины, заплакала, резко поднялась и почти бегом вернулась в дом с родными вещами и чужими стенами.

* * *

Дома Верочка подошла к зеркалу и долго всматривалась в мутное, тусклое стекло, как в речную гладь. Это было для нее испытанием. В зеркале давно жила женщина с голубыми глазами её детства. У женщины были седые волосы, туго заплетенные в косичку и уложенные узлом на затылке, тонкая сеть морщин на лице и горькие складки в уголках губ, пульсирующая синяя жилка на виске. Верочка смутно узнавала это лицо, оно напоминало ей маму и все же было чужим.

Она чувствовала, что эта старуха, которая со страхом всматривается в неё из зеркальной глубины, силится что-то сказать. Но, если она это "что-то" скажет, вся жизнь разлетится, разбившись на мелкие осколки.

Верочка, схватив со стола белый камушек, со всего размаху бросила его в тусклое стекло.

Сначала ей показалось, что по зеркалу разошлись круги, как по речной глади, а потом старуха с голубыми глазами, которая смотрела на Верочку, желая что-то сказать, разлетелась вдрег яркими брызгами, осыпаясь стеклянным дождем на пол.

Облегченно вздохнув, Верочка легла на кровать, укуталась с головой в теплое одеяло и быстро уснула так быстро, как могут засыпать только дети.

* * *

- Она что-нибудь вспомнила? – спросил доктор Нину Петровну, подливая кофе.

- Ничего больше, – ответила она, поднимая чашку дрожащей рукой, - ни мужчин, что пришли за ним той ночью, ни того, что было после, когда она всю ночь просидела у моря над его телом. Ничего!

- А может и не стоит, Нина Петровна. Подумайте хорошенько! У всех нас есть воспоминания, которые хотелось бы вычеркнуть, забыть, стереть из памяти. Но мы с ними идем по жизни, возвращаясь к боли, которая не ослабевает с годами. Ей сейчас спокойно и хорошо, а если вдруг она вспомнит и эту ночь, и эту страшную потерю? Что с ней будет, вы подумали? – сказал доктор, задумчиво помешивая остывающий кофе. - Ведь ей уже семьдесят пять, а она, как маленькая девочка, играет с сынишкой медсестры, собирает ракушки на берегу, и мир ее светел и радостен, как мир любого ребенка. Так стоит ли возвращать её в наш с вами реальный мир?

- Доктор, милый, но она никогда не вспомнит ни меня, ни брата! Нас нет и как будто не было никогда! А я хочу быть рядом с ней, называть её мамой! Я хочу увезти к нам, заботиться о ней. Мой муж не против. Это же так важно называть маму мамой и быть дочерью. Мне так одиноко, доктор, так одиноко...

- А вы называйте ее Верочкой! И знаете что? Оставайтесь у нас, живите рядом. Я не знаю, почему так сложилось, почему так одиноко вашей душе? И, наверное, не должен знать, но я... мы будем очень рады вам, поверьте. Знаете, как трудно найти людей, которые помогли бы нашим старикам не только как специалисты, но и просто как любящие, добрые люди! Вот вы кто по специальности? Детский врач? Прекрасно, найдем и для вас дело! Помните поговорку: «Что малый, то и старый». Оставайтесь с нами! Кто знает, кем станете вы в ее мире? А даст бог, установятся мир и покой и в вашем сердце...

БОЛЬШОЙ ВЛАДИМИР

Владимир уверенно шел по усыпанной листьями аллее парка. Именно Владимир, а не Вовчик, как называет его бабушка-теща и не Вава, как любит называть бабушка-свекровь.

Владимиром называл его отец, когда они вместе гуляли по этому парку, или когда, убежав от всех этих сюсюкающих любящих женщин, они стреляли в тире на набережной и пили пиво с солеными сухарями в баре за углом, около булочной. Собственно, пиво пил папа, а Владимиру покупался томатный сок в большом граненом стакане.

Отец был большим и веселым, у него были сильные руки и густой низкий голос. Он никогда не целовал сына, но крепко сжимал его руку, приветствуя, и не допускал никаких «телячьих нежностей». Собственно, почему был? Он есть, он живет где-то далеко, в Америке, и у него теперь другая семья.

Владимир никак не мог себе представить своего папу чьим-то чужим мужем и отцом. Он так же гуляет в парке со своим новым сыном, который и не его вовсе, а сын чужой для Володи женщины? Он так же громко фыркает и плещется по утрам в ванне, готовит взбитую яичницу и поет вечерами под гитару песни своего любимого Митяева? И он все тот же папа, только где-то там, далеко-далеко?

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Бабушка-свекровь (так называли в семье папину маму) приносит Володе папины письма и подарки, а бабушка-теща (соответственно, мамина мама) старательно прячет их в старую энциклопедию от мамы и внука, но Володя знает этот тайник и часто перечитывает письма в своей комнате.

Он трогает гладкие листы, всматривается в черные закорючки букв и пытается представить, как папа сидит за столом у окна, а за окном – океан, а на столе – фотография сына, и он смотрит на фотографию и пишет: «Здравствуй, сын...»

Володя уже давным-давно взрослый человек, у него много дел, он тоже каждое утро долго умывается, фыркая и расплескивая воду в ванной, как папа. Он зачесывает волосы назад и щурит глаза – как папа. Один раз Владимир даже попробовал раскурить папину трубку, но мама увидела, отобрала и долго плакала потом на кухне.

Володя, как и папа, не любит женских слез. Он подходит к маме и тихо, молча гладит ее по спине. Слов у него нет, он молчун и бука, как говорит бабушка-теща. Но он может стоять рядом с мамой, и она успокаивается и кладет усталую голову на его ладони.

Сегодня его достали все. Достала эта надоедливая опека и сюсюканье, он устал от печальных глаз мамы, от их с бабушкой бесконечных разговоров - громким шепотом на кухне, от обидных слов про отца и ту женщину, с которой он живет в далекой Америке.

Володя тихо вышел в коридор, надел старую папину зимнюю куртку (она еще пахла его одеколоном и табаком), теплые ботинки, намотал шарф, надвинул на глаза папину шляпу и ушел в парк. Он шел, шурша листьями, и родной запах шел рядом. И казалось, что они опять идут вместе по парку, и отец сейчас сожмет его руку и скажет: «Все будет хорошо, сын!»

Мама и бабушка обсуждали сегодня на кухне очередной приезд отца. Бабушка кричала шепотом, что ему не место в их доме, что мальчик только-только стал привыкать к жизни без него (что за нелепость? Как можно привыкнуть к жизни без отца?), что обойдутся они без его подарков. А мама тихо возражала, плакала и все время повторяла, что он какой-никакой, а отец Вавочки.

Бред! Во-первых – он никакой не Вавочка, а Владимир, во-вторых, не мальчик, а взрослый мужчина, и доказательства есть: он самостоятелен, он не выносит женских слез и истерик и может сам за себя постоять! И папа – не «какой-никакой», а просто – папа!

Аллея незаметно кончилась, и Володя оказался на берегу реки. Здесь они когда-то кидали камушки, и отец учил его, маленького, «печь блинчики».

Он поднял плоский камень и кинул в воду. Раз, два... У отца получалось пять-шесть раз. Владимир оглянулся вокруг – никого. Он сел на мокрую гальку и горько заплакал. Никто не видел его слез, никто не мог застать его здесь, в его слабости и горе. Кутаясь в папину куртку, Володя незаметно для себя уснул.

Ему снился берег океана. Высокие дома, папа, который кидал камушки, и они убежали так далеко к горизонту, что Володя сбивался и переставал считать «блинчики».

Потом отец целовал его, неумело тыкаясь ему в щеки и глаза холодными мокрыми губами, и что-то кричал. Или это лаяла собака? Большая белая собака, которую он завел себе там, в далекой и чужой Америке.

Володя не почувствовал, как кто-то большой и сильный вдруг поднял его на руки и понес. Он проснулся уже у себя дома, на диване, проснулся от негромкого разговора на кухне и никак не мог поверить тому, что слышал голос отца. Володе казалось, что все это происходит во сне, и он лежал тихо и очень боялся проснуться.

Но это был не сон: он чувствовал запах борща, слышал папин гулкий бас, всхлипывания бабушки-тещи и звенящий мамин голос:

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

- Ты не представляешь, как я испугалась! Он ушел совсем незаметно! И невероятно совершенно, как он открыл дверь, как смог дотянуться до твоей куртки на вешалке?

- Если бы не сосед Иван Петрович... - продолжила бабушка. Она поведала, не переставая всхлипывать, что сосед выгуливал свою собаку, увидел кучку одежды на берегу, а в ней - спящего мальчика. Собака узнала мальчугана, тыкалась носом, лаяла, но Вовчик так и не проснулся.

Потом опять вступила мама, она говорила, что в пять лет малыш еще совсем не осознает, куда он идет, и что они могли запросто потерять его. Володю это даже рассмешило немножко: как это он не осознает куда идет, маленький он, что ли?

Папа успокаивал их, говорил, что больше никогда никуда не уйдет. Что теперь все-все будет просто замечательно. И в мамином голосе зазвучал смех, а Володя уже и забыл, что у мамы вот такой голос – со звенящими смешинками. Он забыл, потому что такой голос был у нее только тогда, когда папа был рядом.

Потом отец тихо подошел к Володе, накрыл его руку своей большой ладонью и сказал:

- Все будет хорошо, сын, я с тобой.

И Володя улыбнулся и поверил сразу. Он вздохнул, уткнулся носом в теплые руки отца и снова уснул. Уснул счастливо и безмятежно, как маленький...

*Игорь Гневашев. Отец и сын, 1960 г.
Источник: пресс-релиз, фотогалереи.*

ПРОЗА

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

Член Союза литераторов России, куратор Литературного Клуба «Подвал №1». Имеет публикации в различных периодических изданиях, сборниках поэзии и прозы, а также в электронной Библиотеке Мошкова. В 2008 г. вышла книга стихов «Ритуальные числа».

РАВЕЛА АКВАРЕЛИСТ²⁵

(роман-миниатюра)

В романе представлены картины автора.

Когда вскрыли деревянный ящик Равелы Акварелиста, там обнаружили листок бумаги с такой надписью:

«Люди думают, что история была одна. Поэтому историки тщательно собирают факты и пытаются написать, как всё было *на самом деле*. Но *на самом деле* не было ничего, кроме желания, кроме вожделения быть.

Историй бесконечно много, потому что любая история правдива. Человек не может написать ничего, что не оказалось бы правдой. И ещё: человек ничего не может скрыть. Вот моя история – в ней нет ни капли лжи, и ничего не пропущено. Хотя я пытался соврать или хотя бы умолчать.

Я фантазировал, грезил, черпал сюжеты из снов, переворачивал воспоминания вверх ногами, соединял несочетаемое и разъединял единое. Ну, хоть что-нибудь! Всё бесполезно.

И зачем тогда нужны кисти и краски? Зачем? Если когда-нибудь кто-нибудь узнает ответ на этот вопрос (хотя я в это не верю), пусть пошлёт мне письмецо на тот свет. Просто бросит его в одно из круглых окон. Чтобы вечность моя, бесконечная и безнадежная моя эрекция, наконец, прервалась».

Всё, что осталось от Равелы Акварелиста, хранилось в этом деревянном ящике. Двадцать одна акварель в формате тондо. Он называл их круглыми окнами. Всё, что мы знаем о жизни Равелы Акварелиста, мы знаем по этим изображениям, надписям на обратной стороне картин и упомянутой записке, лежавшей сверху. Но если верить этой записке, мы знаем всё, и всё, что мы знаем, – правда.

²⁵ Печатается в 2-х частях.

Окно Первое

Дом над обрывом. Долина Мальтаталь. Верхняя Каринтия. Австрия.

Равела Акварелист родился в долине Мальтаталь в Верхней Каринтии, в доме над обрывом. Зелёно-жёлтый туман то спускался с обрыва вниз, то поднимался из пропасти вверх. Дом был старый и тёмный. Может быть, потому, что прятался в зелёно-жёлтом тумане в тени чёрных деревьев. Эти чёрные деревья покрывали далёкие гребни бело-голубых гор, на которых всегда лежал снег. А дальше и выше был только фиолетовый свет и тёмное небо над ним. Каждый день с этого неба спускались пять птиц, делали круг над домом и улетали обратно.

– Посмотри, как здесь красиво! – говорила мама.

– Мы всегда здесь жили, и ты всегда здесь будешь жить, – говорил папа.

Ночью, когда они думали, что Равела спит, родители выходили из дома, шли к ручью, что срывался водопадом с края обрыва, и занимались любовью при свете Луны. Маленький Равела подглядывал за ними из окна своей комнаты: ему казалось, что они танцуют. Он ждал, когда вырастет и тоже будет танцевать при Луне. Позже он так и делал: выходил ночью к водопаду, раздевался догола, поворачивался лицом к Луне и смотрел, как поднимается, набухает и дрожит его член. Но что делать дальше, он не знал, и, постояв так несколько минут, возвращался.

Но однажды папа спустился вниз, в Пфлюгхлоф, чтобы купить спички. И не вернулся. Потом мама пошла за водой к ручью и подхватила зелёно-жёлтую лихорадку. И умерла.

– Как здесь ужасно! – подумал Равела. Он с детства не различал цвета, и всё для него было серым: зелёно-жёлтый туман – тёмно-серым, бело-голубые горы – светло-серыми. И только деревья – чёрными, как они и были на самом деле. И всё же он боялся покинуть свой дом, свои горы и свой водопад, и не покинул бы и не стал бы Акварелистом, если бы не птицы. Они больше не делали круга над домом, они сразу пикировали на крышу и долбили ее своими клювами. Скоро крыша прохудилась, и тогда птицы напали на самого Равелу, когда он пошёл к водопаду. Он пошёл среди бела дня, потому что больше некому было увидеть его, потому что ему было всё равно, и потому что ему было скучно.

Птицы долбили Равеле череп, и ему пришлось спускаться вниз. Голова у него кружилась, он шёл по крутой тропе, пошатываясь и опираясь на белую палку, подобранную у ручья. Автобус 5130 довёз его от Пфлюгхлофа до Мальты, где местный хирург заклеил пластмассовыми кружками пять дырок на голове Равелы. Равела купил подержанную красную шляпу, которая казалась ему светло-серой, и отправился странствовать.

Окно Второе

Обочина 99-го шоссе. Верхняя Каринтия. Австрия.

Равела шёл по обочине 99-го шоссе, неся красную подержанную шляпу светло-серого цвета на голове, зелёно-жёлтый туман тёмно-серого цвета в сердце, чёрные деревья в душе и белую палку в руке. Нужно было чем-то зарабатывать на жизнь, и Равела размышлял об этом в тот самый миг, когда ударился лбом о фонарный столб. Из глаз посыпались искры, дырки в голове загудели, и Равела опустился на землю. Он сидел под деревом с круглыми листьями, сжимая шляпу в руках и разглядывая фонарь. Это был странный фонарь непонятного назначения: высокий жёлтый цилиндр, к которому снизу прилепились мошонкой два круглых плафона фиолетового и красного цвета.

– Какой великан потерял здесь свой член? – подумал Равела. А потом он увидел ярко-зелёные и круглые как монеты листья дерева, которые слегка дрожали, как пластмассовые кружки, приклеенные к черепу Равелы.

– Почему у нас в горах деревья чёрные? – думал Равела. Он уже далеко ушёл от родных мест. Горы здесь были пониже, не бело-голубые, а коричневые как сама земля, и снега на них не было. И выше гор небо было не тёмным, а светло-синим, даже немного зелёным.

Так удар о фонарный столб внезапно вернул Равеле цветное зрение. Через дырки в голове в Равелу впервые вошли краски земли и неба. Они вошли в него так яростно и страстно, что пронзили насквозь, и у него началась такая бурная эрекция, что пришлось расстегнуть штаны, прикрываясь шляпой. Так Равела стал Акварелистом. И хотя он ещё не касался бумаги кистью, он уже знал, что, если изобразить то, что он видит, оно не исчезнет, а будет бесконечно повторяться, как бесконечно повторялся полёт пяти птиц над его домом в горах. Если написать солнце, оно будет видно и ночью, если написать звёзды, они будут видны и днём. И можно продать акварели за деньги, потому что людям нравится смотреть на солнце ночью и на звёзды днём. А ещё ему страстно захотелось увидеть, какого же цвета женщины, если его член оказался вовсе не серого цвета.

Окно Третье

Вайссензее. Верхняя Каринтия. Австрия.

Равеле Акварелисту шёл уже двадцатый год, когда он лишился девственности. Точно известно, что это случилось 3-го числа августа месяца, именно этой датой помечена обратная сторона 3-го окна. Равела писал эту акварель на берегу Вайссензее, всё ещё в Каринтии. Небо и солнце уже темнели, и чёрная тучка пересекала солнце. Но вода была ещё дневной, над ней курился белый туман. Оставалось написать прибрежную траву и кусты, когда из тумана выплыла она.

Не видя Акварелиста в густой тени дерева, она встала на дно и, повернувшись лицом к солнцу, медленно пошла назад, то есть к берегу, к Равеле.

С её тёмных мокрых волос стекали струйки воды, они стекали по спине цвета мокрого песка и собирались ниже поясицы в одну струйку, срывающуюся водопадиком в щель между ягодиц. Уже на берегу она повернулась, споткнувшись о камень, и взгляд Равелы упёрся в чёрный блестящий треугольник, в котором как мухи в паутине запутались какие-то особенно крупные капли воды. Равела целую минуту не мог оторвать взгляд от этого треугольника, особенно от того места, чуть ниже нижней вершины, откуда сквозь узкий просвет просачивалось небо. Потом стал медленно поднимать глаза, так медленно, как движется кисть, боясь ошибиться. Вверх по светлой вертикальной линии в середине живота, споткнувшись о зрачок пупка, и дальше, выше, где с маленьких, но твёрдо вздёрнутых грудей цвета подсыхающего песка на Равелу уставились два соска цвета созревающей вишни, похожие на глаза богомола.

– Нагляделся? – спросила она насмешливо, дождавшись, пока взгляд Равелы поднялся наконец до её настоящего лица в обрамлении чёрных мокрых прядей, похожих на чёрную тучу, которой всё ещё прикрывалось краснеющее солнце.

Равела никогда не мог описать это лицо: ни словами, ни кистью. Он говорил только, что глаза на нём были как у птицы, взмахнувшей крыльями. Но что это значит, не объяснял. Так он говорил, вспоминая, уже тогда, когда его собственные глаза стали как у азиатского слона, опускающего хобот в воду ручья.

Равела очнулся, и кисть его остановилась. Всё это время рука Акварелиста машинально писала прибрежную траву.

– Нет, – ответил Равела, и пластмассовые кружки на его голове завибрировали.

Окно Четвёртое

Монастырь Санкт-Бартоломе. Кёнигсзее. Верхняя Бавария. Германия.

Перебравшись на ту сторону Высокого Тауэрна, в Верхнюю Баварию, Равела Акварелист спал в тесной комнате гостиницы при монастыре Санкт-Бартоломе на Кёнигсзее. Ему снился эротический сон. Что сон эротический, Равела понял только по эрекции, потому что ничего эротического во сне не происходило. Они просто стояли друг против друга: он и она. Оба закутанные с ног до головы в какие-то белые одеяния, похожие на саваны. Даже их лица были скрыты за белым, а может быть, сами были белые, а может быть, не было лиц.

– Это наши души, – решил Равела.

Между ними был камень. Или дерево. Камень, похожий на дерево.

Дерево, похожее на камень. Каменное дерево. Дерево-камень. У дерева не было ветвей и листьев, только ствол. Толстый, корявый, напрягшийся. Оно росло. Поднималось вверх, становилось толще. А они смотрели.

И чем больше росло это каменное дерево, тем больше возбуждался Равела. Даже во сне он чувствовал, что его возбуждает не она, что стоит напротив него. Его возбуждает само дерево-камень, его неуклонный подъём. А от того, что она тоже смотрит на это, он возбуждался ещё сильнее. Она полностью скрылась за стволом. Но Равела знал, что она там, с другой стороны, смотрит.

– Это мой член, – догадался Равела. – Какой огромный! Ну, конечно, ведь у души нет гениталий. А член не может просто исчезнуть, он слишком важен для философии жизни. Значит, он начинает самостоятельное существование и, освободившись от всего лишнего, достигает своего естественного размера.

– Но где же тогда её лоно? – подумал Равела. Он стал оглядываться и тут же почувствовал, как его вынимают из сна.

Окно Пятое

Горы Берхтесгадена. Верхняя Бавария. Германия.

Равела Акварелист любил писать туман. Не облака тумана, ползущие по склонам гор или клубящиеся в низинах, а стену тумана, сливающуюся с землёй и небом и скрывающую горы Берхтесгадена.

– Начало и конец всего сокрыты в тумане, – говорит Равела. – Если мы что-то видим, то только потому, что туман выпустил щупальца. Вещи, нас окружающие, – это сгустившийся туман, спящий туман, туман, который отдыхает от своей работы. Когда он проснётся, вещи рассеются.

– Вот камни. Они только кажутся такими твёрдыми и неподвижными. Но это лишь оболочка тумана, который клубится внутри камней. Это туман, который наказан за какой-то проступок и вынужден отбывать срок в каменной тюрьме.

– Или деревья. Щупальца тумана, выползающие из земли. От того они и колышутся под ветром. Туман поднимается внутри стволов, растекается по ветвям, достигает листьев, и они опадают по осени.

– Или трава. Тонкие струйки тумана, что просачиваются сквозь поры земли и поднимаются вверх. И снова ложатся на землю: под ветром ли, под дождём, под снегом, чтобы рассеяться, слиться с туманом-отцом.

Равела пишет белые камни, белую траву и белые деревья. Так они больше похожи на туман.

– Всё рождается из тумана, туман рождает всё, – говорит Равела. – Поэтому туман – женщина.

– Но ведь слово «туман» мужского рода.

– А это чтобы мы не сразу догадались. Но туман выдают синонимы: они все женского рода. Мгла, мга, дымка, пелена, муть, помоха, хмарь, марь, марево, мара... И всё это тёмное, влажное, неясное. А «мара» означает ещё и шлюха, потаскушка, подстилка, гулящая...

Равела пишет тёмную стену тумана. Равела среди травы, камней и деревьев. Он смотрит в туман, туман манит его. Он входит в туман, как входят в женщину. Рассеиваясь.

Окно Шестое

Набережная Регницы. Бамберг. Верхняя Франкония. Бавария. Германия.

– Когда моя кисть касается бумаги, у меня начинается эрекция, – говорит Равела Акварелист. Он говорит это во внутреннем дворике кафе на набережной Регницы, недалеко от Старой ратуши Бамберга в Верхней Франконии.

Солио Философ по другую сторону столика потягивает тёмный «Раухбир». Тень от зонтика обволакивает его, тогда как Равеле приходится смотреть против солнца. Из его глаз исчезают дома на другой стороне реки, потом река, автомобили и прохожие, остаются только светлые и тёмные пятна. Тёмное пятно Солио кивает головой:

– Искусство – это вождение, похоть. Охваченный ею художник страдает и мучается, пока не выплеснет краски на бумагу или холст. Некоторые считают, что это разновидность онанизма, но я думаю иначе. Вопрос в том, кто (или что) здесь женщина?

– Может быть, природа? – спрашивает Равела. – Когда я пишу пейзаж, я особенно сильно возбуждаюсь.

– Это всего лишь вуайеризм. Все эти тучки и дожди, фаллические горы и влажные низины, обнимающиеся деревья, цветочки и пчёлки – природа постоянно совокупляется сама с собой. Но тебе ведь мало подглядывать, ты хочешь сам изображать. И разве не пишут картины по воспоминаниям или по воображению?

– Иногда я закрываю глаза, чтобы не мешать кисти двигаться по бумаге, – говорит Равела и закрывает глаза. Светлые и тёмные пятна остаются, кружатся и складываются в картину: Равела Акварелист и Солио Философ, одетые в жёлтые монашеские одеяния с красными поясами, опираются на тяжёлые посохи и продолжают беседу в каком-то пустынном месте, среди россыпи камней. Всё залито светом, темнеющим в небе.

– Эту картину я у тебя куплю, – говорит Солио и, наклоня посох, наливает себе ещё пива. – Женщина, которая на ней изображена, в моём вкусе.

– Но там нет никакой женщины! Только два монаха, камни и пустота.

– Вот про неё я и говорю. Если бы ты нарисовал женское лоно, это было бы в лучшем случае непристойно, а в худшем – иллюстрацией к анатомическому атласу. Нас влечёт в женщине не то, что мы видим, а то, что нам не позволяют видеть. Когда ничего не видно, похоть становится неуправляемой. Твоё искусство – это совокупление с пустотой.

Окно Седьмое

Фрайбург. Шварцвальд. Баден-Вюртемберг. Германия.

Художественные подробности устройства женщины Равела Акварелист изучал во Фрайбурге: сначала по анатомическим атласам, потом в натуре, потом снова по атласам. Там он даже женился, чтобы иметь возможность свободно и в любое время изучать интересующие его детали. Долгие часы его голова провела между бёдер жены, а глаза проползли по поверхности её тела путь от Бамберга до Фрайбурга. Жена даже не догадывалась, что к востоку от ануса у неё есть белый штрих от старой царапины, а к западу от препуциума клитора – круглая родинка, которая краснела от солнечного света.

Когда Равеле открылось тело жены во всей полноте и мельчайших нюансах, у него пропала эрекция, и жена ушла к слепому музыканту. А Равела, который как раз заканчивал факультет Гуманитарных наук Фрайбургского университета, бросился рисовать так энергично, как никогда, пытаясь выплеснуть на бумагу всё то, что накопил за время недолгой семейной жизни. С рюкзаком за плечами он исходил пешком весь Шварцвальд, останавливаясь только для того, чтобы раскрыть этюдник на вершине горы или у подножия водопада. От этого периода его творчества сохранилось всего одно круглое окно. Равела написал не то болотце, не то озерко со светящейся бело-розовой водой, и мшистый островок, покрытый жёсткими стеблями травы, и голое дерево, склонившее над водой свои мохнатые ветви. А по сути – вульву своей бывшей жены, включая красную родинку.

Вселенная Равелы Акварелиста в то время была сплошным женским лоном, которое только что покинул Бог, и звёзды спермы Его ещё не погасли во тьме. Не было места ни для бёдер, ни для ягодиц, ни для живота, ни для груди, ни для спины, ни для шеи, ни для ушей, ни для носа, ни для глаз. Только к концу этого периода Равела Акварелист понял, что ему не хватает глаз. Его Вселенная была слепа и не видела Равелу. А его собственный напряжённый, набухший как фаллос, взгляд рыскал в тумане, в траве, в воде, в листве, в облаках, в небесной синеве и не находил ответа.

И хотя Равела Акварелист писал только пейзажи, по всему Баден-Вюртембергу о нём пошла слава как о порнографе. Это приносило больше денег, картины раскупались быстро и охотно. Женщины боялись Равелу и тянулись к нему. А сам Равела составлял и переделывал завещание: так испугался он непроходящей импотенции, которую отождествлял с приближающейся смертью. Но постепенно вода акварели растворяла в себе все отравлявшие Равелу женские флюиды, флюиды его бывшей жены.

Окно Восьмое

Рейнский водопад. Нойхаузен-ам-Райнфалль. Шаффхаузен. Швейцария.

Остатки анатомических излишеств вымыл из головы Равелы Акварелиста Рейнский водопад. Равела часами наблюдал, как падает вода, пенясь вокруг двух торчащих скал, похожих на головки исполинских клитором, и чувствовал как все страхи и тревоги, одолевавшие его последнее время, уплывают через дырки в голове. Небо прояснилось, и взошла ледяная Луна.

Из акварелей Равелы выветривалось сладострастие, они стали холодными, как одиночество. Он снова изображал человека в пейзаже, может быть, самого себя – в свободном одеянии и спокойной позе, всего лишь условная фигура, с которой мог отождествить себя зритель.

И, отождествив, раздвоиться, наблюдая пейзаж изнутри него и извне, наблюдая самого себя в пейзаже. Отстранённо и странно Это был странник, который пришёл неизвестно откуда и уйдёт неизвестно куда, бросив на картину лишь мимолётный взгляд. Равела бесстрастно фиксировал эти мгновения, и от его акварелей веяло космической обречённостью вечности. Картины перестали продаваться.

– Мгновение и вечность – это одно и то же, – говорил Солио Философ, с которым Равела снова встретился в Нойхаузене. – Остановить мгновение – значит впасть в вечность. А вот оргазм имеет ненулевую и конечную протяженность. Подъем, кульминация и обрыв или пологий склон по ту сторону пика. Так же устроена и жизнь человека. Это требует времени. Но как раз времени-то и нет в мгновении, времени нет в вечности. Буддисты правы, когда рекомендуют заранее освобождаться от желаний. И гурии – вечные девственницы, так что никакого секса не предполагается. И ангелы бесполо.

– А Бог? – спрашивал Равела, остановив руку с кистью и размышляя, нужно ли на картине изображать дальний план, если теперь нет тумана, скрывающего эту даль. Ему не хотелось рисовать даль, и горизонт проходил под ногами странника, остановившегося на мгновение в своём вечном пути. Получалось слишком большое небо, слишком пустое. Но Равеле казалось, что в этом и заключается суть его нового взгляда на Вселенную. Вселенная прозрела, правда, смотрела она куда-то вдаль, сквозь Равелу, по-прежнему не видя его.

– В том-то и дело. В том-то и дело, – говорил Солио, взбалтывая по кругу бокал с «Ханфблуте» и пытаюсь ощутить конопляный аромат. Пожимая плечами, он делал добрый глоток пива и продолжал:

– Было бы оскорбительно и кощунственно называть Бога бесполом. Ведь Он творец сущего, Он родил Вселенную. Но не как женщина рождает, а в ветхозаветном смысле, как «Авраам родил Исаака». Недаром Его всегда изображают с бородой, а у женщин бороды не бывает. И значит, Бог мужчина: у него должен быть фаллос.

Окно Девятое

Лаго ди Поскьяво. Округ Бернина. Граубюнден. Швейцария.

По дороге в Италию Равела Акварелист остановился у озера Поскьяво в Швейцарских Альпах. Он поднялся в гору, достал этюдник и прилёг отдохнуть. Взгляд его скользил по стеклянно-зелёной водной глади, по зелёно-жёлтым склонам гор на другой стороне озера, по дымящимся белым облакам в небе... пока не остановился на далёкой вертикали церкви Сан-Ромерио, похожей на эрегированный детский пенис. Равеле приснился сон.

Двое поднялись по тропе, разбудили Равелу и заявили, что им нужен третий, и они выбрали Равелу. Но для этого он должен разобраться наконец со своей эрекцией: либо она у него есть, либо – нет.

От его выбора зависят счастье жизни двух девушек в Италии, смерти одной пожилой дамы в Каринтии, а также общее устройство Вселенной и судьба мира.

Равела стал объяснять, что дело это не простое, что он и так прилагает все усилия, чтобы в его акварелях были и жизнь, и смерть, композиция и сюжет. Но тут всё дело в кисти: ручка у неё деревянная, правда, из хорошего бука, но всё равно не передаёт тончайшие покалывания в кончиках пальцев. Вот если бы пучок волос рос прямо из пальца, а лучше всего – из запястья, потому что художник пишет запястьем: у кого твёрдое и гибкое запястье – тот хороший акварелист, у кого слабое и несвободное – плохой. Да и запястье – всего лишь инструмент, хотя и живой. В действительности художник пишет дыханием: не тем, что в груди, а тем, что в голове. Дыхание должно быть не просто глубоким, как горные озёра, и чистым, как воздух в горах, – оно должно резонировать с тем, что рисуешь, и ритмически отождествляться с изображением.

Гость в красном одеянии склонил голову. Равела продолжил:

– Но откуда возьмётся дыхание, если член сморщенный и слабый? На самом деле, художник рисует фаллосом, потому что он им дышит. Художник – это творец, а чем создавалась Вселенная? Кисточкой? Пальцем? Запястьем? Это всего лишь заменители основного орудия, не спорю, полезные и даже необходимые в периоды вынужденного воздержания. Но Вселенная от них не рождается. И уж коли создан по образу и подобию, приходится плодить и размножать свои акварели, и делать это, как заповедано.

Гость в жёлтом одеянии слегка отвернулся и, приподняв лицо, вглядывался в снежные вершины Ретийских Альп. Равела продолжал:

А с другой стороны, основное орудие – это, конечно, средоточие творческой энергии, но вопрос в том, как её оттуда извлечь для целей... э-э-э... несколько отличных от прямого назначения. Если творчество – это сублимация, то, может быть, мудрость в самом деле приходит вместе с импотенцией?

Равела замолчал. И гости, пожав плечами, ушли.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Окно Десятое

Улица Мешков. Кастелло, 3144. Венеция. Италия.

Окончательно Вселенную Равелы Акварелиста туман покинул тогда, когда из него возникла Венеция. Туман перестал казаться таинственным, таинственны были предметы, из него выплывающие, как выплывает изогнутый нос гондолы из-за острого угла здания. Как выплыла из тумана Кончетта. Её линии были столь же изогнуты, а взгляд – остроуголен.

В маленькой квартирке на «Улице Мешков» Равела рассказывал свой сон в горах над Лаго ди Поскьяво. Кончетта отнеслась к рассказу неожиданно серьёзно, даже застегнула верхнюю пуговицу блузки, чтобы не отвлекать Равелу от основной темы. Потом встала на колени перед иконой Девы Марии и что-то долго шептала, тихо и неразборчиво.

Получив благословение, она заставила Равелу достать свои краски и бумагу, сняла с него штаны, измазала краской его член и придвинула чистый лист бумаги.

Эти рисунки Равела Акварелист считал дурацкой мазнёй, но радовался тому, что взгляд его наконец успокоился, а член поднялся. Кончетта была иного мнения: она сохранила рисунки и много позже, когда «пенис-арт» вошёл в моду, а след Равелы растаял в тумане Большого канала, продала их с большой выгодой во время Венецианской биеннале.

Квартирка, которую снял Равела, располагалась на втором этаже старого трёхэтажного здания и выходила окнами во внутренний дворик с зелёно-жёлтым газоном, пожалуй, самый большой в районе Кастелло. Каждое утро Равела подходил к окну и глядел на этот дворик сквозь тёмную листву огромного дерева. Он тосковал по каринтийским просторам. Потом шел завтракать в таверну Альберто, где в окружении винных бутылок всевозможных форм и размеров меланхолично рассматривал гравюры с видами Венеции.

10-ое окно – одна из самых лаконичных акварелей Равелы Акварелиста: по зелёно-жёлтому небу стремительно несутся белые с чёрным облака, похожие одновременно на хищных птиц и на венецианские острова, а под ними – перекрещивающиеся молнии, похожие одновременно на недописанную свастику и на венецианские каналы.

Когда через несколько лет Равела получил письмо от Кончетты, в котором она сообщала, что у неё всё хорошо – родила ребёнка и вышла замуж за богатого импотента, он приписал на обороте картины: «Ну, а всё остальное Джорджоне нарисовал ещё пятьсот лет назад. К чему повторяться!»

Окно Одиннадцатое

Зал 15. Галерея Уффици. Флоренция. Италия.

Во Флоренции Равела Акварелист увидел пенис на лбу. Каждое утро он шёл в галерею Уффици, чтобы постоять перед «Поклонением волхвов». Потом прогуливался по набережной Арно и размышлял над увиденным. Картина притягивала своей незаконченностью. Другие замечали необычность композиции, восхищались прорисовкой людей и лошадей, удивлялись выражению лиц и выразительности жестов. Но всё это есть в других картинах Леонардо, тем более, в его рисунках. Равелу больше удивляла явная избыточность тел, голов, рук: они переплетались, сливались, толкались, мешали друг другу. Как будто он видит несколько картин, просвечивающих друг

сквозь друга, как разные временные слои в памяти человека. Этим человеком, конечно, был сам Леонардо. Хронология его жизни раскручивалась в пространственную спираль от младенца в центре до старика слева: их правые руки одинаково согнуты, а ладони – на одном расстоянии от вертикальной оси картины. Только младенец показывает пальцем вверх, а старик как будто хочет его «прихлопнуть» каким-то предметом: не то колокольчиком, не то печатью.

Но можно ли помнить себя младенцем? Из записной книжки Леонардо: «Когда я лежал еще в колыбели, прилетел ко мне коршун, открыл мне своим хвостом рот и много раз толкнулся хвостом в мои губы». На члене как коннотации хвоста Фрейд строит целую теорию, смешивая материнскую грудь, безотцовщину раннего детства, гомосексуализм юности и фаллос египетской покровительницы материнства – богини Мут с головой коршуна. Равела шёл к «Благовещенью» в том же 15-ом зале и глядел на крылья коршуна за спиной архангела Гавриила, чувствуя, как пульсируют пластмассовые кружки на голове.

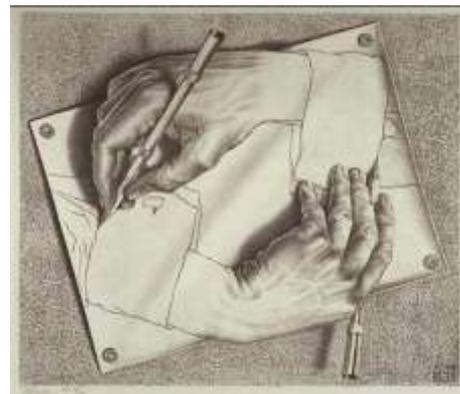
Равела не первый, кто разглядел автопортрет Леонардо в юноше справа, что отвернулся от всех и посылает взгляд за пределы видимого. И в человеке, простёршем раскрытую ладонь не то к дереву кароб, оно же рожковое и «акридное», не то к человеку за деревом, поднявшему указательный палец жестом Иоанна Крестителя, этими «акридами» питавшегося. Леонардо просит вернуть ему эрекцию, утраченную из-за гомосексуальных связей. Двое мужчин, сочувствуя этой просьбе, нежно прислонились к его спине. Но Равела не слышал, чтобы кто-нибудь замечал торчащий из лба Леонардо эрегированный пенис, полуприкрытый дурацким «чубчиком» на черепе, голом как мошонка.

Очарованный этим множественным – во времени и пространстве – автопортретом, Равела заказал в Британском музее копию манускрипта «Codex Arundel», который Леонардо собрал из разрозненных листков в последние годы жизни, надеясь найти там ответы. Но, кроме записей по физике и оптике, механике, геометрии и архитектуре, увидел лишь длинный список синонимов слова «пенис». В 11-ом окне пустынно как в синей пустыне; только три дерева, совсем не похожие на дерево кароб, гремят круглыми как монеты листьями.

Продолжение в следующем выпуске журнала.

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ирина Чижова
(МОССАЛИТ, Санкт-Петербург)

ХОЛОДИЛЬНИК СО СКИДКОЙ, или КОЕ-ЧТО О НЕВЫПОЛНЕНИИ ОБЕЩАНИЙ

Вы делаете покупки в интернет-магазинах? Я – да, и часто удачно. Правда, однажды... Начиналось все очень пристойно.

У мамы на даче сломался холодильник. То есть окончательно. Но кого это сейчас пугает, даже если дача в 170 километрах от города? Для того и существует интернет. Немного времени и упорства – и вот он, отличный вариант: двухкамерный, среднего женского роста в высоту, объемом со среднюю бетономешалку, новый, но подозрительно дешевый. В чем подвох? Оказалось, при транспортировке сломалась дверная петля, отсюда и уценка в полтора раза. А заменить-то петлю, спрашиваю, можно? Можно, говорят, она стоит 200 рублей. Обрадовавшись такому несказанному везению и выяснив, где купить запасную петлю, оформила покупку и доставку до маминого садоводства. Было это в понедельник. На следующий день примчалась с новой петлей в магазин. Продавец-консультант с бормотанием долго искал что-то в ящиках. Когда стало понятно, что ищет он отвертку, это вызвало у меня некоторое недоумение. Пришлось сбегать к машине и принести гаечный ключ нужного размера, ибо незадачливый консультант, как выяснилось, не отличает винты от болтов. Наконец мы с продавцом привинтили петлю на место. Словом, ключи мои – руки чужие. Ладно.

Доставку назначили на четверг... Весь день я просидела как на иголках, дожидаясь звонка, к вечеру не выдержала, принялась звонить девушке-диспетчеру, которая долго кормила меня баснями о пробках на дорогах и другими «правдоподобными» причинами задержки доставки, а ближе к полуночи совсем завралась и попросту перестала отвечать на звонки.

Пятница началась с поисков правды. Я вообще-то очень терпеливый человек, но в этом случае пришлось кричать. Докричалась в полном смысле слова до директора этой транспортной компании по имени Алексей.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Он клятвенно заверил, что привезут в субботу! Почему в субботу, а не в пятницу? – поинтересовалась я. Какого-либо вразумительного ответа получить не удалось. Ну и черт с вами, решила я, и стала в тревоге ждать субботы. Кошмары ночью мне, конечно, не снились, но мысли были об одном: как бы скорее помочь маме, чтобы она смогла забрать распахнутую по соседским холодильникам еду и не бегать каждый день в магазин, чтобы купить скоропортящиеся продукты.

На следующий день, не дождавшись обещанного звонка, начинаю звонить сразу после обеда, часа в два, потом настойчиво и с разными промежутками звоню то диспетчеру, то директору Алексею, то водителю, который плохо говорит по-русски, но, слава богам, понимает и умеет пользоваться навигатором. Выясняю, что холодильник – ура! – загружен, но сначала доставка осуществляется по городу, а потом уж в область. Делать нечего, снова терпеливо жду, но около 7 вечера начинаю звонить директору, который накануне любезно разрешил при любых осложнениях звонить ему лично. Однако к этому времени лимит любезности, видимо, достиг нулевой отметки: Алексей был уже пьян и нахамил мне.

Около 9 вечера связываюсь с водителем: «Сорук кияметрув асталась», - отвечает он. Еще через час: «Асталась семь кияметрув». Страшно изумляюсь: как такое может быть? У него же навигатор! И тут выясняется, что в его графике перед нами еще две доставки, и едет он не к нам, а в поселок недалеко от Питера, и это до него ему 7 км осталось! Терпение мое подходит к концу, подкатывает бешенство от бессилия что-либо изменить, но все же беру себя в руки. Ну, часов в одиннадцать-то доставят, успокаиваю себя я. Ха! Размечталась! Стрелка часов приближается к 12. Звоню - ищет дорогу в нужный район, говорит, если понадобится помощь, позвонит. В половине второго ночи со словами: «Я нэ знаю, гдэ я, б..ь, тут дарога, как после бомбешьки», - он исчезает с экрана радара: «абонент недоступен или находится вне зоны действия сети».

Все это время я периодически звоню своей восьмидесятилетней маме, которая тоже, конечно, не спит, ждет и верит. Она даже предусмотрительно включила фонарь на столбе возле своей линии, ведь стемнело, не видно ни зги, а так хоть ориентир будет. Рекомендую ей больше не мучиться ожиданиями, ибо надежды не осталось. Мама фонарь выключила, пошла спать. Сама я, вся на нервах, спать не ложусь, все равно не уснуть, дай, думаю, хоть почитаю. В голове бродят нехорошие мысли: что случилось с нашим бедным холодильником и где этот чертов водитель?

Может, уже продал его кому-нибудь и теперь мирно попивает чай или просто спит на обочине? И тут сигнал смс: абонент просит перезвонить, и указан... телефон водителя! Звоню и слышу вежливый голос: «Извините, пожалуйста, здесь дорога, как после войны, я не мог с вами разговаривать. Я в Киришах, мне тэпэр куда?». Боже мой, этот несчастный, можно сказать, почти добрался! Но, увы, Кириши – это на десять километров дальше по шоссе, значит, он проскочил нужный поворот.

Пришлось поработать штурманом, и весь остаток пути, шаг за шагом, я вела его до маминого садоводства. Без двадцати четыре моя мужественная мама выскочила на дорогу с ручным фонариком. Последнее, что я услышала от водителя, был его радостный возглас: «О, вон она, ваша мама, ближни-дални мнэ сигналил!».

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Вот так завершилась эта «страшная» история, начавшаяся в августовский понедельник и закончившаяся в 4 часа утра в воскресенье...

В добавление скажу, что моя мама оставила водителя и его напарника ночевать, как я ее ни отговаривала. Пока они пили чай и скромно клевали бутербродики, мама с ними беседовала по-человечески и выяснилось, что водитель по происхождению перс. Трудно представить, что чувствовал этот потомок персов, находясь в чужом краю, на разбитой дороге, в кромешной тьме, там, где даже навигатор не работает. Как он вообще доехал? Конечно, было не до долгих разговоров, и, проспав пару часов, в 7 утра они уехали.

Видимо, только поколение моей мамы так умеет, и я не могу найти слов для определения душевных свойств этих людей. Что-то безвозвратно потеряно, потому что мне бы даже в голову не пришло оставить на ночь таких гостей. А что нашим родителям позволяет естественно и без оглядки оставлять в доме совершенно чужих людей, по вине которых к тому же три дня прошли в страшной нервотрепке? Добросердечие, бескорыстие, наивность, простота? Наверное, все это вместе, и подтверждением может служить одна мамина фраза, сказанная в начале «опупеи»: «Ириша, ты им передай, что к нам лучше утром, по холодку ехать, а то позже пробки на дорогах».

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

В этой рубрике мы публикуем интересные фотографии как наших авторов, так и профессиональных фотографов.

НАШ ГОСТЬ:

*Ольга Карлова (Москва),
профессиональный фотограф.*

«НАВЕРНОЕ, ТАК БЫВАЕТ, КОГДА РАБОТА СТАНОВИТСЯ ЛЮБИМОЙ»

Автопортрет

Привет. Меня зовут Ольга. Я – фотограф. Что, в общем, не удивительно, потому что нас сейчас много. И тем не менее...

Почему фотография? Не знаю. Ну, скажем, так уж вышло. Стечение разных обстоятельств, устремлений и встреч. По первому образованию я экономист, «специалист банковского дела», как указано в дипломе. Работа как работа, не самая скучная, но интересная жизнь начиналась после...

И вот я оказалась в фотошколе операторского факультета ВГИК. Здесь мои смутные представления о фотографических процессах превратились в определенные знания и умения. Был откопан старенький учебник физики Ландсберга, третий том. Волновые явления, геометрическая оптика, кельвины и майреды, аддитивные и субтрактивные сложения цвета, сферические и хроматические аберрации, оптические плотности и прочее, и прочее...

Была «История религии», потом – «История фотографии». В павильонах выполнялись задания, обрабатывались высокие и низкие ключи, натюрморт не получался, композиции не складывались, а гипсовые головы героев античности падали с постаментов и разбивались вдребезги в угаре творческого процесса.

В главном кинематографическом ВУЗе страны я столкнулась совсем с другими людьми по сравнению с теми, что окружали меня прежде. Они знали другое, другому учили, у них были иные цели и иное представление об успехе. В общем, я попала в другой мир, и он захватил, увлек меня. Сначала это было просто хобби, потом оно стало занимать все больше моего времени, сил и жизненного пространства, и как-то само собой незаметно превратилось в мою работу, мое основное занятие. Вскоре я поняла, что день перестал для меня делиться на «работу» и «после». Наверное, так бывает, когда работа становится любимой.

ПОРТРЕТЫ

Я не слишком люблю снимать в студии. Мне нравится снимать людей, но так, чтобы они этого не видели.

Люблю "подглядывать" за ними, снимать не застывшие, вымученные улыбки "на камеру",

а их лица в моменты, когда они чем-то увлечены, или погружены в себя, или просто только что обернулись на мой зов.

УТРО ПЕРВОКЛАСНИЦЫ

А это несколько фотографий утра маленькой девочки. Я их очень люблю, потому что они "живые".

На самом деле - это утро 1 сентября, первое утро ее новой жизни.

Но она хочет спать и не хочет есть кашу... Вот такая проза.

ЦВЕТ В ГОРОДЕ

Это я снимала, будучи еще студенткой ВГИКа. Задача была сделать серию фотографий на тему "Цвет в городе". Просто - "цвет в городе" - и никаких ограничений!

Наверняка сейчас я бы сняла намного лучше. Теперь я вижу все свои ошибки, но все равно чем-то эти фотографии мне очень дороги.

Они все разные и не очень-то сочетаются друг с другом, объединяет их только то, что все они цветные.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Хорошо помню настроение тех дней, когда я их снимала, хотя, как говорил наш учитель: "Ну, вы там были, а настотам не было..."

Так что, возможно, прелесть этих фотографий для тех, кто не гулял тогда со мною по городу, весьма сомнительна.

ГОРОД ГРЕХОВ

Здесь фотографии, снятые по мотивам фильма Родригеса "Город грехов".

Нужно было воссоздать атмосферу нуара, попытаться скопировать свет, ну и характеры. Голди. Черно-белый дождь.

Девочки, готовые защищать себя от негодяев. В общем, кто видел фильм - тот поймет. Для остальных - слишком мрачно. Люблю эту съемку.

СТЕП-ФОТО (СТРИТ-ФОТО)

А вот здесь - мои прогулки
по Парижу.

Так называемые "step photo"
("street photo"). Таких городов у меня уже
скопилось порядком. Пожалуй, мой
самый любимый жанр.

Мне нравится бродить в одиночку с
камерой по незнакомому городу и
потихоньку, исподтишка "приручать" его.

*Фотографии
опубликованы с разрешения О. Карловой
и являются собственностью автора.*

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

Зинаида Кокорина

(МОССАЛИТ, Королёв)

130 лет со дня рождения писателя Бориса Житкова

Вот и кончились летние каникулы. Наступил первый день осени, и первый школьный звонок напоминает о том, что начинается новый учебный год.

Юлий Цезарь однажды сказал «Знание — это сила». В нашей стране ежегодно первого сентября отмечается **День знаний** - волнующий праздник для всех. Нет в нашей стране человека, не вспоминающего в этот день свой первый звонок, первую учительницу, школьных товарищей, с которыми начинал путь во взрослую жизнь. День знаний — без преувеличения всероссийский праздник, хотя не только в России учебный год начинается 1 сентября. Миллионы родителей по всему миру ведут в школу своих детей, но только у нас этот день проникнут особым настроением. Трогательно серьезные первоклашки переступают школьный порог в первый раз, порой с опаской — они знают, что учиться в школе интересно, но все-таки им немного страшно. Школьники постарше сожалеют, что кончились каникулы, и радуются тому, что вновь увидят своих друзей. В этот день люди всех возрастов с удовольствием вспоминают, как они учились в школе, проказничали или сбегали с уроков, играли в «Зарницу», как участвовали в олимпиадах и семинарах, как впервые ощутили свое призвание. И пусть этот день для них окрашен легкой грустью — грусть эта светлая. Это грусть по ушедшему детству, которое, увы, бывает только один раз в жизни.

А знаете ли вы, что не все дети мира идут в школу 1 сентября? В Голландии, Норвегии и Швеции дети проучились уже целый месяц — они пошли в школу 1 августа. В Индии учебный год в самом разгаре. Он начался 1 апреля. В Австралии ученики вновь садятся за парты 1 января. А в республике Коста-Рика 31 августа в школах прозвенел последний, а не первый звонок.

Борис Житков

Тро слона

рисунки Н. Тирса

2012 год насыщен **юбилейными датами** известных писателей и поэтов.

В сентябре отмечалось 130 лет со дня рождения русского писателя *Бориса Степановича Житкова* (1882-1938) — автора многочисленных книг для детей, в том числе «Беспризорная кошка», «Рассказы для детей», «Рассказы о животных», «Храбрый утенок». Борис Житков сотрудничал со многими детскими газетами и журналами: «Ленинские искры», «Новый Робинзон», «Ёж», «Чиж», «Юный натуралист», «Воробей», «Пионер». Работал корреспондентом в Дании. Создал циклы детских рассказов «Что я видел» и «Что бывало».

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Главный герой первого цикла — любознательный мальчик «Алёша-почемучка», прототипом которого стал маленький сосед писателя по коммунальной квартире Алёша. Некоторые рассказы этого цикла позднее легли в основу мультипликационных фильмов: «Кнопочки и человечки», «Почему слоны?», «Пудя». Борис Житков является главным героем известного детского стихотворения С. Я. Маршака «Почта»:

Борис Житков

*«Он протягивает снова
Заказное для Житкова.
Для Житкова?
Эй, Борис,
Получи и распишись!»*

Немецкий славист и литературный критик Вольфганг Казак так отозвался о творчестве Бориса Житкова: «Произведения Житкова насыщены действием, он часто пользуется формой разговора с читателем, пишет всегда образно и ясно. Задача творчества Житкова — сообщение детям полезных сведений и воспитание в них лучших человеческих качеств».

В статьях и воспоминаниях о Борисе Житкове не раз высказывалось мнение, будто он пришёл в литературу совершенно случайно. На первый взгляд, мнение это представляется не лишённым основания.

В самом деле, печататься Житков начал, когда ему было уже за сорок, в 1924 году. Кем он только не был! Моряк, зоолог, инженер, учитель, химик – кто угодно, только не писатель. Однако в действительности приход Житкова в литературу был глубоко не случаен ни для жизни самого писателя, ни для советской литературы 20-х годов.

Каждый из крупных мастеров советской литературы для детей – Гайдар, Пантелеев, Сергей Григорьев, Кассиль, Паустовский, Ильин, Бианки, Катаев, Тихонов, Каверин – искал средства сочетать богатство и подлинность материала с остротой сюжета. Каждый на свой лад, по-своему, в соответствии с особенностями своего дарования, добивался того, чтобы книга была *дельна* и в то же время *интересна*. Того же своими средствами, своими путями добивался и Житков. Пути эти были сложны. В 1924 году издательство «Время» выпустило первый сборник рассказов Житкова. Сборник назывался «Злое море» и состоял из пяти новелл: «Мария и Мэри», «Над водой», «На воде», «Под водой», «Коржик Дмитрий». В 1925 году вышла новая книжка рассказов Житкова, на этот раз в Гизе – «Джарылгач», «Голый король», «Дяденька», «Компас», «Чёрная махалка».

Действие в рассказах, помещённых и в том, и в другом сборниках, происходит на море – *на воде, над водой или под водой*, а если и на земле (как в рассказе «Дяденька»), то тоже в таком месте, где люди заняты морским делом – на судостроительном заводе. Не смотря на то, что в названиях сборников «Злое море» и «Морские истории» фигурирует море, между этими книгами такая разница, будто их написал не один и тот же писатель, а два разных.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Но герои «Морских историй» обрели плоть и кровь, характеры, которые были едва намечены у героев «Над водой» и «Под водой».

Таков был творческий путь Бориса Житкова – от сюжетной новеллы *приключенческого* типа, построенной на острых положениях, где абстрактное мужество сталкивалось с абстрактной трусостью, к новелле психологической, где герои получили острые социальные характеристики. Мы увидели мир глазами рассказчика. И потому увидели не только мир, но и его самого.

Нравоучительных рассказов для детей писалось и пишется немало. Нередко бывает, что, вопреки своему заданию, они не способны научить ничему. Рассказы старых хрестоматий, за редким исключением, наводили на ребёнка тоску и скуку. Многие нравоучительные рассказы современных хрестоматий тоже ничего, кроме скуки, вызывать не могут. А детские рассказы Житкова трогают читателя, впечатляют, радуют и без натяжки, со всей непреложностью поэтического произведения заставляют ребёнка сделать тот самый вывод, к которому пришёл автор.

В августе 1936 года впервые появляются в письмах и дневнике Житкова упоминания о будущей энциклопедии – о «Почемучке», как он её попросту называл, то есть о книге, озаглавленной «Что я видел». Трудность избранной задачи и увлекала, и пугала его.

Очень трудную форму я взял, - пишет он сестре 30 августа 1936 года, - от первого лица.//

Этакого никто нигде не писал. Тропинок по этим джунглям не проторено, и я рвусь целиной. И уже ободрался достаточно. Но передыхать тут нельзя, иначе от всего откажешься. Сядешь и заплачешь.

«Алёшка-почемучка» - лицо не выдуманное. В 1935 году Житков жил в Москве у своей сестры, Александры Степановны. Соседом его был четырёхлетний Алёша. Борис Степанович много возился с Алёшей, рисовал ему картинки, клеил игрушки, радовался его смышлёности, а когда начал работать над энциклопедией, читал ему отдельные главы. Но, конечно, не один Алёшка послужил прототипом для маленького почемучки, а десятки и десятки малышей, за которыми Житков любил наблюдать. Продолжала служить ему верную службу и его поистине необыкновенная, живая и острая память о детстве.

По свидетельству С. Я. Маршака, *Горький чрезвычайно ценил людей, которые «умеют глубоко и талантливо помнить детство».*

«Человек должен быть показан ребёнку прежде всего как герой... - писал Горький, - как рыцарь духа, борец за правду, революционер и мученик идеи, как фантазёр, влюблённый в свою мечту и оплодотворяющий её своей фантазией, оживляющей силой воли своей... Дети должны быть с малых лет вооружены именно верой в человека и в великий смысл его творчества - это делает их крепкими духом, стойкими борцами».

«Детская литература в целом должна представлять собой разнообразную, сложную, всеохватывающую и, в то же время, единую систему, в которую уложится весь богатый опыт, накопленный человечеством», - писал С.Я. Маршак.

Те 15 лет, что Борис Житков работал в литературе, он трудился с таким напряжением, с таким неустанным напором, что теперь, глядя на созданную им библиотеку, кажется, будто он перед собой одним поставил эту огромную задачу, формулируемую кратким и требовательным словом: всё. Всё объяснить, всё рассказать, всё растолковать подрастающему человеку, дать ему в дорогу с собой всё, что может ему пригодиться в пути – и большое и малое.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Алина Хаврюкова, 8 лет (Москва)

Знакомьтесь, Алина Хаврюкова. Алине 8 лет, она учится в школе и больше всего на свете любит читать стихи. Однажды бабушка прочитала Алине хокку Мацуо Басё. Поэзия произвела на девочку такое сильное впечатление, что она немедленно написала свои собственные хокку. Ей было тогда всего 6 лет. Возможно, Алина станет поэтом или художником, как ее дедушка и бабушка... Может быть, ее дальнейшая судьба и не будет связана с искусством, кто знает? Но первый поэтический опыт навсегда останется с ней.

ХОККУ

(Написано в 6 лет)

* * *

Тесно муравью
Пробраться сквозь щель в скале.
Задавит его.

* * *

Трудно пройти через мост,
далеко тебе.
Умрешь, муравьишка.

* * *

Дерево,
Зачем ты вянешь?
Живи долго.

* * *

Гора,
Ночью тебя не видно,
А утром ты поднимаешься.

* * *

Гусеница,
Не плачь,
Все равно в ветвях тебя не видно.

* * *

Грустно мне.
Ласточки
Спать не дают.

* * *

Снег!
Хватит сыпать,
А то все облака потеряешь.

* * *

Гора,
Не плачь.
Слезы твои цветные.

* * *

Два кувшина стоят,
Дождь не наполняет их.
Грустная осень.

* * *

Сажу я под окном,
Смотрю, как ласточки летают.
Облака белы.

* * *

Сажу под водопадом,
вижу, как лосось
Стремится вверх.

* * *

Осень загорается
на мягком лепестке.
Снег вдруг посыпал.

* * *

Тигр
Прыгает во сне.
Рычит он на меня.

* * *

Цветок расцветает,
Но вянет другой.
И это неизбежно

* * *

Мак
Расцветает под окном.
Радуюсь я.

* * *

Тапочки мои
Сгрызла собака.
Не в чем мне ходить.

* * *

Кружечку мою
Мама оставила в старом доме.
Навсегда...

* * *

Бабушка сидит,
Читает мне книжку.
Не слушаю я ее.

СТОЛИК У ОКНА

*Рубрику ведет Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)*

СНОВА В ШКОЛУ, или ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ДЕТСТВО

Кого я вижу!!! Привет! Сто лет тебя не видела, соскучилась! Отпуск? Понимаю. Лето вообще проскакивает быстро. К сожалению. Ты не стой, присаживайся. Сейчас мы закажем кофе. Здесь эспрессо просто чудесный. Ну, рассказывай, как отдых? На островах? Целый месяц! Обалдеть! Ох, а я все работаю-работаю... Уже сентябрь наступил, дети в школу пошли. Ты знаешь, это странно, но в сентябре у меня срабатывает какой-то условный рефлекс. Особенно на «первое сентября». У тебя тоже? Школу вспоминаешь? Ну вот, я как раз сидела и думала - интересно, мы уже давно взрослые, а некоторые детские рефлексы остались. И вообще как это получается, мы солидные люди, и дети наши давно выросли, но как только подумаем «первое сентября», так сразу про школу вспоминаем? Что, не все? Ну, хорошо не все, но многие. Слушай, а тебе никогда не приходило в голову, что мы навсегда остаемся детьми? Как определить, что такое детство и когда оно заканчивается? И заканчивается ли вообще? Да, я знаю с научной точки зрения с одиннадцати до шестнадцати лет в среднем длится пубертатный период, и потом все эти гормоны - эстроген, тестостерон... Потом еще можно сослаться на получение паспорта в четырнадцать лет. Но все это сухая статистика. Я говорю совершенно не об этом. И уж точно не о людской инфантильности. Мне интересно понять, взрослеет ли душа и как меняется наше внутреннее «Я»? Что означает фраза «быть взрослым»? Ответственность? А почему ответственность наступает только с взрослением, кто это придумал? Я, например, знаю и знала детей, вполне отвечающих за слова и поступки. Да и меня, знаешь ли, родители приучали с ранних лет к ответственности во всем. Нет, это не критерий. Должно быть что-то еще, или не должно? Да ладно тебе! Не морочу я тебе голову, ну разве не интересно? Живем, ходим на работу, решаем проблемы, думая, что мы взрослые. А на самом деле просто крупные дети. Ну, хорошо неудачно выразилась, не крупные, постаревшие. Ой, извини! Опять глупость сморозила. Пусть будет «великовозрастные дети», так хорошо? Вот и славно! Что? Кофе вкусный? Ага, а я что говорила? Тогда пей кофе, а я пока поделюсь с тобой своими размышлениями, или, как говорит Задорнов, «размышлизмами».

Так вот, когда я однажды задумалась на эту тему, о детстве, мне стало интересно, в каком возрасте оно заканчивается? Тринадцать лет - это детство? А двадцать? Например, если с позиции пятидесятилетнего человека говорить, то и в тридцать еще детство. А если восьмидесятилетнего человека спросить, кажутся ли ему детьми пятидесятилетние? Так взрослеем ли мы вообще или только становимся биологически старше? Вспомни избитые выражения: «не будь ребенком», или «не впадай в детство». «Ты моя малышка», «ты мой зайка» и другие уменьшительно-ласкательные прозвища, которыми мы друг к друга называем: котик, пупсик, белочка, медвежонок и т.д.? Нет, чтобы так: Галина, Виктор, Елена,

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Михаил, мы же ВЗРОСЛЫЕ! Так что же все-таки происходит? Мы «впадаем в детство» или мы из него не «выпадали» никогда?

У всех в детстве были игрушки: машинки, куклы, пистолетики и бусинки. И для тебя не тайна, что дети вырастают и игрушки меняются. Тут я Америки не открываю, это известный факт. Машинки становятся большими и дорогими, бусинки превращаются в бриллианты, ну а куклы и пистолетики... я лучше промолчу. Но вот что важно - почему и когда мы решили, что детство кончилось? Может это просто ДРУГОЕ детство? Дорогое и сильно занятое. Раньше мы играли «понарошку», а теперь «взаправду». Только мы не желаем себе признаться в том, что остались в детстве. Стесняемся и называем себя взрослыми.

Рис. Анны Народицкой

Допустим, что все именно так, как я предполагаю, тогда сам собой возникает вопрос - кто такие взрослые? И когда я пыталась найти ответ, вот что мне пришло в голову: РЕБЕНКУ НИКОГДА НЕ БЫВАЕТ СКУЧНО! Ну, правда, вспомни, даже наказанный малыш не стоит в углу просто так, он самозабвенно ковыряет стенку. Ребенок всегда много придумывает, находит, чем заняться. И главное, детям кажется, что жизнь бесконечна, и можно успеть переделать уйму дел, исполнить кучу желаний.

Значит, получается, мы взрослеем тогда, когда нам начинает становиться скучно. СКУЧНО ЖИТЬ оттого, что нет времени заняться тем, чем ХОЧЕТСЯ, но приходится делать то, что НУЖНО. Нет времени на фантазии потому, что ход недель, месяцев и лет ускоряется, и они мелькают со страшной скоростью. Но когда появляется временное «окно», мы уже не помним, чего хотели, о чем мечтали. И тогда «взрослые» люди начинают придумывать, как убить свободное время. Ребенку и голову не может прийти такой ужас! УБИТЬ ВРЕМЯ! Зачем??? Ведь временем можно пользоваться. Столько всего есть в жизни, необычного и волшебного! И чем больше этого всего, тем больше в тебе детства. А может это и есть способ жить вечно? Ой, ты только не подавись! Ну, зачем ты так реагируешь на мои слова? Это просто «размышлизмы». Как ты говоришь??? «МАРАЗМЫШЛИЗМЫ»? Ну, хорошо, хорошо, пусть так, я же не обижаюсь. Но мне и правда очень интересно покопаться в этом вопросе. Вот смотри, если среди нас есть скучные взрослые и взрослые дети, то, получается, супружеские пары могут и должны подбираться по этому принципу. Ведь ребенку сложно и не всегда интересно со взрослым. Значит, великовозрастный мальчик может быть счастлив только с выросшей девочкой. А скучная тетя вполне уживется со скучным дядей, ведь он не будет ее раздражать своими детскими поступками. И все будут счастливы. Или наоборот? Взрослому ребенку все же нужна абсолютно серьезная и не витающая в облаках партнерша? А маленькой 40-летней девочке - заботливый папа? Ну, как же понять, где ответ? Чем больше думаю, тем больше сомневаюсь. Но одно я знаю точно - нам всем необходимо принципиально пересмотреть отношение к людям преклонного возраста. Их жизнь - огромное богатство, они полны мудрости, в них еще так много нерастроченной энергии, невостребованных талантов - все это может оказаться весьма полезным не только для них, но и для самих нас.

И вот такая идея появилась: хорошо бы издать закон, чтобы к пенсионному возрасту люди снова пошли в школу. Только не в ту, в которую в детстве ходили. В этой удивительной школе будут помогать молодым душой пенсионерам осуществлять самые смелые мечты - то,

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

о чём грезили с ранних лет, но так и не исполнили. Например, мечтала девочка стать балериной, а всю жизнь проработала бухгалтером. Ну, не сложилось! А вот на пенсии, в новой школе, она затанцует. Пусть не идеально, как сможет, но мечта осуществится. Причем учить бабушку будут настоящие профессионалы балета. Согласись, в повседневной жизни далеко не каждый сможет развить в самом себе глубоко дремлющие способности. Возможно, не сумеет или, скорее всего, будет некогда. Заботы о хлебе насущном, работа, дети и пожилые родители - все это отнимает силы и годы. А потом окажется, что время упущено, финал близок и уже поздно. И никому нет дела до того, что человек еще молод в душе. Нет, ну правда, подумай, выходит человек на пенсию и осознает: «Все! Достаточно, жизнь подошла к концу. Теперь ничего не поделаешь». У нас даже специальный термин бюрократы придумали - «время дожития». Представляешь? У человека еще есть творческие идеи, фантазии и проекты, а ему закон объясняет – «всё, приехали, конец пути!»! Очень страшно! Может, поэтому многие пожилые люди начинают вести себя, мягко говоря, странно? Они чувствуют себя брошенными, возможно, накопленные за долгие годы желания бьются внутри и сводят людей с ума? И бродят по городу несчастные бабушки и дедушки, пугая молодых предстоящим ужасом старости... Брр!

А вот если пойдут эти пожилые дети вовремя в волшебную школу, там раскроются их способности, таланты, воплотится в жизнь творческая задумка, осуществится самая сказочная мечта. Это вам не просто какой-нибудь кружок «Умелые руки», все очень серьезно. И начнется тогда новый этап, другая жизнь. И «великовозрастные дети» смогут прожить еще очень много интересных и благополучных лет. По-моему, хорошая идея! Ты считаешь, я сильно размечталась? Ну, а почему бы и нет? Это же абсолютное волшебство - мечтать и верить. И, как ты уже догадываешься, себя я тоже отношу к категории «детей». Улыбаешься? Ну, улыбайся...

А я вот обязательно пойду в ту самую школу! Первого сентября. Лет примерно через десять-пятнадцать. Осуществлю там все свои самые смелые мечты и никогда не повзрослею!

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Светлана Сударикова
 (МОССАЛИТ, Москва)

Фото Светланы Судариковой

РЫЦАРСКИЕ ЗАМКИ АВСТРИИ

Строительство замков и крепостных сооружений в Европе началось в IX веке и было связано с необходимостью защитить владения и имущество феодала от врагов. Поначалу это были деревянные сооружения, но постепенно дерево заменили камнем – более надежным и долговечным материалом. Строились замки с учетом особенностей местности, преимущественно на холмах, скальных уступах и других труднодоступных местах. Вокруг замков сооружались рвы и возводились земляные курганы. Внутренний двор замка обносился крепостной стеной толщиной до 3 метров и высотой до 9 метров. Внутренний двор вмещал различные хозяйственные постройки, такие как кузница, конюшня, склады, колодец, и жилые помещения. Замок должен был выдерживать длительные осады. Обязательным условием при строительстве замка было возведение смотровой башни – донжона, по-немецки, бергфрид (Bergfried). Башни имели различную форму, они могли быть круглыми, могли иметь в основании прямоугольник или многогранник и часто выполняли не только оборонительную функцию, но и служили жилищем феодала.

Замки строились по всей Европе, и Австрия в этом смысле не исключение. Именно к концу IX века в исторических хрониках появляется название *Ostarrichi*, от которого и произошло современное название *Österreich*. Австрия на тот момент представляла собой систему так называемых марок (*Marcha – граница*), созданных Карлом Великим для охраны границ, и являлась частью Франкской империи. Часто именно по границам и строились замки для защиты от набегов врагов, которых в тот период было немало.

Сегодня замки разбросаны по всей Австрии и являются ее бесспорным украшением. Многие замки великолепно сохранились, от иных остались лишь руины, но все они по-своему интересны и таинственны. Некоторые замки по сей день принадлежат старинным австрийским родам, так, замок Херберштайн уже 700 лет является собственностью этого рода, а замком Форхтенштайн владеет старейший род Эстерхази. Каждый замок Австрии – это не только архитектурный и исторический памятник, это еще и легенда, овеянная мраком и тайной. Рассказать обо всех замках невозможно, в Австрии их очень много, и каждый уникален. Каждый хранит в себе частицу истории.

ЗАМОК ФОРХТЕНШТАЙН

Замок Форхтенштайн

Замок Форхтенштайн расположен в земле Бургенланд. Само название Бургенланд в переводе с немецкого означает «земля замков» (*Burg* – замок, крепость, *Land* – земля). Замок построен на скалистых склонах Розалиенгебирге на высоте 748 метров, и его мрачный силуэт виден уже издалека. Замок до сих пор владеет семья Эстерхази, та самая аристократическая семья, на службе у которой 25 лет состоял Йозеф Гайдн в качестве главного капельмейстера. В замке проводятся экскурсии и другие мероприятия, например, церемонии бракосочетания. В свое время замок был

отличным форпостом и выдержал не одну вражескую осаду. Во время турецких набегов это была единственная крепость, не павшая под натиском неприятеля. Сегодня об этом событии напоминают турецкая палатка и полотна с изображением событий тех лет. В замке размещена великолепная экспозиция оружия, которую семейство Эстерхази собирает не одно столетие. На стенах можно видеть портреты владельцев замка. В нем хранится множество ценнейших экспонатов, это своего рода огромный музей, в котором можно окунуться в средневековую атмосферу, понять и представить, как много столетий назад жили здесь люди. Во внутреннем дворе замка находится каменный колодец глубиной 145 метров, построенный пленными турками.

Воду с глубины поднимали несколько крепких мужчин, а цепь, с помощью которой осуществлялся этот процесс, можно видеть и сейчас растянутой вдоль стен внутреннего подсобного помещения. Однако воду пили мало, боясь заразы, пили вино и пиво, а для хозяйственных нужд на территории замка прямо в скале была выдолблена специальная емкость для сбора дождевой воды. В случае осады требовался стратегический запас воды. Ванны высшее сословие не принимало, а крестьяне купались в ручье у подножия замка. Неизгладимое впечатление

производит огромный вертел на кухне, на котором можно было жарить целого быка, а также огромное деревянное корыто размером с хорошую ванну. В этом корыте замешивали тесто. Великолепны внутреннее убранство замка, каминный и зал и библиотека. С высоты крепостных стен открывается прекрасный вид на окрестности. А посмотреть здесь действительно есть на что.

Вход в замок Форхтенштайн

В замке Форхтенштайн

Бургенланд – одна из 9 федеральных земель Австрии. Здесь больше всего солнечных дней в году. Когда-то на ее территории располагалась римская провинция Паннония, и напоминанием об этих временах служат римские каменоломни близ Санкт-Маргаретена, в которых добывался камень для строительства Хофбурга – дворца кайзеров в Вене. Летом здесь проводятся оперные музыкальные фестивали. В местечке Карнунтум среди древнеримских развалин восстановлен небольшой кусочек римского городского квартала: дом горожанина, городская вилла и открытые купальни.

Когда-то Карнунтум был крупным древнеримским городом, и свой след в его истории оставили Марк Аврелий и Септимус Северус. В Бургенланде расположено самое большое степное озеро Европы – Нойзидлерзее. Это мелководное озеро, по берегам на многие километры поросшее камышом. Это сущий рай для орнитологов. Но Нойзидлерзее – это не только природный заповедник, но и культурные центры, такие как Мёрбиш – небольшой городок на берегу озера, где на сцене, выстроенной непосредственно на водной глади, проходят театральные представления. Недалеко от замка Форхтенштайн находится старейший зоопарк рептилий, есть здесь и прекрасный детский парк развлечений. Для любителей велосипедного спорта проложены сотни интереснейших маршрутов.

Так, катаясь по виноградникам, вы обязательно попадете в свободный город Руст – небольшой и очень уютный городок, где нет ни одного дома, на крыше которого аисты не свили бы гнездо. В Бургенланде, в городе Райдин, родился Ференц Лист, в Айзенштате – столице Бургенланда – 25 лет жил и работал Йозеф Гайдн. И, конечно, в «земле замков» расположены красивейшие замки Австрии – Бернштайн, Локенхаус, Бургау, Гюссинг, Ригенсбург и др.

Руст

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

РУИНЫ ЗАМКА ДЮРНШТАЙН

Развалины этого замка расположены в другой федеральной земле Австрии – Нижняя Австрия, в долине Вахау. Долина Вахау – это регион на берегу Дуная, известный своими виноградниками и абрикосовыми деревьями. В городе Кремс производят известный на весь мир абрикосовый ликер “Bailoni” и самый вкусный в мире абрикосовый джем, кроме того, именно здесь пекут нежнейшие и вкуснейшие булочки, которые так и называются – «вахауэр». Замок Дюрнштайн возвышается на скале над одноименным городом.

Руины замка Дюрнштайн

Городок Дюрнштайн

Дюрнштайн - небольшой, но очень популярный у туристов городок на берегу Дуная.

Вокруг города раскинулись виноградники, где производят вино превосходного качества.

Вино можно попробовать в винотеках или классических австрийских хойригерах. Узнать хойригер легко по сосновым веткам, висящим над входом. Здесь официанты подадут вам только вино, за закуской придется спуститься в буфет.

Недалеко от Дюрнштайна стоит памятник русским, французским и австрийским войскам времен наполеоновских войн, выполненный в виде артиллерийского снаряда. Руины замка возвышаются высоко над городом,

Виноградники Дюрнштайна

подъезда нет, так что придется немного прогуляться по крутым горным тропам. От замка почти ничего не осталось. Он был построен в 1140-1145 годах и известен своим

Вид на город и окрестности из замка Дюрнштайн

знаменитым пленником. В 1192 году при возвращении из Крестового похода английский король Ричард Львиное Сердце был арестован рыцарем австрийского герцога Леопольда V Георгом Роппельтом и заточен в замке Хадемара фон Куэнринга. Королю в качестве развлечения было разрешено общение с трубадурами. Так, видимо, и появилась легенда о верном и преданном миннезингере Блонделе, который, передвигаясь от замка к замку в поисках своего короля и друга, дошел до Дюрнштайна и узнал пленника, спев строчку только им известной песни, которую Ричард

подхватил и продолжил. Позднее Ричард был отпущен за солидный выкуп. Ныне об этой истории напоминает отель «Романтик Ричард Львиное Сердце» в Дюрнштайне.

В 1645 году замок Дюрнштайн был взорван шведами во главе с генералом Торстенсоном.

ЗАМОК АГГШТАЙН

Замок Аггштайн расположен недалеко от Дюрнштайна также на берегу Дуная в долине Вахау. Однако, в отличие от замка Дюрнштайн, Аггштайн находится в хорошем состоянии, он частично восстановлен и взят под защиту ЮНЕСКО. Это очень популярное у туристов место, один из самых знаменитых рыцарских замков Австрии. Добраться до замка можно на автомобиле или на велосипеде, а особенно приятно – пешком, по горным тропам, наслаждаясь свежим чистым воздухом. Замок находится на высоте около 300 метров.

Замок Аггштайн

Замок Аггштайн

Хотя первые документальные упоминания о замке относятся к 1256 году и связаны с именем Перхтольда фон Ахштайна, сама крепость была построена в конце XII века фон Манегольдом III, но вскоре перешла влиятельной семье министериалов Куэнрингер и принадлежала им вплоть до XIV века, когда герцог Альбрехт V (позднее кайзер Альбрехт II) передал замок своему советнику Йоргу Шеку фон Вальду.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

В 1477 году замок перешел к герцогу Леопольду III, который сдал его в аренду, и в 1606 году вдова последнего арендатора Анна фон Польхайм-Парц приобрела замок, однако после ее смерти владения пришли в упадок. В 1819 году замок был продан графу Францу фон Берольдингену, а в 1930 году владельцем замка стал граф Освальд фон Зайлерн-Аспаг. Как и другие замки, Аггштайн имеет свои легенды. Одна из легенд рассказывает о братьях Хадемаре III и Генрихе I Куэнрингерах, которые сами себя называли «Куэнрингскими псами».

Замок Аггштайн

Рыцари-разбойники славились страшной жестокостью и наводили ужас на окрестности. Говорят, что в 1231 году они дотла сожгли Кремс и Штайн. Братья перетягивали Дунай железными цепями и грабили проходящие мимо торговые суда. А затем отсиживались в своей неприступной крепости. Аггштайн действительно был неприступен, нет ни одного свидетельства, что крепость когда-то была взята штурмом. Только подкупом и голодом. Так бы и грабили братья-разбойники купцов, если бы не стали однажды жертвами собственной

Вот такие были в замке туалеты

глупости и жадности. Богатый венский купец по имени Рюдигер, чьи суда неоднократно грабили братья, с согласия герцога нагрузил свой корабль не только дорогими товарами, но и спрятал в трюме 30 солдат. И когда Хадемар лично поднялся на корабль, чтобы забрать добычу, он был схвачен и доставлен герцогу. По одной из версий братья были казнены, а по другой отлучены от церкви и умерли в бедности в одной из деревушек в долине Вахау.

Вид из замка на Дунай

Йорг Шек фон Вальд, получивший замок от герцога Альбрехта V, должен был взимать с проходящих мимо судов пошлину. Однако многочисленные удары судьбы превратили Йорга Шек фон Вальда в настоящего рыцаря-грабителя. Он стал брать не только пошлину, но и заложников, которые не могли заплатить. Рыцарь сажал несчастных на небольшую платформу на отвесной скале, куда попасть можно было только через узенький ход в замке.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Это страшное место Йорг цинично прозвал «Rosengärtlein», что в переводе означает «садик роз». Выбраться из садика было невозможно, и оставалась либо голодная смерть, либо

Внутренний дворик в Аггштайне

Сейчас замок Аггштайн посещают около 55 тысяч человек в год.

отчаянный прыжок вниз, что тоже заканчивалось гибелью заложника. Но одному несчастному повезло - прыгнув, он упал на густые кроны деревьев и остался жив. Он все рассказал герцогу и другим рыцарям. Замок был взят войсками герцога, и хотя жизнь Йоргу Шеку фон Вальду сохранили, закончил он свои дни в нищете и позоре. А в памяти народа рыцарь-разбойник остался под именем не Шек фон Вальд, а Шрекенвальд (Schreckenwald), что означает Страшный Вальд (Wald - нем. «лес»).

ЗАМКИ РАУЭНШТАЙН И РАУЭНЭК

Замки находятся в Нижней Австрии в районе города Бадена в долине Хеленталь.

Они стоят на вершинах гор почти друг напротив друга. Их разделяют долина и река Швехат. Оба замка ныне лежат в руинах. Увитые диким плющом остатки древних строений посещаются немногими туристами, готовыми преодолеть нелегкий путь по горным тропам.

Замок Рауэнштайн

Замок Рауэнэк, бергфрид

А когда-то это были мощные и очень красивые сооружения, построенные минестериалами герцога, называвшими себя Турзенами. Замки Рауэнштайн, Рауэнэк и находящийся неподалеку замок Шарфенэк в средневековье защищали путь из Бадена через Хеленталь до долины Триестингаль.

Попасть в развалины замка Рауэнэк можно по деревянному мосту, который ведет к 25-метровой башне. Сейчас в этой башне живут голуби. Но для тех, кто не боится подняться по внутренней деревянной лестнице наверх, в качестве приза откроется прекрасный вид на окрестности Бадена и сам город с его древнеримским акведуком и старинными виллами. Когда-то восьмиметровые стены замка защищали от врагов внутренний двор, где располагался прекрасный дворец. Первым владельцем замка предположительно в 1130 году стал Хартунг фон Руэнэке. Позднее семья Руэнэке называла себя Турзенами. В 1384 замок перешел к семье Вальзеер, а в 1477 году при штурме сербскими войсками, находящимися на службе у венгерского короля Матиаса Корвинуса, был частично разрушен и более уже не восстанавливался. Окончательно замок разрушили турки в 1529 году. Сейчас замок является собственностью

Вход в замок Рауэнэк, мост

Замок Рауэнэк, башня

города Баден. Хотя замок уже давно необитаем, местные жители говорят, что по его развалинам бродит дух старого Турзена, первого владельца замка. В Сильвестер (новогодняя ночь) голубым огоньком он летает над руинами. Отчего бедный дух заперт в своих крепостных стенах, доподлинно не известно. Известно лишь, что когда на крепостной стене вырастет дуб (только это дерево обладает волшебной силой, и никакое другое), из этого дуба сделают колыбельку, в которой будет спать чистый сердцем ребенок, который впоследствии станет священником и прочитает

свою первую проповедь, старый Турзен станет свободен. И тогда он откроет свои сокровища, спрятанные под руинами. На стене действительно рос когда-то дуб, но бедный дух не знает, что еще два столетия назад во время бури его вырвало с корнем, так что старому Турзену придется вечно слоняться по руинам когда-то прекрасного замка.

Другое владение Турзенов, замок Рауэнштайн, хорошо виден из главной башни Рауэнэк. В 1186 году в Клостернойбургском кодексе упоминаются братья Альберт и Конрад Рауэнштайны. Когда-то в замке было 20 комнат, и он легко вмещал 100 человек. Владельцы замка неоднократно менялись, замок много раз разрушался и отстраивался, а приблизительно с 1683 был необитаем и частично разрушен, пока в 1705 году Франц Антон фон Квариент не приобрел замок. Однако это было непосильно дорогое удовольствие, и, чтобы не платить налоги, у замка была сожжена крыша. Больше замок не восстанавливался. Правда, в начале XIX века в замке находилось производство сосновой золы и скипидара. Сейчас это туристическое место. И хотя добраться до замка можно только пешком, здесь бывает немало туристов, а в ночь с 30 апреля на 1 мая проходит Руиненфестль, или праздник Вальпургиевой ночи.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Известно, что замок посещал Наполеон, когда его войска стояли в Бадене. Тогда он сказал сопровождавшему его генералу Бертье: «Как хорошо было бы в этом тихом местечке св. Елены закончить свою жизнь». Конечно, он имел в виду Хелененталь (долину св. Елены, *Helen* - Елена), но как это пророчески прозвучало! Это не единственная легенда, связанная с замком. Жил когда-то в замке рыцарь по имени Вольф. Он был богатым и жестоким. Однажды он схватил сыновей местного горожанина, занимавшегося отливкой колоколов, за то, что подстрелили дичь в его лесу, и велел их казнить. Отец пришел просить за сыновей, но рыцарь Вольф только рассмеялся и велел бросить отца к сыновьям.

Вход в замок Рауэнштайн

Однако горожане вступились за колокольных дел мастера, потому что никто не отливал колокола лучше. После долгих переговоров рыцарь согласился отпустить, но только двух пленников. И на каких условиях! В качестве выкупа за одного из сыновей отец должен был отлить колокол, первый удар которого прозвучал бы в день казни второго сына. Причем срок для отливки поставил очень короткий. Несчастный старик отлил колокол смерти для своего сына, но его рассудок не выдержал. Он бросился на башню и стал сам звонить в колокол, и все звонил и звонил, хотя его сын был давно мертв. В этот момент разразилась страшная гроза, и молния убила несчастного отца, а вместе с ним сгорел и весь замок. Но рыцарь Вольф был очень богат и восстановил замок. И вот когда его единственная красавица дочь выходила замуж, в прекрасном свадебном наряде она стояла на балконе, встречая въезжавшего жениха, но слишком сильно перегнулась через перила и упала. Смерть ее была мгновенной. И в этот момент сам по себе зазвонил колокол смерти. Это было лишь первое в череде других несчастий, постигших род рыцаря. И каждый раз звонил колокол смерти. Тогда с колокола сняли язык и замуровали в башенной стене. Но глухие удары все равно доносились из башни, когда новая беда приходила в замок. И тогда Рауэнштайны продали замок.

Замок Рауэнштайт, внутренний двор

Есть и другая легенда, связанная с замком Рауэнштайн. Жил-был бедный рыцарь, у которого кроме меча ничего не было. И вот однажды, жалуясь на судьбу, он воскликнул: «Никому я не нужен, даже черту». И он тут как тут. «Что ты хочешь?» - спросил черт. И рыцарь попросил дать ему замок, в котором будет все, что должен иметь уважаемый рыцарь. Черт дал рыцарю замок Шарфенэк, но с условием, что тот никогда не женится, в противном случае рыцарю придется отдать черту свою бессмертную душу. И зажил рыцарь в замке Шарфенэк беззаботно и счастливо.

Но однажды он встретил прекрасную девушку, дочь владельца соседнего замка Рауэнштайн. Девушка завладела сердцем рыцаря, он не видел большего счастья, чем жениться на ней, но тогда он потерял бы свою бесценную душу. Опечаленный рыцарь поделился своей бедой с живишим в лесу отшельником. Тому стало жаль рыцаря, поскольку он слыл в народе справедливым и добрым, и отшельник научил рыцаря, как поступить. И вот наступил день свадьбы. Отшельник тоже пришел. И в самый разгар торжества на свадьбе появился Черный Рыцарь, которого никто из присутствовавших не знал, и потребовал обещанной платы. Рыцарь фон Шарфенэк побелел как плотно. Но тут бесстрашный отшельник подошел к черту и сказал: «Вы обещали дать рыцарю все, что подобает иметь настоящему рыцарю. Так покажите!» Черт ухмыльнулся: «Здесь есть все: и кухня, и конюшня, и подвал, и башня, и стены!» «А где же часовня?» - воскликнул отшельник. Черт выругался и провалится сквозь землю, а счастливый рыцарь зажил счастливо со своей прекрасной невестой из замка Рауэнштайн.

Рассказывать о рыцарских замках Австрии можно долго. Исторические события, легенды и тайны являются частью каждого замка, летописью давних событий, и интерес к ним не иссякнет никогда. Кроме того, каждый замок отличается от других архитектурой и местоположением, каждый по-своему интересен, и посещение замков может стать отдельной, особой страницей в туристической поездке по Австрии.

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2012